

ЕЛЕНА
МИХАЛКОВА

Закрой дверь за совой

Annotation

Человек вышел из дома – и пропал. Растворился в пространстве. Обычная история для большого города, где нет бдительных бабушек на лавочке, а дети предпочитают смотреть в гаджеты, а не по сторонам. Да и что за беда, если исчез старый мошенник Михаил Гройс? Кто о нем заплачет? Но, оказывается, есть люди, которым он дорог. Частные детективы Макар Илюшин и Сергей Бабкин начинают расследование и быстро выходят на след похитительницы. Или этот след ведет в тупик? Стоит ли жизнь жулика драгоценной диадемы? Птица, влетевшая в дом – плохая примета. А если ты сам заманил в ловушку испуганного воробья, но внезапно обнаружил вместо него хищную и хитрую сову, беды точно не миновать. Не станет ли жертвой сам птицелов? Читайте об этом в новом детективе Елены Михалковой «Закрой дверь за совой».

- [Елена Михалкова](#)

-
-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)

- [notes](#)

- [1](#)
-

Елена Михалкова

Закрой дверь за собой

© Михалкова Е., 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

*Лине, без которой не было бы этой книги, и
Андрею, который пытался спасти Гройса*

Глава 1

Утром седьмого июня Михаил Гройс, профессиональный мошенник, вышел из квартиры на Новопесчаной улице и отправился в ближайший сквер. Как позже удалось выяснить, он провел там около часа, бродя по дорожкам в тени кленов и лип.

В полдень Гройс обычно пил кофе в маленькой кофейне неподалеку.

В два часа у него была назначена встреча.

В шесть к Гройсу должен был прийти массажист.

Михаил Степанович был человеком привычки.

Его видели в сквере – он побеседовал с соседкой, выгуливавшей лабрадора. Затем, если верить записям с камер наблюдения, прошел своим обычным маршрутом мимо салона свадебных платьев и продуктового магазина. Однако в кофейне так и не появился. Где-то на полпути Гройс бесследно исчез.

– Его нигде нет! – Моня Верман выглядел не столько взволнованным, сколько испуганным. – Мы все проверили.

– Морги – раз, – вступил Сема Дворкин, загибая пальцы. – Больницы – два. Его бывших женщин – три.

– И много у него женщин? – не удержался Сергей.

– Побольше чем у тебя. Гройс производит на дам чарующее впечатление.

Надо же, подумал Сергей, чарующее. Семьдесят четыре года чаровнику. Наверняка по именам путает своих пассий.

– У Миши выдающиеся мозги, – сказал Дворкин, словно прочитав его мысли.

– Ум ясный, как бриллиант, – подтвердил Верман. – К тому же он в отличной форме. Посмотри на нас! У меня одышка, у Дворкина суставы. А Гройс даже не знает адреса аптек, чтоб им и дальше не встречаться!

– Но три дня уже прошло!

– И никаких вестей.

Ювелиры замолчали и скорбно уставились на Бабкина с Илюшиным.

Все четверо сидели в магазине Вермана и Дворкина. Маленький Верман тербил пуговицу жилета, едва сходившегося на выпирающем животе. Дворкин беспокойно потирал пальцы. При несомненном внешнем сходстве – оба круглые, низенькие, с мясистыми носами и блестящими

лысынами в обрамлении курчавых волос – ювелиры производили на удивление несходное впечатление. Моня Верман был живчик и холерик. Сема – меланхолик с мягкой извиняющейся улыбкой на губах. Первый утверждал себя в пространстве, занимая места больше, чем было выделено ему природой: носил широкополые шляпы, задирали ноги на стол и издавал столько шума, что люди непроизвольно отодвигались подальше. Второй сутулился, ежился, как будто заранее признавая, что рядом всегда есть нечто более важное, чем он сам, и всем диванам предпочитал стул в углу.

– В полицию обратились? – спросил Илюшин.

– Сразу же.

– Заявление приняли?

Ювелиры кивнули.

– Но я же читаю по их лицам, словно это процентные векселя, – мрачно сказал Верман. – На них написано: у вас пропал старичок, очень жаль, но у всех время от времени пропадают старички. Выходят из квартир, забывают куда шли, не помнят собственных имен...

– Это все не про Гройса, – покачал головой Сема.

– Ха! Да если бы это было про Гройса, мы бы никогда...

Моня Верман оборвал фразу на полуслове. Илюшин поймал быстрый взгляд, которым обменялись ювелиры.

– Мы бы никогда...

– Мы бы никогда не подружились, – после паузы закончил Дворкин.

– Он приехал полгода назад, – сказал Верман. – Оставил свою гостиницу на попечение дальней родственницы и решил какое-то время пожить в Москве. Чем он занимался? Чем может заниматься тихий интеллигентный старик! Утренний моцион, обед в ресторанчике, вечер в прекрасной компании, да, я имею в виду нас, и пусть Дворкин кинет камень в того, кто скажет, что это не так. Раскидывали картишки, травили байки... Безмятежные пенсионерские радости! Нет, мы-то не пенсионеры, но Миша Гройс – давно уже да, и между нами, это большое счастье для многих, что он уже тысячу лет как отошел от дел. Миша делал людей умнее, однако тут есть тонкая связь: отчего-то люди умнеют, когда денег у них в кошельке становится меньше, потому и говорят, что многие знания – многие печали. Что еще он делал? Читал. Пару раз наведывался к стоматологам, чисто чтобы похвастаться. И вдруг пропал.

Мог ли он взять билет на самолет и улететь в теплую цивилизованную страну? Да, этого нельзя исключать. Но очень странно, что он не предупредил своих друзей, поэтому им с Дворкиным кажется, что все обстоит гораздо, гораздо хуже.

Макар Илюшин и Сергей Бабкин переглянулись.

Дело, по всем признакам, было как раз для них. Много лет они занимались розыском пропавших людей. Положа руку на сердце, с учетом возраста Гройса, следовало ожидать, что расследование будет недолгим.

И все-таки Илюшина что-то смущало.

– Значит, Михаил Степанович приехал в Москву чуть больше полугода назад, – задумчиво сказал он.

– Чуть больше, – согласился Моня.

– Во вторник вы планировали сыграть с ним в преферанс.

– В преферанс, – эхом откликнулся Моня.

– Он возобновил общение, поскольку вас связывают теплые воспоминания.

– Воспоминания... – вздохнул Моня.

– О том, как вы облапошили Хрящевского на сто пятьдесят миллионов, – не меняя интонации, сказал Макар.

Верман так и подпрыгнул.

– Это была самозащита!

– Или на сто восемьдесят?

– Хрящевский был бандит! Он убил бы нас!

– Хотя я не удивился бы и двумстам^[1].

– Дворкин, да скажите же ему!

Сема потер нос.

– Видите ли, Макар... – начал он.

– Я вижу, что вы оба что-то утаиваете, – перебил Илюшин. – Хотите, чтобы мы начали искать вашего Гройса? Я не против. Но тогда рассказывайте все. А благостную историю о пожилом джентльмене, скромно проводящем время за преферансом с друзьями, оставьте полиции.

Сергей Бабкин, который невозмутимо перекатывал во рту зубочистку, выплюнул ее и поднялся со стула.

– Макар, все это можно сформулировать куда короче.

Он оперся ладонями о стол и мрачно осведомился, обращаясь к Моне:

– Во что вы опять влезли?

Тот издал было протестующий возглас. Но Дворкин махнул рукой:

– Расскажите им, Верман.

Моня вздохнул и рассказал.

Идея принадлежала Гройсу. Старая добрая афера с бриллиантами – что может быть респектабельнее? На выставке драгоценностей появлялся представительный пожилой господин в слегка старомодном костюме.

Старомодность внушает доверие.

– Самым сложным оказалось собрать предварительную информацию, – сказал Верман. – Нам требовалась правильная выставка.

– Правильная выставка – это та, на которую попадают правильные люди, – тихо добавил Сема.

– Толстосумы? – спросил Сергей.

– Лучше, значительно лучше! Их жены.

Выставки драгоценных камней бывают разные. Те, на которые можно попасть, заплатив за входной билет двести рублей, троим мошенникам не подходили. Не годились даже те, где билет стоил пятьсот. Они ждали мероприятий, объявления о которых не вешаются на столбах и не появляются в прессе. Туда приходят те, кого устроители называют «избранным кругом», и этот круг не платит за вход.

– Пригласительный Гройсу получить не удалось, – сказал Верман.

– Пришлось нарисовать, – вздохнул Дворкин.

...Старый джентльмен в костюме-тройке и при золотых часах, цепочка которых свисает из кармана, неспешно бродит по выставке. Время от времени он достает складную ювелирную лупу и склоняется над заинтересовавшим его камнем. Иногда обменивается приветствием с кем-нибудь из гостей, так что у наблюдателя создается впечатление, что он знаком минимум с дюжиной из присутствующих. Одышливому толстяку джентльмен воодушевленно жмет руку и расспрашивает о делах. Бедняга расстается с ним в полной уверенности, что память ни к черту – он не в силах, как ни пытается, вспомнить этого благообразного господина.

Но Гройс здесь не из-за него. Его улов ходит рядом, шуршит юбками, вздыхает над ожерельями и браслетами, сверкающими под грамотно поставленным светом.

Бриллианты рассыпают снежные искры. Изумруды холодны и прекрасны, как вечность. Розовый сапфир нежнее лепестка шиповника, синий ярче волны.

Хороший драгоценный камень поет, и это пение сирены. Смотри на него, дыши им, впитывай его цвет, впадай в безумство.

Легкая утрата критичности восприятия – как раз то, что нужно старику, кивающему тебе с мягкой улыбкой.

Если бы Михаил Гройс родился волком, в подведомственном ему лесу были бы самые здоровые лоси на всю округу. Добычу он определял с безошибочностью матерого хищника.

Завести будто бы случайный разговор – дело одной минуты. И вот

Михаил Степанович уже рассказывает новой знакомой, что он здесь, собственно, по работе. В чем она заключается? Он инвестирует в драгоценные камни.

– Гройс работал виртуозно, – сказал Верман. – Я сам торгую сорок лет и знаю, как продать курицу женщине, которая пришла за десятком яиц.

– Курицу, козу, сенокосилку и девять соток под Воронежем, – буркнул Дворкин.

– Но Миша Гройс давал им больше. Я продавал курицу. А он – райскую птицу.

– А если без метафор? – спросил Макар.

Без метафор дело выглядело так: познакомившись с жертвой и произведя на нее благоприятное впечатление, Гройс рассказывал, что у него имеются бриллианты исключительного качества по невысокой цене. «Ничего подобного нельзя встретить сейчас в России. Поверьте, я знаю, о чем говорю». Откуда они? О, один его хороший друг владеет собственным месторождением – в Ботсване, а это для понимающих о многом говорит.

Женщина послушно кивала – ей хотелось выглядеть понимающей.

«Сейчас мне нужно аккумулировать средства для одной крупной покупки – не могу разглашать подробностей. Я распродаю свой запас. Вы же понимаете, вот-вот грянет кризис...»

Это был первый точный удар. При слове «кризис» жертва вздрагивала и испуганно вглядывалась в Гройса.

«Вопрос только во времени, – пожимал плечами старик. – Год, два... Я сам живу не в России, у меня чисто деловой визит в Москву. Но людей, у которых здесь семья, родители, бизнес... Мне их искренне жаль. Хорошо тем, у кого есть, скажем, бриллианты. Деньги превратятся в бумагу. А камни всегда в цене».

Это было второе попадание. Память подсказывала жертве, что старик прав: и мать, и бабушка хранили в шкатулке несколько колец, которые передавались по наследству. Их почти никогда не надевали. Предназначение этих вещей заключалось не в том, чтобы украшать, а в том, чтобы, когда придет страшное время, обратить их в настоящие ценности, сохраняющие жизнь: еду, одежду, лекарства.

«Не желаете выпить чашечку кофе? – предлагал Гройс. – Неподалеку варят отличный эспрессо».

И в уютном ресторане, где с ним уважительно, как с завсегдатаем, здоровались официанты, он продолжал лить свой вкрадчивый яд.

Первый этап общий для всех – испугать и показать путь спасения. На втором начиналась тонкая индивидуальная работа.

Номер один: чуть больше сорока, невысокая, толстая, с полным отсутствием косметики на отеком лице. Речь быстрая, хорошо интонированная. Одеты подчеркнуто небрежно. Экспрессивна и настойчива.

«Представьте, как будет поражена ваша семья, когда узнает, что вы – обладательница приличного состояния. Интуиция мне подсказывает, что они ценят вас недостаточно. В вас чувствуется деловая хватка. Вы умны, сообразительны, отлично понимаете, где ваша выгода. Что? Домохозяйка? Не смешите, моя дорогая. Мы беседуем больше часа, и поверьте, вы дадите фору большинству мужчин в умении задавать правильные вопросы».

Номер два: лет тридцать пять, худощава, бледна. Речь медленная и неуверенная. Одеты настолько безупречно, что это выдает плохой вкус.

«Когда придет кризис и бизнес вашего мужа окажется под угрозой, кто сможет спасти его? Представьте: он думает, что разорен, его дело уничтожено. И вдруг появляется вы и выкладываете перед ним на стол один чистейший бриллиант за другим. Тогда он поймет, что настоящая драгоценность – это женщина, на которой он женат. Простите, чем вы занимаетесь в свободное время? Садам? Да, в ваших руках все должно расцветать. Вы несете жизнь, несете спасение всему живому».

Номер три: около двадцати восьми, очень красива, самоуверенна. Одеты эффектно, на пальцах дорогие кольца, сделанные явно на заказ.

«О нет, моя дорогая, с вами у меня не может быть никаких дел! Муж запретит вам такие серьезные траты».

– Они купили у него отличные бриллианты по смешной цене, – сказал Верман. – Такой смешной, что я плакал, когда продавал им свои камни.

– Подождите-подождите, – Сергей протестующе вскинул руку. – Вы отдали Гройсу свои бриллианты, он всучил их богатым скучающим дамочкам... В чем профит?

– Не просто всучил. Миша предупредил, что возьмет камни обратно, если у покупательницы возникнут какие-то сомнения. Он был с ними любезнее, чем мой дядя Лева с кредиторами. «Я не хочу, чтобы вы пожалели о принятом решении!» В торговле и при знакомстве с женщинами первое впечатление – самое важное. Они должны были ему доверять. И он этого добился.

– Камни были чистейшие, – вступил Дворкин. – Сертификат МГУ, все

честно. Гройс посоветовал клиенткам проверить покупку у независимого геммолога. Тот все подтвердил.

– То есть вы на этой сделке потеряли?

– Больше, чем юноша теряет иллюзий в браке.

– И кто-нибудь вернул бриллианты? – спросил Макар.

– Одна робкая лань передумала. Миша немедленно отдал ей деньги.

Что она сделала после этого, знаете?

Макар рассмеялся:

– Купила их обратно.

– Ты понимаешь за женское сердце, – кивнул Верман. – Она убедилась, что здесь ее не обманут. И захотела вдвое больше, чем в первый раз. Женщины всегда так поступают.

– Конечно, Гройс продавал не бриллианты, – помолчав, сказал Дворкин. – Одна купила у него мечту о собственной значимости. Вторая приобрела ощущение, что она умнее своего супруга. Третья – упоительное чувство настоящей большой тайны. Четвертой оказалось достаточно намекнуть, что муж не позволит ей совершить такую сделку, и она вцепилась в камни из одного только чувства протеста.

– Признаюсь, в какой-то момент я подумал, что мы рассчитали неправильно, – сказал Верман. – Что на этом все закончится. Довольные тетки усядутся на наших камешках, как курицы на яйцах. Но Миша оказался умнее меня.

– Прозорливее, – поправил Сема. – Он знал, что будет дальше.

Счастливая женщина болтлива. Она не в силах держать радость в себе. Ни одна из жертв Гройса не поделилась с мужем – на это и был расчет, – но каждая рассказала подругам о старике, продающем бриллианты высшего качества.

– Пирамида! – Сергей наконец понял, что задумали Гройс сотоварищи.

– Тетушки понесли нам деньги, – грустно сказал Моня. – Они получали камни, может быть, не такие хорошие, как первые...

– Совсем никудышные? – прямо спросил Илюшин.

Верман попытался юлить, но вынужден был признать, что камни были паршивые.

– Брак, – вздохнул Сема.

– Хлам, – подтвердил Моня.

– А если бы их проверили у геммолога?

– Непременно проверили бы, – согласился Верман. – Поэтому Миша провернул всю операцию махом. Одна встреча – и все расходятся довольные.

– Сколько их было? – спросил Илюшин. – Кинутых?

Моня молчал.

– Трое? Пятеро?

– Двадцать две, – выдавил Верман.

Бабкин крикнул.

– Средняя сумма покупки?

– Да немного, – жалобно пробормотал Моня.

– Сколько?

– Ну, пара миллионов... Может, три...

– Кто-то и на пять набрал, – подал голос Дворкин. – После этого Гройс должен был просто исчезнуть.

– Он и исчез, – подытожил Илюшин. – Вы собирались поделить деньги во вторник, так? М-да, эту историю вы в полиции не расскажете...

Илюшин посмотрел на помрачневших ювелиров. Он прекрасно понимал, что обоих терзает одно подозрение: что, если Гройс решил попросту сбежать, не пожелав делиться?

– Не поступил бы он так, – пробормотал Дворкин. – Миша – человек исключительной честности!

Сергей Бабкин все еще продолжал смеяться, когда за детективами закрылась дверь ювелирного магазина.

– Ха-ха! Исключительной честности!

– Ты же понимаешь, что он имеет в виду.

– Понимаю. Все равно звучит сказочно.

Они свернули в безлюдный двор, где только худая кошка грелась на подоконнике первого этажа над вечной надписью «Лена – дура». В каждом дворе живет такая Лена, никуда не деться от нее, глупой, вредной и хорошенькой, как ангорский хомячок. Может быть, подумал Макар, она и не существует сама по себе, может быть, ее вызывают к жизни эти надписи. Наступает день, когда патриархи двора, сажавшие сто лет назад в окрестную землю черенки тополей, собираются вместе и молча решают, что умных вокруг стало слишком много. Баланс сил вот-вот будет нарушен, и приведет это к катастрофам, а то и еще хуже – реновациям. Чтобы не случилось беды, один из них достает нестираемый мел и выводит на стене куриным почерком заветные слова: «Лена – дура». Разместит заклинание на самом видном месте, и никто не догадается, что это магия.

И вот уже все возвращается на круги своя: дом стоит, свет горит, дети играют в мяч, соседка с пятого сушит свои трусы над клумбой с бархатцами и гоняет алкаша Леху, чтобы не курил на лестничной клетке,

тополя роняют пух, кошка греется на подоконнике.

– О чем задумался? – спросил Сергей.

– О вечных вещах, – помолчав, сказал Илюшин. – О том, почему они не исчезают, хотя должны бы.

Бабкин достал сигареты. Он давно бросил курить и носил с собой пачку лишь для того, чтобы удобнее было разговорить свидетелей. Но день сегодня выдался солнечный, с мягким теплым ветром, – такой день, когда единственное, чего не хватает, чтобы сделать его совсем славным – это вовремя выкуренной сигареты. И двор вокруг был правильный, как с картин советских реалистов. Даже маленький ржавый «запорожец» приткнулся в углу, бог знает отчего не увезенный отсюда хищными эвакуаторами.

– Ты встречался с Гройсом. – Макар смахнул со скамьи тополиный пух и сел. – Каким он тебе показался?

– Хитрый старый лис.

– Мог кинуть своих?

Бабкин повертел зажигалку.

– Вряд ли. Сумма не та. Для старикана подобная афера – просто развлечение. Приработок к пенсии.

– К тому же гостиницу на побережье он передал то ли внучке, то ли племяннице...

– Может быть, с новыми владельцами дело нечисто? Об этом тебе лучше спросить у Вермана.

– Спрошу. Плохо, что они врут на каждом шагу.

Из подъезда вышел старик с черным мопсом. Мопс покосился на кошку. Старик покосился на сыщиков.

– Выходит, Моня с Дворкиным поучаствовали в деле бриллиантами, а Гройс взял на себя основную работу, – задумчиво сказал Макар.

Приличного вида джентльмен, инвестирующий в драгоценные камни, появлялся из ниоткуда и растворялся в тот самый момент, когда все были уверены, что серьезные сделки только начинаются.

– Проверить бриллиант – дело пары часов. – Сергей с удовольствием затаился и выпустил дым. – Если кто-то из теток понял, что ее обманули, и кинулся к мужу...

– То у нас двадцать два потенциальных подозреваемых в похищении Гройса.

– Зачем похищать? Может, убили и прикопали?

– Не знаю, просто версия. Ладно, давай работать. Ты проверяешь камеры и свидетелей, я попробую для начала выбить из Вермана фамилии

облапошенных баб.

– Думаешь, Верман знает?

– Надеюсь, Гройс называл хоть какие-то имена. Иначе у нас уравнение с двадцатью двумя неизвестными.

Глава 2

Сознание возвращалось так: сначала слух. Как будто сквозь сон кто-то настойчиво позвал его: вставай, пора!

Затем зрение. Перед ним забрезжило белое, с редкими вкраплениями синевы. Гройс решил бы, что видит облачное небо, если б изображение не было так бесспорно лишено объема.

Он сфокусировал взгляд и обнаружил, что смотрит на стену. Стена была оклеена светлыми обоями с васильками.

Итак, перед ним стена, слева тоже стена, а его тело, переодетое в пижаму, покоится на широкой кровати.

Больница?

Но Гройс уже знал, что нет. Обоняние возвратилось последним, зато одним махом, точно сдернули с носа прищепку. Повеяло сладковатым химическим ароматом, похожим на земляничный, куриным бульоном и почему-то псиной. Однако в этом странном аккорде не прозвучало и ноты больничного запаха.

Старик застонал и попробовал перевернуться. Что-то звякнуло, и он сразу понял, что это.

Наручники. Его приковали к постели.

– Вы долго спали, Михаил Степанович.

Гройс повернулся на голос. Движения давались ему с трудом, но без боли, словно он плыл в тугой воде.

– Вот, выпейте.

Ему приподняли голову, хотя с этим он бы справился и сам, и влили в рот несколько глотков воды. Жидкость потекла по подбородку, и старик раздраженно оттолкнул чашку – слава богу, хоть правая рука оказалась свободна.

– Где я? – просипел он.

– В моем доме.

Женщина лет пятидесяти в темно-синем платье заботливо склонилась над ним, поправила одеяло. В памяти что-то промелькнуло.

– Я вас видел. Ира?

– Ирма.

Гройс попытался сесть. Снова звякнуло, и старик устался на цепочку, соединявшую его запястье со спинкой кровати.

– Вынужденная мера, – сказала женщина, опустившись на край

постели. – Непродолжительная.

– Вынужденная? Что происходит?

Одно из правил Гройса гласило: всегда притворяйся слабее, чем ты есть. Пусть противник недооценивает тебя. В нужный момент ты воспользуешься его заблуждением.

Но сейчас ему не приходилось играть: он и впрямь чувствовал себя беспомощным. Как медуза, вытащенная на берег. Глупое склизкое желе, не способное преодолеть и пары метров до спасительной кромки моря.

Больше всего беспокоили не наручники – в конце концов, оказываться прикованным Гройсу было не впервой. Мучил провал в памяти. Он не помнил, как попал сюда. Тротуар... июньский пух летит отовсюду... Набухшие чернильные гроздья сирени, шум машин...

Гройс мысленно проделал путь из сквера домой заново. Но воспоминания обрывались на том месте, где он приветственно кивнул знакомому продавцу в палатке с фруктами.

– Как я здесь оказался? Потерял сознание на улице?

– Почти, – отозвалась женщина после небольшой заминки. – Вам нужно поесть. Я принесу бульон.

Она встала, разгладила подол. Жест этот почему-то насторожил старика. Едва она вышла, он откинулся на подушку, закрыл глаза, выровнял дыхание.

Ирма вернулась очень быстро. Старик разглядывал сквозь неплотно сомкнутые веки, как она ставит поднос на стул рядом с кроватью, садится, снова и снова проводит ладонью по темно-синей ткани, разгоняя волны мелких складок. И вдруг осознал, отчего ему не нравится этот жест. Он вызывал в памяти одного его давнего знакомого, страдавшего неврозом навязчивых состояний.

– Поешьте. А затем поговорим.

Что ж, это его устраивало. Гройс сел и покорно принял из ее рук поднос с пиалой.

Позже он думал, что именно тогда упустил свой шанс. Рядом был стул, а на коленях поднос, пусть и легкий, но с острыми углами – ударить ее в висок, повалить на кровать, придушить до потери сознания. Старик был далек от мысли, что о нем заботится добрая самаритянка. Его приковали к кровати. Никакими куриными бульонами не залить тот факт, что он здесь пленник.

Но вместо того, чтобы нанести удар, Гройс продолжал молча глотать теплую жидкость. «У нее может не быть с собой ключа от наручников», – прикидывал он. Но главное, не было уверенности, что хватит сил одолеть

эту бабу. Черт знает, какую гадость ему вкололи: во внезапный обморок без химических веществ он не верил.

– Я буянил? – спросил он с добродушной улыбкой и подергал левой рукой. Цепочка зазвенела.

– Доешьте, – сухо вато посоветовала женщина.

Что ж, на провокации не поддается. Ладно. Будем пока играть по твоим правилам.

Короткий период, когда Гройс был полностью дезориентирован, прошел, и теперь он вытягивал информацию из всего, что видел и слышал.

Первое и самое главное: звуки. Их почти нет, вернее, нет привычного сопровождения его жизни: неумолчного гула московских трасс. В приоткрытую форточку доносились птичьи трели, шумела листва – и только.

Дом. Частный. На отшибе или в очень тихом месте, судя по тому, что он глотает свой бульон уже десять минут и за это время не услышал ничего даже отдаленно похожего на голоса или мотор автомобиля.

Второе – комната. Светелка, в которой всей обстановки – лишь его кровать и стул. Даже ковра на полу нет. Два окна, завешенных скучными бежевыми шторами, довольно плотными, хоть и пропускающими дневной свет. Под потолком качается лампа в молочно-белом коконе абажура. Дверь плотно закрыта.

Она забрала у него пиалу с остатками бульона, поднялась и прежде чем уйти, ногой отодвинула стул на середину комнаты. Так, чтобы он не мог дотянуться.

– Теперь давайте побеседуем. – Вернувшись, Ирма села не на кровать, а на стул, в некотором отдалении от него. – Вы меня вспомнили?

– В общих чертах, – соврал Гройс. – Вы приходили ко мне два?.. три дня назад?

– Четыре, – она любезно улыбнулась. – Помните, о чем я вас просила?

Настала очередь Гройса улыбаться:

– Вы не просили. Вы предложили сделку.

– И вы отказались.

Ладони ее лежали на коленях – длинные пальцы, скромный бежевый лак на овальных ногтях. Спокойное достоинство во всем облике. Лишь помада, на взгляд Гройса, была ярковата – неожиданное пятно фуксии на бледном лице. Из украшений только брошь на платье: светло-желтые листья и ягоды из янтаря.

– Я не торгую своей биографией.

Женщина понимающе кивнула и сложила губы в сочувственную

полуулыбку.

– Боюсь, теперь у вас нет выбора.

– Почему?

– Условия поменялись, Михаил Степанович. Вы сами не замечаете?

Она с еле уловимой издевкой обвела рукой комнату. Гройс начал что-то понимать.

– Хотите сказать, вы приволокли меня сюда, чтобы я рассказывал вам подробности своей трудной судьбы? В самом деле?

Он захохотал и смеялся, пока в горле не запершило.

Ирма терпеливо ждала, и, когда стало тихо, сказала:

– Взаимная откровенность – залог успеха нашего сотрудничества...

– Давайте-ка без лозунгов, – оборвал старик.

Он начал злиться. При первой встрече она показалась ему странной, как бывают странны очень целеустремленные люди, но никак не глупой. Теперь он внес поправку в свое первое впечатление. Дура. Законченная. Из тех легко стервенеющих баб, которые без угрызений совести переедут машиной соседскую шавку, если та вздумает гадить им на газон. Сколько времени он провел без сознания? В комнате часов не было. Его собственные наручные часы, очевидно, находились там же, где его костюм.

Интересно, Ирма сама переодевала его? Или у нее был помощник? Не так-то просто ворочать безвольное тело.

Морщилась она, когда снимала с него носки? На несколько секунд Гройс пожалел о своей чистоплотности. Представив, как со стуком падает на пол ботинок и в нос Ирме шибает удушливая вонь, он даже развеселился. Баба-то чистюля. Из тех, у кого в сортире миллион освежителей воздуха, но она все равно каждый раз в хозяйственном покупает новый и никак не может остановиться.

Какой сегодня день? Гройс дотронулся подбородка и вздрогнул: пальцы кольнула короткая щетина. Выходя из дома во вторник, он был чисто выбрит – получается, сегодня уже среда.

Сутки. Он лежит здесь сутки.

– Вернемся к откровенности, – ровным голосом произнесла Ирма, ничем не выдавая своего раздражения. – Возможно, вы забыли то, что я вам рассказывала о себе. Давайте напомним. Пятнадцать лет я пишу детективные романы. Две книги в год. Сорок тысяч твердого тиража стабильно расходятся в первый же месяц продаж. Вы понимаете, что это значит?

Гройс хмуро мотнул головой.

– Что я очень хороша. – В ее голосе не звучало ни грамма хвастовства

или даже удовлетворения. Она лишь констатировала факт. – Не лучшая, нет. Любители детективов назвали бы вам как минимум три фамилии из тех, с кем мне приходится соперничать. И все трое продают больше. Но до последнего времени я крепко стояла на ногах.

Гройс непроизвольно перевел взгляд на ее ноги. Из-под подола выглядывали разношенные коричневые туфли на плоской подошве. Любопытно, она надела туфли ради него или всегда ходит в них? Чем дольше он смотрел на нее, тем больше склонялся к мысли, что это ее повседневная домашняя обувь.

– Вы мне все это уже рассказывали. Трагическую повесть о том, что у вас закончились сюжеты.

– Послушаете еще раз, – невозмутимо парировала она. – Так что, Михаил Степанович, вы правы. У меня действительно больше нет идей для новых книг. А вы – ходячий кладезь историй. Вам семьдесят четыре года, у вас за спиной полвека мошенничества...

– Не знаю, кто ввел вас в заблуждение... – скучным голосом начал старик.

Она махнула рукой:

– Перестаньте! Все, что мне от вас нужно – это десяток-другой криминальных случаев из вашей жизни.

Гройс насмешливо улыбнулся.

– Я сделаю из них приключения, – заверила она. – Но мне нужны детали. Подробности. В таких вещах крайне важна достоверность! Я все продумала! – Ирма подалась вперед, глаза ее заблестели. – У меня будет сквозной герой – мошенник и пройдоха. Кто-то вроде Остапа Бендера нашего времени. Пусть он кочует из романа в роман. Обрастает друзьями. Ввязывается в авантюры. А в финале раскается и уйдет на покой. Может быть, даже станет помогать полиции. Расскажите мне о нем, Михаил Степанович, и выйдете отсюда через две недели.

– А если не расскажу?

– Расскажите. – В ее голосе звучала поразившая его убежденность. – Вы умный человек.

– Что это значит, по-вашему?

– Что вы способны правильно расставить приоритеты.

Старик хмыкнул.

– И какие же у меня приоритеты?

– Вам нравится жизнь, – просто сказала Ирма. – Вы любите вкусно поесть, выпить хорошего вина. Теплым вечером вы садитесь на балкон, глазете на девушек, нюхаете сирень... Наверняка раз в неделю играете в

покер с друзьями. Пересматриваете старые фильмы. У вас отличная жизнь, Михаил Степанович!

– Вы забыли упомянуть проституток, – усмехнулся он. – Таких, знаете, сисястых и с жирными задницами. Люблю дебелих! Заказываю их пару раз в неделю. Хорошо идут к сирени и покеру.

На ее лице промелькнула гримаса отвращения, такая мимолетная, что если б Гройс не ловил ее, как бабочку, в сачок своего внимания, он бы ничего не заметил. «Что, голуба, сбил я тебя с мысли?»

Но она быстро взяла себя в руки.

– Вы захотите как можно скорее вернуться к вашим удовольствиям, Михаил Степанович. К сирени, балкону... и девицам. Это случится буквально через пару недель. Вряд ли у нас уйдет больше на то, чтобы записать вашу биографию. Мне не нужна вся ваша жизнь. Только избранные моменты.

– Слушайте, вы не в себе, – устало сказал Гройс. – Сначала вы предложили мне денег, но это не сработало. Тогда вы меня похитили. Ирма, вы соображаете, или на истощенной творческой почве у вас никакие здравые мысли не растут? Допустим, я согласился на ваши условия. Вы собираетесь потом меня убить?

– Зачем?

– А! Значит, отпустите меня, и я мирно побреду домой, да? Голуба моя, я направлюсь прямиком в полицию и расскажу им, где провел последние две недели. И кстати, сирень уже к тому времени отцветет.

Ирма улыбнулась.

Если упоминанием о шлюхах Гройс надеялся выбить ее из колеи, то теперь настала его очередь чувствовать себя неуверенно. Отвратительная это была улыбка. Покровительственная и жалостливая.

– Михаил Степанович, вы старый.

– Что?

Он так растерялся, что даже не почувствовал обиды, хотя упоминание о возрасте его всегда задевало.

– Вы старик. А старикам никто не верит. Вы сможете предъявить хоть одно доказательство?

– Но... Как же...

– Я скажу, что ноги вашей не было в моем доме. Что вы просто спятивший дедок. В нашей культуре, Михаил Степанович, если вам больше шестидесяти, ваши слова по умолчанию имеют меньший вес, чем слова сорокалетнего. Старческие болезни! Деменция, бред, ипохондрии, мании... Галлюцинации! Я расскажу, как обращалась к вам за помощью, но вы

выставили меня из своей квартиры и выглядели крайне возбужденным. После этого я вас больше не видела.

Ирма нахмурилась и очень естественно произнесла, обращаясь к незримому собеседнику возле окна:

– Простите, что? Он утверждает, что я держала его у себя, потому что мне требовалось описание его афер?

Она расхохоталась.

Затем, миг став серьезной, перевела взгляд на Гройса:

– Убедительно?

«Сука».

– Есть кое-что, чего вы не предусмотрели, – медленно сказал он. – А если я сейчас возьму да сдохну прямо тут от сердечного приступа? Как будете прятать тело? Вы не представляете, сколько возни с трупом. Даже с таким древним, как мой.

Ирма покачала головой.

– Михаил Степанович, вы как ребенок, ей-богу. Зачем мне прятать ваш труп? Я сниму с вас наручники, вызову врачей и полицию. Расскажу им, что вы пришли ко мне два часа назад.

– А где я был до этого?

– Понятия не имею, – удивленно отозвалась Ирма. – Скитались. Может, забыли где живете. Я бы не удивилась! Вы заговаривались, производили удручающее впечатление.

– Откуда я узнал ваш адрес? – резко спросил Гройс.

– Я сама вам его назвала, когда приезжала обсудить мое предложение.

– Значит, я заговаривался?

– И тряслись. Я не могла отпустить вас в таком состоянии одного! Поймите, мы все беспокоимся за стариков. Они плохо приспособлены к нашей жестокой действительности...

Уголки ее губ скорбно опустились. Лицо приобрело выражение сострадания, в глазах мелькнули слезы.

– Сколько времени я провел без сознания и что вы мне вкололи? – спросил Гройс, чтобы заполнить растерянную паузу. Не выдать, до какой степени его ошеломила – нет, не столько ее предусмотрительность, сколько своя неспособность предугадать ее действия. Он пытался сконцентрироваться, но стоило ему вспомнить ее пренебрежительное «вы старый», и мысли путались.

– Меньше суток. Не беспокойтесь, ничего дурного с вами не случилось. И вашему здоровью угрозы тоже нет. Вы в состоянии диктовать.

Она закрыла его в этой комнате-коробочке, как жука, и ждет, что он

будет жужжать и разгонять крылышками застоявшийся воздух, в котором больше не витают идеи. Гройса охватила такая ярость, что перед глазами замельтешили черные точки. Тише, тише... Так и в самом деле недолго до инфаркта!

Он вдруг ужасно испугался. Она даже скорую к нему не вызовет, случись что. Позвонит им, когда он уже умрет, и выдаст свою поганую байку о спятившем пенсионере, прибившемся к ней как бездомная дворняга.

Перед Гройсом открылась бездна, из которой на него оценивающе глянула смерть. Ты идешь, старик?

Гройс отшатнулся.

– Тащите компьютер, или диктофон, или что там у вас, – хрипло сказал он.

Несколько секунд Ирма пристально смотрела на него.

– Вы еще не готовы.

– Готов.

– Я думала, раньше вечера не приступим.

– Незачем тянуть.

– Раньше сядем, раньше выйдем, так? – она весело подмигнула.

Гройс выдавил из себя улыбку.

– Я очень рада, что вы так быстро приняли решение. Нет, поймите правильно, я не сомневалась в вашем здравомыслии... Но все-таки способ, которым я...

Она заметила в его глазах насмешку и резко оборвала свою болтовню.

– Давайте работать.

Рука ее скользнула в карман, и из недр синей юбки был извлечен сначала блокнот, затем тюбик помады. Она что, собирается красить при нем губы? Но вместо яркого стика из тюбика выполз бледно-розовый столбик, которым Ирма провела по губам. Сразу разъяснился и источник запаха химической земляники – пахла помада, резко и отталкивающе.

– У меня пересыхают губы, – пояснила Ирма, поймав его внимательный взгляд. – Приходится постоянно смягчать. – Она открыла блокнот. – Что ж, я готова...

– Много лет назад я оказался в тюрьме, – медленно начал Гройс. – Вины на мне не было. Я загремел по доносу. Ну, знаете, в те времена с этим было просто. А доносчиком был мой друг.

Быстрый сочувственный взгляд.

– Серьезно?

– Да. Ему нравилась моя девушка. И еще я тогда устроился радистом

на «Атамана Разина», хлебное место. Мы в Японию ходили, торчали в порту по две недели. Надо было совсем дураком быть, чтобы на этом хоть чуть-чуть не подняться. – Гройс выразительно потер большой палец об указательный. – А мой дружок как раз мечтал о том, чтобы его туда взяли. Вот он и состряпал писульку. Короче, возвращаюсь на родину, а меня прямо с трапа снимают – и в воронок. Я такой: что за ерунда? Никто мне, конечно, ничего не объясняет. Пару раз сунули в рыло, я и заткнулся.

– Какой это был год? – спросила Ирма. Она стремительно строчила в блокноте.

– Не помню. Но репрессивная машина нашего государства работала на всю катушку. Суд, конечно, состоялся – чистая формальность. У судьи на роже все было написано. Эта падла, ухмыляясь, шмякнула мне пожизненное, и засим я отправился в камеру.

– На зону?

– В тюрьму особого режима. Представляете, в каких условиях там живут заключенные? Каменный мешок в подвале. Ни окон, ни сокамерников. Даже крысы не приходят. Я думал, свихнусь. – Гройс покачал головой. – Но через несколько лет услышал, как...

– Несколько лет? – изумленно перебила она.

– Ну да. Чему вы удивляетесь? Я там провел немало времени! В общем, я услышал стук. Ночью. Хотел заорать, да удержался, слава богу. Гляжу – из-под койки вылезает перепачканная фигура. Я, извините, едва не обмочился.

Ручка бешено выплясывала на листе, оставляя за собой вязь закорючек.

– Короче: оказалось, что это не дух, а такой же заключенный. Бывший священник. Кто-то из прихожан капнул, что он хулит власть, и его, естественно, тут же закрыли. Случилось это за десять лет до того, как я попал в тюрьму. И он десять лет рыл подкоп. Головастый был мужик, и руки золотые. Мы с ним через этот ход пробрались в его камеру. Когда он мне инструменты свои показывал, я аж дара речи лишился. Ну, Кулибин, натурально! Но кое-что не рассчитал. Думал вылезти за пределы тюрьмы, а оказался в моей камере. В общем, мы сдружились. Когда вертухай сваливал, он ко мне приходил. Образованный был, начитанный. Мы с ним латынь изучали. Древнегреческий...

– Вы говорите на латыни?

– Читаю. Со словарем. Пер аспера ад астра, знаете...

– Неужели вас ни разу не застали?

– Мы были очень осторожны. Учитывали расписание обхода

надзирателей. Однажды придумали с Фаридом – так звали священника – новый план побега. Но для этого нужно было подписаться на мокруху. А пока я раздумывал, Фарид внезапно заболел. С ним случился приступ.

– Какой?

– Эпилептический, – отозвался Гройс. – А после паралич. Он уговаривал меня бежать одного, но я решил остаться с ним до конца. Когда Фарид понял, что я его не брошу, он мне кое-что рассказал. Много лет назад ему исповедался бандит... Награбили они со своими корешами столько, что на десять жизней хватило бы. Ювелирный взяли. Но менты за ними шли по пятам, и бандит зарыл коробку с камешками в одном секретном месте. Его подстрелили. И перед смертью он рассказал Фариду, как ту коробочку отыскать. А Фарид передал мне. Когда он умер...

– ...вы вынули его тело из савана, переложили на свою постель, а сами забрались в мешок и притворились мертвым?

– Вы дьявольски догадливы!

Ирма встала и захлопнула блокнот. Губы сжались в тонкую линию.

– Байками меня потчуете, Михаил Степанович?

– Хорошего человека и угостить не грех, – усмехнулся Гройс.

– Графа Монте-Кристо из вас не вышло!

– Как и из Оси Бэ, которого вы зачем-то из меня упорно лепите, – отозвался старик.

Он лег и закинул руку за голову, очень довольный собой. Долго же она слушала его историю, прежде чем сообразила, что ее дурачат.

– Курить хочу. Тащите сюда мою трубку.

– У меня не курят! – резко отозвалась Ирма.

– Нет трубки – нет мультиков. Знаете такой анекдот?

Она постояла, возвышаясь над ним, и лицо у нее было как у завуча, которому отпетый двоечник начал срывать открытый урок – пугающее сочетание профессионально скрытого бешенства и уверенности, что спустя короткое время гаденыш получит свое. Но старик ухмылялся. Ему удалось немного отомстить ей за всю ту поганую болтовню, которой она его кормила.

Ирма вышла и мягко прикрыла за собой дверь.

Первый час Гройс лежал неподвижно. На второй начал греметь цепочкой. Он подергивал ее, болтал рукой влево-вправо и наслаждался дребезжанием. Ирма застала его мурлыкающим «Катюшу».

– Хотите привлечь чье-нибудь внимание или вывести меня из себя?

– А можно и то, и другое? – оживился Гройс.

Она сухо улыбнулась.

– Насчет внимания я вам уже объясняла. Можете даже кричать, если пожелаете. Попробуйте?

– Аа-а-а! – повысил голос старик. – Знаете, нет, что-то не хочется. Берегу горло.

– Разумно. Оно вам еще пригодится для диктовки.

– Да не буду я вам ничего рассказывать! – старик рассмеялся. – Неужели вы еще не поняли?

– Это вы не поняли, Михаил Степанович.

– Станете пытаться меня, если я не расколуюсь?

– Вы не поняли, что времени у меня гораздо больше, чем у вас. Вы можете сидеть здесь месяц. Или два. Но в конце концов я все равно получу от вас то, что нужно.

– Ну вот что, – решительно сказал Гройс и сел. – Предлагаю компромисс. Вы меня немедленно отпускаете и вызываете мне такси. Я не в том возрасте, чтобы совершать долгие пешие прогулки. А я даю вам слово, что не заявлю на вас в полицию. Идет?

Ирма молча смотрела на него, и по ее непроницаемому лицу Гройс не мог понять, о чем она думает.

– Деточка моя, – голос его зазвучал мягко и убедительно, – давайте признаем, что вы придумали ерунду. Но мы можем прекратить ее в любой момент без пагубных последствий. Видит бог, вы не дождетесь от меня никаких рассказов. Ваша затея, она... м-м-м... очень книжная, уж простите за прямоту. Нежизнеспособная.

Не говоря ни слова, Ирма вышла. Гройс выдохнул и поздравил себя с победой. Свершилось! Ему удалось достучаться до ее разума! Значит, ключи от наручников у нее все-таки не с собой... Правильно он сделал, что не стал бить ее подносом.

Вновь распахнулась дверь. Ирма стояла в дверном проеме, но в руках у нее были не ключи, а ведро с крышкой.

Старик онемел.

– Когда захотите в туалет, погремите цепочкой. – Женщина поставила ведро в углу. – Я приду и помогу. Не думайте, что я оставлю его рядом с вами. С вас станется отбиваться им, когда я подойду. И знаете что? Я сейчас скажу кое-что очень важное. Вы меня внимательно слушаете?

Гройс молча смотрел на Ирму.

– Даже если я придумала глупость, – отдельно сказала та, – я все равно доведу ее до конца.

Едва дверь закрылась, старик с нарастающим страхом почувствовал, что мочевой пузырь у него переполнен. Бульон. Слишком много бульона.

И вот тогда самообладание ему изменило. Гройс был человеком ироничным, но старомодным. От одной мысли о том, чтобы облегчиться в присутствии женщины, его бросило в пот.

Он яростно зазвенел цепочкой.

– Хотите писать? – явившаяся Ирма была сама невозмутимость.

– Только не в ведро!

– Могу принести утку.

– Нет. Я буду ходить в уборную.

– Не будете. Слишком много сложностей. Не хочу рисковать.

– Послушайте, это просто смешно! – взмолился старик. – Я не способен мочиться при вас. Не говоря уже о том, чтобы испражняться!

– Вам и не придется. Вы просто сделаете свои дела, а я потом заберу... э-э-э... контейнер.

«Свои дела!»

– Отведите меня в туалет!

– Вот ваш туалет. – Ирма придвинула ногой ведро к кровати.

– Я не буду им пользоваться!

– Никуда я вас не поведу, – повторила она, – и не рассчитывайте. Если вы обмочитесь в постели, я вас переодену.

Гройса передернуло.

– Потерпите две недели, – насмешливо сказала Ирма. – Чем быстрее мы закончим наш проект, тем быстрее вы получите доступ ко всем благам цивилизации.

В Гройсе боролись стыдливость, ярость, желание придушить эту суку, заставляющую его проходить через унижение, и отчаянное желание облегчиться. Физиология победила.

– Выйдите, – процедил Гройс.

– Я отвернусь.

Ирма встала у окна, заложив руки за спину. Старик скрипнул зубами. Затем торопливо стащил штаны, и когда струя ударила в пластиковое дно, испытал острый приступ блаженства. О-о-о, как хорошо!

– Вот видите, все просто.

Она дождалась, пока он вернется в кровать, и подхватила ведро.

– Ужин будет через час. Рекомендую поспать. Нам с вами предстоят долгие разговоры.

«Сука. Безумная сука».

Однако правда состояла в том, что в настоящую секунду он не испытывал ничего, кроме облегчения. И это злило его больше всего.

Если бы Ирму Гуськову попросили рассказать о ее детстве, она оказалась бы в затруднительном положении. Детство у нее было благополучное, но настолько бесцветное, словно вместо Ирмы его проживал кто-то другой. А она приобрела это тело годам к двадцати. Заселилась, осмотрелась и начала хозяйничать. От прежнего владельца остались лишь бледные воспоминания.

Нелепую фамилию Гуськова Ирма терпеть не могла. Елена Одинцова – вот какое имя ей подходит. Оно село на нее как влитое. Ирма даже голову стала держать иначе: по-одинцовски.

В издательстве ее любили. Приветливая, всегда доброжелательная, она производила впечатление очаровательной незлобивой женщины. В отличие от большинства авторов, она всегда соблюдала оговоренные сроки. Редактор готов был молиться на Одинцову. Писатели – народ лживый и необязательный: пообещают сдать книгу в мае, и жди ее до сентября. Ирма себе такого не позволяла.

Она была не скандальна. В ней чувствовалось спокойное достоинство человека, который ни при каких обстоятельствах не встрянет в склоку. Окружающие ошибочно приписывали это воспитанию. «Интеллигентная женщина наша Елена Васильевна», – говорила корректор. Но уравновешенность Ирмы была другой природы. Она терпеть не могла тратить лишние силы. Зачем кричать, если можно действовать?

Однажды ей нагрубили на кассе. Магазин располагался далеко от ее дома, она зашла туда случайно. Ирма молча выслушала брань кассирши, вернулась неделю спустя и скрытно сняла камерой телефона, как та отпускает сигареты, не спросив у покупательницы паспорта. Девушка выглядела взрослой, но ей было всего пятнадцать. Ирма хладнокровно вызвала администратора, написала подробный текст в жалобную книгу и без труда добилась, чтобы кассиршу уволили. Неделя у нее ушла на то, чтобы найти подходящую девочку в соседней школе.

Ирма не считала себя мстительной. Просто она никогда не жалела времени на восстановление справедливости.

От природы у нее была прекрасная память. Ирма помнила все дни рождения знакомых, имена их детей, клички собак и болезни родителей. Возвращаясь из заграничной поездки, она всегда везла с собой витамины для мамы редактора или мазь от артрита, на который жаловался дедушка менеджера по продажам. Это ей ничего не стоило. Взамен она имела репутацию отзывчивой доброй женщины.

«Хорошее воспитание часто принимают за хорошее отношение». Эту истину Ирма усвоила очень рано.

А того, кто к тебе хорошо относится, окружающие любят.

При всей готовности тратить деньги на чужих родственников, Ирма была мелочна и чудовищно скупа. Из нее невозможно было вытянуть лишнюю копейку, если она не понимала, как в будущем эта копейка станет работать на нее. К ее станции метро по весне сползались, как божьи коровки, старушки с пучками укропа. Ирма без стеснения торговалась с ними и считала удачным тот день, когда удавалось сэкономить пару рублей.

Однажды в своем блоге она опубликовала описание такого торга. Сценка показалась ей забавной. В ответ на нее обрушился вал нелестных комментариев. Ирма читала обвинения в жестокосердности и не понимала, что происходит. Ее подписчики в самом деле переживают о незнакомых нищих пенсионерках? В это она поверить отказывалась. Для нее старушка с укропом существовала лишь до тех пор, пока Ирма покупала у нее пучок. И растворялась в небытии, едва Гуськова заворачивала за угол.

Однажды ей рассказали о старом мошеннике Гройсе.

Вот она, чудесная возможность! Сундучок с историями, которых ей хватит до конца жизни.

Ирма отправилась к старику, и там ее ждал удар.

Просить она не умела. Откуда-то из детства осело в ее голове «просить стыдно», а немногим позже усугубилось любимой цитатой из Булгакова. Той самой, где «никогда и никого не просите». О том, что в книге эта реплика вложена в уста дьявола, Ирма ни разу не задумалась.

С Гройсом ей пришлось едва ли не впервые в жизни нарушить собственное правило. Что она могла ему предложить? Деньги? Права соавтора? Все это старого мошенника не интересовало.

Ирма собрала все свое бесстрашие. «Я расскажу ему, как важна моя работа. Он поймет...»

Но случилось то, чего Ирма боялась. Старик посмеялся над ней.

В отчаянной попытке исправить ситуацию, она посулила ему денег. Если ты предложил сделку и ее не приняли, это не так унижительно, как быть отвергнутым просителем.

Уходя из квартиры Гройса, Ирма едва не плакала от обиды и ярости. Она ощущала себя так, словно ей дали пощечину. Рядовой отказ раздулся в ее представлении до смертельного оскорбления.

С этой минуты Гройс перестал быть живым человеком и стал препятствием.

К вечеру план был готов.

– Я хочу, чтобы мне заплатили, – сказал Гройс, когда Ирма принесла

ужин.

– Что?

– Работать на вас даром не стану. Две недели! Я вам не дурак.

Стараясь не выдать своей радости, Ирма поставила перед ним поднос.

– Сколько?

Следующие полчаса они ожесточенно торговались. В конце концов Гройс сказал, что для известной писательницы Ирма на удивление скаредна, и женщина сдалась.

– Буду платить вам за каждую историю, если она меня устроит.

– Запишите номер счета.

– Вы что, помните его наизусть?

– Естественно.

Гройс сидел на кровати, нахохлившись, с выражением недовольства на лице, и был похож на старую злую птицу.

– Что мешало вам сразу согласиться? – пожурила его Ирма. – Потрепали нервы себе, мне... А вам нельзя волноваться. Не в вашем возрасте!

Гройс нахохлился еще сильнее и нехотя буркнул:

– Вы отлично готовите. Можно добавки?

Ирма заулыбалась. Она действительно постаралась с ужином. Приятно, что старый упрямец это оценил.

Покончив с добавкой, Гройс признался, что устал. Она поставила возле его кровати маленький колокольчик.

– Чтобы вам не пришлось каждый раз звенеть цепочкой.

– Спасибо. Это действительно было не слишком приятно.

– Я понимаю, – участливо сказала Ирма. – Потерпите немного, Михаил Степанович. Честное слово, у меня в гостях не так уж невыносимо.

– Даже если бы я хотел возразить, после вашего ужина это сделать невозможно.

Она с улыбкой пожелала ему спокойной ночи, и старик остался один.

Ирма плохо разбиралась в людях. Ворчливое смирение Гройса обмануло ее.

Но старик был в бешенстве. Даже не из-за того, что его посадили на цепь и вынудили откупаться от тюремщицы байками.

Ирма посягнула на самое ценное, чем обладал Гройс: на его время.

До семидесяти, благодаря прекрасному здоровью, старик не слишком о нем задумывался. Да и время вело себя с ним прилично. В детстве, как полагается, было бесконечным, прозрачным и тягучим, точно сироп. В юности загустело. В нем проступили отдельные годы, как засахаренные

вишни. Потом спрессовалось и стало похоже на мармелад. Едва успеваешь прожевать новогодние праздники, как выясняется, что заодно откусил и от майских.

Ко всему этому Михаил Степанович был готов.

Чего он не ожидал, так это того, что случилось после семидесяти.

Банку с вареньем опрокинули. И выяснилось, что оно почти закончилось – едва можно наскрести по стенкам.

Впервые Гройс увидел это на следующий день после своего семидесятилетия. Он проснулся бодрый, в отличном настроении, и вышел на прогулку. Дворник в одной перчатке на правой руке водил по забору кистью. Запах краски ударил старику в нос, и Гройс внезапно покачнулся. Мысль о том, что он видит это в последний раз – и дворника, и перчатку в грязных пятнах, и забор, под которым расплываются зеленые кляксы, взорвалась в голове, словно петарда, брошенная безжалостным мальчишкой. Михаил Степанович потерял сознание.

«Старый дурень, – сказал он себе, очнувшись. – А ну отставить панику».

Но паники не было. Гройс трезво осмыслил происходящее.

Ему семьдесят. При очень хорошем раскладе он проживет до девяноста. При просто хорошем – до восьмидесяти. Значит, если быть оптимистом – а старик всю жизнь верил в лучшее – ему можно рассчитывать лет на десять.

Десять Новых годов.

Десять июней.

Десять заборов, воняющих краской по весне.

Примерно тысяча восемьсот дождей, если считать по сто восемьдесят в год (можно было бы и поменьше, подумал Гройс, любивший солнце).

Десять лет – это немало. Если переводить годы на язык ручной клади, Гройсу выдали довольно объемистый чемоданчик. В него помещались путешествия. Музеи. Вкусная еда. Полторы тысячи бутылок вина!

Но вот собака в него уже не помещалась.

Новое дело не влезало, как ни пытайся утрамбовать. Положим, чтобы затевать бизнес, Гройсу не хватило бы энтузиазма, но вот собака... Он любил собак. Дворняг с развесистыми ушами. Напыщенных как жабы бульдогов. Вертявую косматую мелочь. Да хоть спаниеля, если из уважаемой семьи! Почему бы и нет?

«Спаниеля не будет».

Все-таки не чемоданчик. Саквояж. Потертый, потрепанный.

Гройс крепко вцепился в его ручки.

Прежде он и не догадывался, до чего жизнелюбив. Многие его ровесники уже потратили себя целиком и теперь вели тихое экономное существование, боясь лишней раз вздохнуть. А ему хотелось всего: смотреть, держать, чувствовать, жадно грести к себе обеими руками, отхватывать от этого мира кусок за куском. Старик и в авантюру с бриллиантами ввязался лишь потому, что все это его бодрило. Игра – вот что ему по душе! Денег хватало, и не ради них он взялся втюхивать негодные камни. Но, черт возьми, восторг переполнял его, когда у него все получалось! А еще больший – в тот момент, когда все висело на волоске. Когда жертва еще смотрит подозрительно, еще не верит ему. И только от Гройса зависит, переломит ли он ситуацию в свою пользу.

Как же он был счастлив последний месяц!

И все это прервала баба, потерявшая среди своих персонажей связь с реальностью. Поместила его в комфортабельную тюрьму и принимает за чистую монету комплименты ее стряпне.

Две недели! Отобрать у него две недели и полагать, что это сойдет ей с рук? Гройс недобро усмехнулся в темноте.

План его был прост. Он убаюкает ее своими байками, как она того желает.

И сбежит.

Вокруг не тюрьма, а всего лишь дом в пустынном месте. На окнах нет решеток. Все, что ему нужно – избавиться от браслета на левой руке.

Модель наручников Гройс определил еще днем. Не китайское барахло и не поделка из секс-шопа. Но и не конвойные БРС-3, которые простой скрепкой не вскрыешь. Ирма приобрела стандартные наручники «Нежность» (Гройс восхищался ходом мысли человека, придумавшего это название).

Один браслет она застегнула на его запястье. К другому приварила цепочку, второй конец которой был закреплен в изголовье кровати. Гройс первым делом проверил прочность крепления, но его ожидал неприятный сюрприз: сделано было на совесть.

Значит, придется работать с замком наручников.

Идеально подошли бы маникюрные ножницы с загнутыми концами, но вряд ли он убедит Ирму, что ему нужно срочно подстричь ногти.

В размышлениях о том, где раздобыть кусок проволоки, Гройс заснул.

– Давайте начнем с чего-нибудь простого. – Ирма сегодня была сама любезность. Она придвинула стул, и на старика вновь пахнуло отдушкой ее гигиенической помады.

Гройсу стоило большого труда не поморщиться, но легкую гримасу на его лице Ирма все равно уловила.

– В чем дело?

– Э-э-э... запах.

Она нахмурилась.

– Запах?

Гройс не мог бы ответить, что заставило его в последнюю секунду солгать, но вместо того, чтобы сказать про землянику, он пробормотал:

– Псиной пахнет... мне показалось.

– А-а, это Чарли, – она вздохнула. – Спал на моем кресле, наверное.

– У вас есть собака?

– Вас это удивляет?

– Скорее, радует. – На этот раз Гройс не соврал. – Откуда он взялся?

Ирма раскрыла блокнот и глянула на него с усмешкой:

– Давайте поступим так: сперва вы рассказываете мне один из своих мошеннических фокусов, а потом я отвечаю на ваши вопросы о Чарли.

Мошеннических фокусов?

– Трюки в состоянии выучить каждый, достаточно усердия, – сухо вато сказал старик. – Из полных бездарностей получится посредственный фокусник. Но он все равно сможет вынимать из шляпы голубя. А вот если у вас нет таланта понимать и чувствовать людей, вы никогда никого не обманете.

– Нашли чем хвастаться!

Ирма спохватилась, что обидела его, но Гройс только пожал плечами:

– Это моя работа, а я профессионал. Что-нибудь простенькое, говорите? Допустим, тараканы. Совсем детский способ. Все, что вам нужно – это бумага, девушка и пять килограммов крахмала.

Честно говоря, своей выдумкой Гройс гордился. Он прокрутил это дельце, когда ему было чуть больше двадцати, – можно сказать, это было его первое мошенничество, идея, принадлежащая ему от начала до конца. Простая и бесхитростная, но оттого не менее удачная. Недаром потом она разошлась по стране как новый штамм гриппа.

Ирма озадаченно смотрела на него, пытаясь сообразить, что можно сварить из этих ингредиентов.

– Ну же, думайте! – приободрил Гройс. – Вот вам условие задачи: люди не любят тараканов. Как при помощи крахмала и девушки заставить их раскошелиться?

– При условии, что насекомых у них в домах нет?

– Разумеется.

Некоторое время Ирма сосредоточенно размышляла, но вскоре признала, что сдается.

– На бумаге вы печатаете объявление, – объяснил Гройс. – «В связи с сильной зараженностью вашего подъезда насекомыми, будет проводиться дезинсекция мусоропровода. Желающим обработать квартиры обращаться по телефону». Ну, или подвала – если мусоропровода нет.

– Ну и что?

– Вы правда не понимаете? – восхитился старик. – Счастливая женщина! Что случится, когда тараканов начнут морить в подвале?

– Они побегут по квартирам! – сообщила Ирма.

– Конечно! Поэтому жители двадцати подъездов, на которых я вешал объявление, звонили мне и просили провести обработку их жилищ. Одновременно с общей дезинсекцией. А дальше все несложно: в помещение входит девушка в маске, сует ответственному квартиросъемщику какую-то бумажку для росписи, проходит по углам и разбрасывает из коробки белый порошок. Берет деньги за обработку и покидает ошарашенных жильцов.

– А порошок – это, значит, крахмал?

– Самое безобидное средство. Можно воспользоваться содой, но вдруг в доме маленькие дети, а взрослые не уследят... Нет, крахмал идеален. Жильцы ждали три дня, потом убрали крахмал и с радостью убеждались, что в их доме не появилось ни одного нового таракана. Все были очень довольны. Представляете, сколько счастья я приносил людям?

Кажется, она не оценила его иронию. Торопливо строчила в блокноте, и Гройс не удивился бы, увидев в нем рисунок таракана в разрезе.

– Расскажите что-нибудь еще.

– Э, нет, теперь ваша очередь!

Она пожала плечами:

– У меня никакой истории нет. В прошлом году сюда прибилась дворняжка, я сначала просто подкармливала ее, а потом решила оставить.

– Любите собак?

– Совершенно к ним равнодушна, – неожиданно для себя призналась Ирма.

Гройс взглянул на нее испытующе.

– Зачем взяли?

– Людям нравятся те, кто берет бездомных животных. К тому же он фотогеничен.

– А! Съемки для газет и журналов?

– В первую очередь, для моего блога. Тридцать тысяч подписчиков!

Приходится регулярно напоминать им, как он страдал, бедный малютка, и какая я молодец, что спасла ему жизнь.

Ирма улыбнулась и в этот момент показалась Гройсу почти симпатичной. Сквозь корку ханжества и притворства пробилось совершенно детское лукавство. Она лучилась самодовольством, точно ребенок, укравший варенье из запертого шкафа, радующийся не столько запретной сладости, сколько собственной лихости: «Мне удалось перехитрить этих взрослых жадных дураков».

Она смеялась над людьми, восхищавшимися ее добротой. Но разве и Гройс не дурачил публику?

– А вообще я его не люблю, – добавила Ирма.

Короткая вспышка расположения тут же потухла.

– Не любите? Почему?

– Он тупой. Ничего не знает, ничего не умеет. Я надеялась, он будет как собаки в фильмах – приносить мне тапочки, или, знаете, прыгать так забавно, как тот пес в фильме с Джимом Керри.

– Джек-рассел-терьер, – пробормотал старик. – Его прыжки умиляют только первые два часа.

– А Чарли даже не лает на почтальона! – она не слушала. Лицо ее приобрело обиженное выражение, словно Чарли нарушил данное ей обещание. – Он научился только сидеть и бегать за мячиком. Все! Это глупая собака. Неинтересная.

– Можно мне с ним познакомиться? – осторожно спросил Гройс.

Словно тумблер щелкнул у нее в голове – Ирма от жалоб на бестолкового пса молниеносно перешла к подозрительности. Глаза ее сузились, она рассматривала Гройса, явно пытаясь сообразить, что он задумал.

– Мне будет здесь чертовски скучно ближайшее время, – признался старик. – А собака – неплохое развлечение.

Женщина молчала.

– К тому же приятно посмотреть на пса-дурака, – добавил он. – Потому что это ваш пес... Уж извините за откровенность. Если вы понимаете, что я хочу сказать.

– Вас греет мысль, что я завела тупое животное?

– Ага, – Гройс широко улыбнулся. – Как будто это небольшая месть providения.

Ирма помолчала, обдумывая что-то, затем встала, открыла дверь и неумело свистнула.

Спустя пару секунд в комнату влетело черное лохматое существо,

помесь спаниеля и болонки, щедро разбавленная дворнягами. Кривоногий пес с проваленной спиной и дурашливой мордой. Он оперся передними лапами на кровать старика и оглушительно залаял.

– Фу! Брысь! Чарли, нельзя!

На хозяйку дальний потомок спаниелей не обращал никакого внимания. Гройс затруднялся выбрать, что его раздражает больше – собачий лай или крики женщины.

Он сунул Чарли под нос свободную руку. Едва обнюхав его ладонь, пес тотчас угомонился и лег под стул Ирмы с выражением скуки на морде, хотя глаза хитро поблескивали из-под косматых бровей.

– Ему у вас хорошо, – нехотя признал старик. – Сытый, веселый, шепутной... Шерсть блестит. Слушайте, вы и правда молодец.

Ирма уже полностью утратила интерес к теме. О том, какая она молодец, она выслушивала по нескольку раз в своем блоге, едва кто-нибудь из новых посетителей добирался до записей о бедном спасенном песике. А говорить о самом Чарли ей было скучно.

– Давайте продолжим. – Она помахала блокнотом. – Расскажите что-нибудь еще. Что важно для кидалы?

– Артиста, – поправил Гройс.

– Артиста?

– Кидалы – это другое. Наперсточники, например. Знаете таких? Или те, кто разыгрывает на рынке телевизоры и пылесосы. Этим я не занимаюсь. Грубая работа. Там нужна только нахрапистость. А мы – артисты. – Он задумался ненадолго. – Как вы думаете, от чего зависит самое первое впечатление от человека?

– От лица. В смысле, от внешности.

Старик покачал головой:

– От голоса. Поверьте, вы можете выглядеть как угодно, носить любые лохмотья. Но если вы правильно говорите, человек через две секунды забудет о том, что вы похожи на бродягу. Главное, чтобы от вас не исходило запаха. Тембр речи и аромат скажут собеседнику больше, чем ваша внешность, и эти сигналы воздействуют сильнее, потому что их не успевают обдумывать. Вы замечали, что цыганки, налетая на жертву, начинают болтать с двух сторон сразу и никогда не стоят рядом? Если говорить упрощенно, они создают эффект стереосистемы. Оглушают, но так, чтобы жертва сама этого не поняла. Грубовато, конечно. Я старался работать тоньше. Однако начинал с похожих вещей. Запомните, Ирма: всегда прислушивайтесь к звукам.

Старик опустил руку с кровати, щелкнул пальцами. Чарли потянулся к

нему, и Гройс почесал дворняге подбородок. Не переставая говорить, потрепал пса за ухом, затем погладил макушку, пробежал пальцами по спине, словно пересчитывая позвонки. Едва он дотронулся до середины крупа, пес замер, блаженно прикрыв глаза. Ага! Гройс стал массировать его сильнее, продолжая свой монолог.

– Вот, скажем, мойщики. Работают в поездах, иногда в электричках. Они почему мойщики – потому что часы «смывают» с руки. Но для этого нужно обменяться с жертвой рукопожатием. Обычно мойщик делает вид, что обознался. Давайте попробуем. Хотите?

Ирма вопросительно глянула на собственное запястье с маленькими золотыми часиками.

– Вы правда можете их снять?

– Руки, конечно, уже не те. Но рискну. А вы поймете, как работает мойщик. Это ведь тоже пригодится для книги, правда?

Гройс оставил в покое пса, сел на кровати и стал перебирать босыми ногами по полу.

– Представьте, что я иду вам навстречу по вагону.

Рассеянный взгляд его остановился на Ирме и лицо внезапно осветилось радостью узнавания:

– Сергей Игнатьевич! Боже мой, сколько лет! Голубчик мой, слышал про ваш выигрыш в лотерею – поздравляю, поздравляю отчаянно! Теперь машину купите? Или отдохнуть? Я бы вам посоветовал Болгарию, у моего племянника там дача, всегда подскажет-поможет!

С этими словами Гройс обеими руками затряс ладонь Ирмы. Но тут же дернулся и чертыхнулся:

– Простите, наручник мешает. Может, отстегнете меня, чтобы я показал вам все по-человечески?

– Нет уж! Лучше я подойду!

Ирма пересела к нему на кровать.

– Ладно, – смирился Гройс. – Хотя это все равно не совсем то. Смотрите: одной рукой я вас обнимаю, а другой трясущую вашу ладонь. Вы отвлекаетесь на объятие, в то время как самое важное происходит внизу...

Но Ирма ни на что не отвлекалась. Она внимательно смотрела на свои часы. Старик тряс ей ладонь, цепочка наручников раздражающе звенела с каждым его взмахом, и вдруг его пальцы скользнули вверх по ее запястью. Движение было быстрым, однако заметным.

– Я же говорил, кандалы помешают.

– Ничего-ничего, продолжайте!

Не переставая греметь, старик с поразительной ловкостью двумя

пальцами расстегнул застежку браслета, и часы упали в подставленную ладонь.

– Оп-ля!

Он протянул перед собой два сжатых кулака, словно предлагая угадать, в какой руке.

– В другую вы точно не успели их переложить! – уверенно сказала Ирма, хлопая по левому.

Старик с улыбкой разжал пальцы, и на ладони блеснули золотые часы.

– Поздравляю! Кстати, вас не так-то легко облапошить. Вы внимательны!

– Профессия обязывает, – сказала Ирма с улыбкой, которая тщетно пыталась из самодовольной прикинуться скромной. – Писатель должен быть наблюдательным. Правда жизни!

Она вновь застегнула часы на запястье и сунула блокнот в карман.

– Мне нужно уехать по делам. А вы пока решите, что будете рассказывать, когда я вернусь. Чарли, пойдем!

Гройс сидел на кровати, прислушиваясь. Когда шаги за дверью стихли, он скосил глаза на свою правую руку, которую так и держал сжатой в кулак.

– Что я тебе сказал? – пробормотал старик, отгибая мизинец. – Всегда обращай внимание на звуки. – Отогнул безымянный. – А когда обратишь, посмотри в другую сторону. – Он разжал указательный и средний. – Потому что где шумят, там обманывают.

Гройс еле слышно позвенел цепочкой. Пока он отвлекал Ирму звоном и фокусом с наручными часами, его правая рука не просто похлопывала ее по плечу. В разжатом кулаке лежала брошь с янтарными ягодами и листьями, которую старик незаметно отцепил от ее платья.

– Вот как выглядит настоящая качественная работа, – пробормотал он. – А теперь займемся наручниками.

Глава 3

Прежде чем начать поиск свидетелей, Сергей Бабкин дважды прошел по маршруту, на котором, предположительно, исчез старый Гройс. Он высматривал канализационные люки. Обычно в них проваливаются дети, но Бабкин слышал о случаях, когда взрослые люди проводили там не один час в тщетных попытках докричаться до прохожих.

Люки оказались закрыты. Сергей поговорил с продавцом фруктов, вспомнившим Гройса, затем получил от владельца салона свадебной моды разрешение посмотреть записи с их камеры наблюдения, но это не приблизило его к разгадке, куда же делся Михаил Степанович. В одиннадцать тридцать он мелькнул на камере: высокий элегантный старик в костюме и легкой шляпе, неторопливо шествовавший мимо салона. Но в двенадцать он в кафе не появился. От нужного дома его отделяло три квартала; значит, предстояло прочесать их в поисках свидетелей.

Сергей Бабкин много лет работал оперативником. Он не рассчитывал на быстрый результат. Просто начинай с самого простого, говорил он себе, пока Макар развлекается, придумывая самые немыслимые версии.

С Илюшиным Сергея связывали семь лет совместных расследований. Когда-то их свел вместе случай. Макар Илюшин, уже тогда занимавшийся частным сыском, посмотрел, как работает Бабкин, и предложил ему место своего помощника. С тех пор бывали времена, когда Сергей радовался своему решению, и времена, когда он проклинал себя за то, что поддался уговорам Илюшина, но ни одной минуты – когда ему было бы скучно.

В кармане загудел телефон.

– Я возле квартиры Гройса, – сказал Макар. – Как успехи?

Бабкин коротко отчитался.

– Приходи сюда, – потребовал Илюшин.

Верман и Дворкин, забив тревогу, первым делом написали заявление и получили разрешение на вскрытие квартиры. Они опасались наткнуться на труп, однако дом был пуст. В присутствии участкового и двух понятых ювелирам было не до того, чтобы рыться в вещах Гройса. Но Илюшину необходимо было все осмотреть.

– Требуется твой могучий интеллект, – сказал он Бабкину, когда они поднялись на третий этаж. – Я не могу определить наилучшую точку приложения силы к этой двери.

– Если я ее вышибу, сюда сбегутся все жильцы, – буркнул Сергей. –

Попробуем отмычкой.

– Ее слесарь вскрывал. После него у тебя вряд ли что-нибудь выйдет.

Сергей невежливо отмахнулся от напарника. Он уже присел на корточки и возился с замочной скважиной. Вскоре раздался тихий щелчок, и, толкнув дверь, сыщики оказались в квартире.

Две небольшие светлые комнаты. Много цветов на подоконниках, книжные полки, забитые истрепанными томами... В углу спальни обнаружилась огромная птичья клетка.

– Не похоже, чтобы Гройс уехал, – сказал Макар, распахнув дверцы шкафа. – Вещи на месте.

– Палка тоже. – Бабкин указал на трость, стоящую возле кровати. – Странно, что он не взял ее с собой на прогулку.

– Ты не упоминал, что Гройс хромал.

– А он и не хромал, – припомнил Бабкин. – Может, болел и вылечился?

Покачав головой, Илюшин взял трость, покрутил и нажал на кнопку, скрытую в основании набалдашника. На конце выскочило короткое широкое лезвие.

– Так я и предполагал, – обрадовался Макар.

«Предполагал он!»

– Когда Верман рассказывал, что старик исключительно здоров, он не упомянул о хромоте. И Дворкин ничего не сказал. Вряд ли они забыли бы о таком факте, учитывая контекст. – Илюшин поставил трость на место. – И о чем нам это говорит?

– Старик не ожидал никакой опасности.

– Именно. Иначе захватил бы оружие с собой.

Они разобрали документы на столе, но там оказались лишь письма, которые Гройс писал родственнице, и списки покупок, отчего-то не выброшенные стариком. Включили компьютер, но на экране возникло окошко пароля, и как ни бился Макар, подобрать нужное слово ему не удалось.

– Чего и следовало ожидать, – флегматично сказал он. – Нужен хакер.

– Я целую дверь вскрыл, а ты древний комп взломать не можешь. – Бабкин взял очередной список продуктов и застыл.

– Что там такое?

– Может, и не понадобится ничего взламывать.

Он протянул листок напарнику. Твердым разборчивым почерком на нем было выведено:

1. Конопелева Елена Борисовна. 42. Не упом. родит!

2. Игнатова Лариса. контр.

3. Эльза Миолис. 28-29, грч. прс., + 4-5, оптим.

4. Динара Курчатова.

И еще восемь имен с непонятными заметками рядом.

– Можно было догадаться, что Гройс станет писать от руки, – сказал Макар. – Если я хоть что-нибудь понимаю, это перечень тех, кто купил бриллианты. Не всех, конечно. Но уже кое-что!

– А что значит... – Бабкин заглянул через его плечо, – гэрэчэ, пээрэс, плюс четыре и пять?

– Понятия не имею. Более-менее уверен только насчет первой. «Не упом родит», подозреваю, означает «не упоминать родителей». Гройс делал пометки, как себя вести.

– Старался избегать больных тем?

– Скорее всего. Давай так: я попробую их отыскать и побеседовать, а ты возвращаешься к поиску свидетелей. Если Игнатовых Ларис в Москве много, то Эльза Миолис, надеюсь, всего одна. С нее и начну.

Всеволод Крученых, больше известный среди своих знакомых как Севка, наблюдал за любопытным экземпляром хомо сапиенс. Пожалуй, даже выдающимся в своем роде. Исследователь живой природы Крученых не часто встречал подобных индивидуумов.

Экземпляр сначала зашел в первый подъезд Севкиного дома. Вышел оттуда минут через двадцать и направился во второй. Все это время исследователь человеческих типов сидел на крыше гаража и ждал. Когда экземпляр двинулся к третьему подъезду, Крученых сказал себе, что дело тут нечисто.

Хотя вот когда в прошлом году пропал Шайтан, мать тоже бегала по всем подъездам и спрашивала, не видели ли поблизости белого кота с разноцветными глазами. В итоге Шайтан нашелся в шкафу их собственной квартиры и был сначала бит газетой, а затем расцелован и омыт счастливыми слезами. К тому же мать выглядела иначе: взмокшая и перепуганная. А этот товарищ спокойный, деловитый даже. Ходит себе и ходит. Может, счетчики проверяет?

Но тут экземпляр вышел из последнего, пятого подъезда, и Севка от своего объяснения сразу отказался. Не похож был этот мужик на проверяльщика.

– Слышь, пацан, – вдруг окликнули его.

Крученых и не заметил, когда тип успел подойти к гаражу.

– Чего вам? – настороженно спросил Севка, глядя на громилу сверху вниз. Опасный чувак. Плечи шириной с тот шкаф, в котором отсиживался

подлюга Шайтан. Морда мрачная, руки утоплены в карманах, будто там у него либо ствол, либо нож. Севка свое раннее детство провел не на Соколе, а на станции Сортировочной совсем в другом городе, и в ножах со стволами понимал немного больше среднего москвича.

– Тут такое дело, – неторопливо сказал тип, – у моей жены дедушка старенький. Три дня назад он пропал. Гулял по этому району, а потом исчез.

Севка сочувственно закивал. У них самих еще недавно имелась бабушка Лиза, которая четыре года назад взяла да слегла. Мама сказала – потому что от жизни устала, а отец – подышать собралась, и они тогда снова сильно поссорились. Севка спрятался, но все равно слышал, как мама упрекала отца, что тот даже матери не хочет помочь, а отец в ответ кричал, что он никому ничего не должен. Закончилось тем, что мать подхватила Севку, приехала в Москву, и стали они обживаться на новом месте и ухаживать за бабой Лизой.

Бабушка оказалась крошечная, как птичка. Лежала, моргала из одеяла. Совсем не говорила, только кряхтела или издавала слабый писк. Севка быстро научился распознавать ее сигналы и звать мать, чтобы поменяла подгузник. Они бабушку и купали вдвоем, и на балкон вытаскивали, чтобы свежим воздухом подышала.

У бабушки, кроме отца, была еще взрослая дочь, Севкина тетка, значит. Но та жила далеко, в другом городе. Раз в месяц звонила, спрашивала, как там мамочка, все ли в порядке, и рассказывала, что баба Лиза любит кушать. «Лучше бы денег дала!» – в сердцах сказала однажды мать. Не ей, конечно. Севке.

Иногда в гости заглядывала другая соседская бабка, Марьяна, женщина злобная и дотошная. Везде все обнюхает, нос свой сунет в каждый угол, а потом над бабкой Лизой наклонится и давай орать, как будто та глухая: «Не бьют тебя, Лизочка? Кормят вовремя?» Мать сразу головой покачала и ушла, как услышала эти вопли, а Севка однажды не выдержал и заступился за нее. Только Марьяне его возмущение – как кошачье мяуканье. И бровью не повела. После ходила по квартире, критику наводила. Вы, Таня, – говорила матери, – сразу видно, что женщина деревенская. Вот к чему, извините, здесь эта скатерть в адских цветочках? Ах, для красотыыыыы!

И так смотрит, ведьма, что хочется провалиться сквозь землю, обернувшись три раза в эту самую скатерть, хоть и не понятно отчего. Красиво же! Подсолнухи!

Три года прожили с бабой Лизой. Мать медсестрой устроилась, с утра

до вечера на работе. Так Севка приловчился сам бабушку переворачивать и судно подсовывать. Подгузник менять не мог – брезговал. Его, честно говоря, и от судна-то едва наизнанку не выворачивало. Но баба Лиза становилась все легче и легче, и глядела на него порой так ласково, и попискивала, словно говорила «Спасибо тебе, Севочка», что он как-то понемногу приучил себя. Хотя вот отец твердил, что у бабушки давно мозга не осталось, все Альцгеймер съел. Он так и жил на Сортировке, а от матери, когда звонил, требовал, чтобы та бросала ерундить и возвращалась, что за семья такая по разным городам, и сын без отца растёт, педерастом вырастет, как пить дать.

А потом бабушка Лиза умерла. Тихо-тихо, во сне. «Отмучалась, – сказала мать. – Можем мы с тобой возвращаться, Севочка».

И тут выяснилось неожиданное.

Лиза, едва узнав о своем диагнозе, составила завещание, по которому все наследство оставалось тому, кто будет за ней ухаживать. То есть ее невестке Татьяне.

Что началось! Приехал отец, нагрянула из своего далекого города родная дочь бабы Лизы... Сперва надели на мать. И она бы им уступила, Севка это чувствовал, но отец перестарался. Стал орать, что она жадная сука, тварь корыстная, сперва втерлась в доверие к его старой матери, а потом уморила ее ради квартиры. Мать как услышала это, изменилась в лице. Побелела, так что Севка перепугался до полусмерти, а потом вытолкала отца на лестничную клетку, хотя едва ему по плечо. И говорить с ним после отказывалась, сколько он ни звонил.

Отец с сестрой подали в суд, чтобы доказать, что завещание не имеет силы. Во-первых, бабушка была не в себе, это всем известно. Во-вторых, нельзя так просто взять и обойти законных наследников.

И тут грянул сюрприз номер два. В суд явилась злобная Марьяна и сообщила, что на протяжении трех лет каждую неделю навещала свою больную подругу. И хочет заявить суду, что такого ухода, который обеспечивала ей присутствующая здесь Татьяна Глушко, не найти ни в одной больнице. В то время как никто из родных детей ни разу не появился у постели умирающей, – при этих словах Марьяна обернулась и таким взглядом обожгла отца с его сестрой, что те дернулись, – невестка покойной самоотверженно заботилась о ней. Одновременно растя сына и достойно служа обществу.

Эх и речугу закатила старая ведьма! Севка от восторга все губы себе искусал, пока слушал. Мать, конечно, брать его на суд не хотела, но он твердо сказал: пойду. Ты там одна не останешься.

Так она, глупая, вместо того, чтобы обрадоваться, отчего-то разревелась и целый час сморкалась в скатерть с подсолнухами.

В конце концов судья вынес решение в пользу матери. Севке его речь тоже очень понравилась, хотя он мало что понял. Но изо всех сил старался слушать, чтобы не смотреть на отца. Все-таки это было тяжело очень. Он сначала даже пожалел, что пошел, а потом вспомнил, как мать сморкалась в подсолнухи, и подумал, что правильно сделал.

Старая Марьяна потом, когда все закончилось, зашла к матери и поставила на стол бутылку собственноручно сделанной настойки. Выпьем, говорит, Танюша, за помин Елизаветиной души. Повезло ей с тобой, дай бог тебе здоровья, девочка моя.

И только Севка обрадовался, что старуха заговорила по-человечески, как Марьяна добавила:

– А скатерть-то ты убрала, я смотрю! Правильно. Жуткая безвкусица! И шторы эти сними, пока у меня глаза не вытекли.

– ...глянь, дружище.

Севка вздрогнул и очнулся. Снизу громила протягивал ему свой сотовый – целый новый «Самсунг», и не боится ведь, подумал Севка. Как слиняю я сейчас по гаражам с его игрушечкой...

Но вместо того, чтобы слинять, лег на живот, осторожно принял телефон и внимательно рассмотрел фотографию на экране.

Ну, дедушка. Старый, но не старенький – этот нюанс Севка чувствовал хорошо. Старые могут ходить с прямой спиной, а старенькие, как ни стараются, гнутся и сутулятся. Дед на фотографии был с почти военной выправкой: подтянутый такой, сухопарый дедуля с умным лицом и насмешливым взглядом. Севка с сожалением пожал плечами и протянул сотовый владельцу.

– Не, не видел. А когда он пропал?

– Седьмого числа. Во вторник. Шел в кофейню и исчез по пути из парка.

Севка еще раз покачал головой.

– Жаль, – вздохнул мужик. – Спасибо, что попытался помочь.

Рассматривая удаляющуюся широченную спину в кожаной куртке, мальчик нахмурился. Как он сказал? Кофейня?

– Эй! Стойте!

Бабкин, услышав окрик, обернулся. Бритоголовый пацан приплясывал на гараже и размахивал руками.

– Вы как про кафе сказали, я вспомнил, – зачастил он, едва Сергей

приблизился. – У них рогалики пекут по утрам, во вторник и субботу...

Женщина с красивым именем Эльза Миолис оказалась пугливой носатой толстухой, глядевшей на Макара через очки с явным недоброжелательством. Нет, она ничего не знает ни о каком Михаиле Степановиче. Гройс? Впервые слышит.

Стоило Макару заикнуться о том, что старик занимался драгоценностями, как перед ним захлопнули дверь. Эльза Миолис определенно не хотела обсуждать покупку бриллиантов.

– Повезло, что вообще открыли, – вслух подумал Илюшин.

Он предполагал, что кто-то из обманутых женщин рискнул поделиться с мужем историей о том, как их кинул на несколько миллионов пожилой жулик. Верман и Дворкин в два голоса настаивали на том, что Гройс выбирал жертв с таким расчетом, чтобы они до последнего хранили тайну. «Ему нужны были тетки, которые пойдут за кредитом, лишь бы муж оставался в неведении», – сказал Верман. Но ювелиры могли и ошибаться. А главное, мог ошибиться сам Гройс.

Но даже если старика избили, это не объясняло, куда он исчез.

Илюшин надеялся, что дело не дошло до багажника и маршрута в ближайший лес. Не потому, что нравы изменились с тех времен, когда подобная поездка считалась универсальным методом разрешения всяческих разногласий. Но он надеялся на здравый смысл обманутых. Зачем убивать, если можно сначала попытаться вернуть деньги?

На охраняемую территорию коттеджного поселка Илюшин попал, прибившись к молодой компании, возвращавшейся, судя по мокрой одежде, с ближайшего озера. Ребята на Макара не обратили внимания, а охранник, скользнув взглядом по лицам, без сомнений причислил Илюшина к юнцам.

Дом Курчатовых оказался самым высоким на улице. Макар решил, что сейчас придется объясняться с домработницей, но дверь открыла невысокая девушка в нежном шифоновом платье, явно не подходящем для мытья полов и варки борща.

– Здравствуйте. Вы к кому?

– Мне нужно поговорить с Динарой Курчатовой, – сказал Макар.

– Это я.

Динара безбоязненно вышла к нему. Скуластое лицо, широко расставленные темные глаза, две длинные косы.

– Простите, вы ведь были на выставке драгоценностей в конце мая?

Она кивнула, пристально глядя на него.

– Если не ошибаюсь, там вы познакомились с одним пожилым

человеком... Михаилом Степановичем. – Илюшин показал фотографию на экране телефона. Небольшую, но Гройс на ней был вполне узнаваем.

– Михаил Степанович? – удивленно переспросила девушка. – Мне он представился как Леонид Сергеевич.

Раскосые глаза уставились на Илюшина испытующе. И что-то еще мелькнуло в их глубине, он не успел понять что, но это определенно была мысль, которую она хотела скрыть.

– Простите, много работы, уже заговариваться начал. – Макар улыбнулся ей, однако встречной улыбки не дождался. Его как будто взвешивали на точных весах, прежде чем решить, достоин ли он ответа. Но возможно, она волновалась из-за бриллиантов и не ждала от него ничего хорошего...

– Он исчез, – прямо сказал Макар, решив исправить положение. – Я разыскиваю его по просьбе родственников. Не вспомните, когда вы виделись с ним в последний раз?

К дому подъехала машина. Брызнул гравий из-под колес, и на Илюшина с Курчатовой вывалилось трое высоких парней в шортах, все со скейтами в руках. Один из них, рыжий, крепкий, с грубоватым, но привлекательным лицом в бледной россыпи веснушек, присвистнул:

– Э, Динка, ты чего тут оттираешься?

Курчатова улыбнулась. Странная это была улыбка – со смесью раздражения, усталости и высокомерия.

– Вася, иди домой. Тебя бабушка ждет.

– Парни, бабуся наготовила жратвы!

– Хавчик, бро!

Рыжий покровительственно хлопнул Динару по плечу, хохотнул и увлек приятелей за собой.

– Ваш брат? – спросил Макар, глядя им вслед.

– Пасынок, – коротко ответила Курчатова. – О чем мы говорили?

– О Леониде Сергеевиче.

– Я видела его в последний раз... – она задумалась. – Кажется, четыре дня назад. Но не уверена, у меня плохая память на даты. А что, с ним что-то случилось?

– Надеюсь, с ним все в порядке, – уклончиво сказал Макар. – Просто его родственники пытаются установить кое-какие факты.

Снова короткий прямой взгляд и долгая пауза.

– Он был жив и здоров, когда мы встречались. Простите, больше ничем не могу вам помочь.

– В кафе по вторникам и субботам пекут рогалики, – сказал Бабкин. – Поэтому мальчишка бегаёт туда и покупает выпечку. Утром седьмого он торопился, но успел заметить, как старику на улице стало плохо. Точнее, видел он не совсем это...

«Врачиха наклонилась над ним, а потом помогла вашему дедушке перебраться в машину. «Скорую»? Не! Обычная тачка, серая, кажись. То ли «Хюндай», то ли «Пежо». А может и «Тойота» старая, не разглядел я. Конечно, врач! Она же в халате была».

– Пацан видел старика, которого женщина в белом халате перетащила в машину. Он решил, что человеку стало плохо, а врач ему помогала. Даже и внимания особого не обратил, вспомнил по чистой случайности.

– Во сколько это было? – спросил Макар.

– Без пятнадцати двенадцать. Он помнит, потому что смотрел «Мстителей», а они закончились в одиннадцать тридцать. Собраться, добежать до Новопесчаной – как раз минут десять займет. Есть, конечно, шанс, что все-таки Гройс попал в больницу...

– Нет такого шанса. – Макар покачал головой. – Сема с Монеёй ещё раз все проверили. Гройса нет ни в одной клинике города, включая частные. Среди стариков, поступавших за последние пять суток, неопознанных не осталось.

– Выходит, все-таки похищение?

– Или старикану стало плохо, а рядом оказалась спасительница в белом платье, которое мальчишка принял за халат. Но и тогда все это очень странно. Почему она не отвезла его в больницу? Отчего он до сих пор не позвонил? В общем, сдаётся мне, дед влип в историю.

Бабкин кивнул.

– А у тебя что? – спросил он. – Смог встретиться с кем-нибудь?

– С пятью. Четверо вообще не признали, что им кто-то продал бриллианты. Две дамочки, кажется, решили, что я подослан их мужьями, двое просто ушли в глухой отказ.

– А пятая?

– Почти уверен, она что-то скрывает.

– Кто это? – заинтересовался Сергей.

– Динара Курчатова. Не могу тебе сказать ничего определенного о нашем разговоре. Он был какой-то странный.

– Ты сам какой-то странный, – заметил Бабкин.

– У меня ощущение, что я сболтнул лишнего, – признал Макар.

– Что, красивая женщина?

– Да нет, обычная. Или необычная...

Сергей усмехнулся.

– Я бы посоветовал тебе встретиться с ней в неформальной обстановке и уточнить, но твоя подруга за такой совет съест меня без заправки.

– Моя подруга еще две недели будет в командировке, – рассеянно сказал Илюшин. – Нет, надо все-таки вернуться завтра к Курчатовой и попробовать ее разговорить. Что-то все-таки там было не так.

Но возвращаться ему не пришлось. На следующее утро, не успев Макар выпить кофе, раздался телефонный звонок.

– Макар, голубчик, – голос Мони Вермана звучал глуховато. – Вы не могли бы подъехать?

– Куда?

– К нам в салон. Мы с Дворкиным уже здесь.

– Что случилось? – быстро спросил Илюшин. – Гройс объявился?

– Нет, не Гройс. Кое-кто другой. Приезжайте, пожалуйста, и Сергея с собой возьмите.

На двери «Афродиты» висела табличка «Закррито». Исключительный случай для Вермана, который – единственный, кажется, во всей Москве – открывал магазин в девять утра. «А если женщина после завтрака поссорилась с мужем? – говорил он, когда продавцы жаловались, что до одиннадцати в салоне нет ни одного клиента. – А если она по дороге на работу решила порадовать себя кольцом или сережками, чтобы не было так горько? Вы что же, променяете свой сладкий сон на тихую радость бедняжки, просадившую последние деньги с общего счета?»

Илюшин хотел позвонить, но Сергей потянул дверь, и она беззвучно открылась.

Из глубины магазина доносились обрывки фраз.

– ...вы не понимаете, о чем говорите... – дребезжал Верман.

– Отлично понимаю, – перебил его женский голос. – И вы понимаете тоже. Но прикидываетесь дурачком.

В комнате повисло молчание.

– Тук-тук, – сказал Илюшин. – Что здесь происхо...

И осекся.

Диспозиция была такая: Моня Верман, потный, запыхавшийся, бегал кругами по комнате и остановился с появлением сыщиков. Курчавые волосы его стояли дыбом вокруг лысины, точно наэлектризованные. Сема Дворкин ютился на стуле, а широкое кожаное кресло Вермана было занято девушкой, которую Илюшин с первого взгляда не узнал.

Накануне она была с двумя школьными косичками и без следа

косметики. Сейчас длинные черные волосы были подняты и зачесаны в гладкий конский хвост, а губы тронуты помадой. От этого, а может быть, от выражения почти спортивной собранности на лице, она повзрослела лет на десять. Причем это были непростые десять лет. Безрадостные.

– Сергей, познакомься, – сказал Илюшин, – Динара Курчатова.

Глядя на нее, Бабкин понял, отчего Макар сначала сказал о ней «обычная», а затем передумал.

Каждая черта ее лица была как будто слегка утрирована. Он не сразу поймал эту особенность, но когда поймал, уже не мог отделаться от ощущения, что нос чрезмерно узок, ноздри грубоватой лепки слишком оттопырены, губы тонки для ее скуластого лица, а глаза очень широко расставлены. В первый момент хотелось назвать ее некрасивой, во второй – редкой красавицей, в третий расписаться в полном непонимании женской привлекательности. Она была невысокая, с коротким атлетическим торсом и крепкими ногами. Бабкин отлично знал, что подобные фигуры не в моде последние лет пятьдесят. Но в ней чувствовалась сила, и если бы его спросили, что больше всего украсит эту девушку, Сергей без колебаний ответил бы – арбалет.

– Приятно познакомиться, – сказала Динара Курчатова.

И улыбнулась Бабкину так, словно он был юной невинной блондинкой, забежавшей в незнакомый замок в поисках укрытия от бури, а она – престарелым графом, едва успевшим стереть чужую кровь с краешка рта.

Сергей даже опешил. Во-первых, женщины при виде его обычно пугались, а не радовались. Во-вторых, если их лица озаряла улыбка, это была улыбка «ах-какой-вы-большой-и-сильный-мужчина!», улыбка «я-слабая-птичка», улыбка «защитите-меня-бедняжку». Динара Курчатова улыбнулась так, словно собиралась вонзить клыки Бабкину в артерию.

– Бред какой-то, – пробормотал Дворкин. – Макар, вы только послушайте!

– Нет! – взвился Верман. – Не надо никого слушать!

– Вы же сами нас позвали. – Илюшин со спокойным интересом рассматривал гостью. – Что произошло?

– Эта безумная схватила нашего Гройса!

Верман вытер пот со лба и плюхнулся на диван.

– Что это значит? – не понял Макар.

– Это значит, что ваш Леонид Сергеевич у меня. Или будет лучше называть его Михаилом Степановичем?

Динара вытащила из сумочки сигареты и закурила.

Верман потребовал, чтобы она немедленно перестала отравлять воздух, но под вопросительным взглядом девушки стушевался и махнул рукой.

– Можно с самого начала? – попросил Макар. – По-моему, я пропустил кое-что важное.

Динара открыла окно и сбила пепел наружу.

– Я увидела его на выставке и сразу заподозрила в нем мошенника. Он подкатывал к разным женщинам... Выставка длилась три дня, он приходил с утра как на работу и уходил вечером. На второй день он обедал здесь, с этим, – она кивнула на взъерошенного Вермана.

– Откуда вы знаете?

– Я проследила за ним.

– Зачем?

– Мне было интересно, чем все закончится. Я любопытна.

Короткий взгляд, брошенный на Вермана, подсказал Илюшину, что она говорит правду. Гройс действительно приходил в «Афродиту».

«Довольно опрометчиво. Но кто мог подумать, что его станут выслеживать».

– Я выяснила у сведущих людей, кто заправляет всем в салоне «Афродита», и начала кое-что понимать. Несложно было догадаться, что вы действуете вместе.

– Поклеп! – прохрипел Верман.

Динара рассмеялась.

– Один человек продает бриллианты, а двое других держат ювелирный салон. Перестаньте! Даже школьник сложил бы два и два.

– Что вы сделали с Гройсом? – перебил Макар.

Женщина пожала плечами:

– Ваш старик сидит в подвале. Или не в подвале, а в сарае, – добавила она, заметив, как встрепенулся Бабкин. – Или на чердаке. Это пока не важно. Мне пришлось вколоть ему успокоительных, чтобы он вел себя потише. Сейчас он совсем смирный.

– Вы же понимаете, что это незаконно? – мягко спросил Илюшин.

– Так же, как незаконно то, что придумали эти двое вместе с тем жуликом. – Она захлопнула окно и обернулась к четверым мужчинам, не сводившим с нее глаз. – В общем, так: я знаю, что этот Гройс вам нужен. А мне кое-что нужно от вас. Вы исполняете мою просьбу, – она подчеркнула последнее слово, – и получаете обратно своего старичка. Это честный договор.

Илюшин присел на краешек стола и налил себе воды. Бабкин так и

остался подпирать косяк. Он ничего не понимал.

– И вот здесь начинается самое интересное... – подал голос Дворкин.

– Интересно было, когда моя тетя Фира вышла замуж за татарина-антисемита, – отрезал Верман. – А то, что предлагает эта... эта... дамочка...

Он выхватил из кармана платок и промокнул вспотевший лоб.

– Я предлагаю сделку, – сказала Динара.

– Сделку? – повторил Илюшин.

– Это безумие! – зло выкрикнул Верман. – Вы только посмотрите на нее! У нас есть хорошее слово – хуцпа. Вы знаете, что оно означает? Нет, девушка, вы не должны поднимать вверх свои брови и делать вид, будто оно вам ни о чем не говорит. Вы родились с серебряной ложкой во рту, на которой было выгравировано это слово! Хуцпа, уважаемый Макар – это запредельная наглость. Неимоверное нахальство. Циничное! Грубое! Откровенное! Я, потомственный еврей, впервые вижу, чтобы нашу национальную черту так дерзко присваивала себе какая-то... какая-то...

– ...полукровка, – подсказала Динара. – Вы закончили экскурс в лингвистику?

Ювелир замолчал, подчиняясь больше взгляду Дворкина, чем ее требовательному тону.

– А теперь условия, – сказала Динара и посмотрела отчего-то на Илюшина. – Они просты. Вы делаете копию диадемы Антуана Турне. Отдаете мне. В обмен на нее я отпускаю вашего Леонида Сергеевича. То есть Михаила Степановича.

Наступило молчание. Дворкин посмотрел на Илюшина и пожал плечами, словно говоря: «А я предупреждал». Верман яростно комкал платок.

Тишину нарушил Сергей.

– Что еще за Турне? – со вздохом спросил он. – И зачем мужику диадема?

– Василий, отвези меня в салон! Ты слышишь, Василий?

Раскатистый голос старухи проникал во все уголки дома. Василий торопливо нацепил на голову наушники, нырнул в отцовский кабинет и притворился, будто ужасно занят.

– Василий!

Мегера. Пусть такси вызовет.

– Подойди сюда, я кому сказала!

Или Динарку пусть эксплуатирует. При мысли о жене отца Василий

почувствовал приятное возбуждение. Он бы сам ее поэксплуатировал...

– Вот ты где!

Василий вздрогнул, и притворяться, что он ничего не слышит, стало бессмысленно.

Бабка стояла в дверях, ее маленькое злое личико покраснело от криков. Он обреченно увидел, что она уже оделась для выхода. Цветастый халат сменили брюки и шелковая рубашка. Узловатые пальцы Альфия спрятали в летние перчатки, морщинистую шею обмотала кричаще красным шарфом.

– Почему не отзываешься? – гневно спросила она. – Я ищу тебя по всему дому. И где эта сучка?

– Прости, бабушка! В наушниках ничего не слышал.

Про сучку Василий предусмотрительно не стал уточнять. Кого имеет в виду Альфия, было ясно, но дай он понять, что речь идет о Динаре, и бабушка устроит ему выволочку. К жене отца подобает относиться с почтением, по крайней мере, на словах. И в то же время она – самое бесправное существо в доме.

Василий не раз был свидетелем, как бабушка расхваливает при посторонних выбор сына. «Бедра широкие, задница коровья – родит легко! Мальчишек будет приносить, у меня глаз-то наметан. Сокровище!» Обладательница коровьей задницы в эту минуту стояла рядом, опустив глаза, и с безмятежным лицом выслушивала комплименты свекрови. Но при домашних бабушка не стеснялась. «Сука безгрудая, – кричала она. – Три года объедаешь нас! Когда рожать начнешь, дрянь? Борька, дурак, что ты смотришь! Она что, пустобрюхая? Выкинь ее из моего дома, возьми нормальную бабу!»

Василий любил эти сцены по нескольким причинам. Во-первых, Альфия в завершение скандала начинала восхвалять его родную мать, первую жену отца. Превозносила и чрево ее плодоносящее (мать в новом браке родила уже двоих), и нежные черты, и локоны, золотые как янтарь под солнцем. В свирепой бабке просыпался восторженный поэт. Слушать ее славословия было и стыдно, и смешно. Тем более Василий знал: пока родители были в браке, она изводила невестку точно так же. Матери доставалось еще и за происхождение: Вера была русской, без малейшей примеси татарской крови.

Парадокс заключался в том, что много лет назад молодую Альфию отбил у татарского жениха первый секретарь обкома партии, Курчатов, которому в то время было уже за сорок. Был он русским, происхождение имел крестьянское, но Альфия всю жизнь руководствовалась постулатом о Юпитере и быке.

После упреков, сыпавшихся на ее голову, Динара некоторое время ходила присмирившая. Глаз не поднимала, смотрела в пол, говорила мало и негромко. Василий подозревал, что под незыблемой поверхностью омота в это время бушуют такие откормленные черти, что выпусти Динара хоть одного из них на волю, целым не ушел бы никто. Но подтверждения своим подозрениям ни разу не получил. Динара не спорила с Альфией, не пыталась защищаться. Молча выслушивала свекровь. Лишь иногда на скулах выступал слабый румянец. В такие минуты Василий глаз от нее отвести не мог. Вот притворщица! Стоит, алеет, очи долу опустила, пальцы переплетены, с губ ни звука не сорвется. И две косы струятся по спине. «Схватить бы тебя за эти косы...»

– Собирайся! Отвезешь меня к парикмахеру.

Василий мысленно застонал. Сначала туда, затем полтора часа ждать бабушку возле салона...

– Может, такси вызвать? – заикнулся он.

В ответ получил крики и упреки в неблагодарности. Таксистов Альфия недолюбливала, говорила – грубят часто.

Из салона она вышла с белыми волосами и обновленной стрижкой – впереди длинная челка, по бокам рваные лохмы. Василий, плетясь за ней, подумал, что и сам мог бы так подстричь старуху.

– Теперь в банк! – приказала бабушка, не оборачиваясь.

– Ты же говорила, только в салон поедем!

– Ты что, плохо слышишь? В банк!

Оставив внука дожидаться в машине, Альфия вошла в неприметное двухэтажное здание. Здесь ее хорошо знали. Старуха спустилась в подвал, где находилось хранилище, и, открыв ячейку, глубоко вздохнула – так, словно первый раз за долгий день вокруг было достаточно кислорода.

Если бы кто-то сказал, что она владеет камнями и золотом, Альфия назвала бы его глупцом. Она не знала слова «крестраж», придуманного английской писательницей, автором «Гарри Поттера». Но узнай старуха о его смысле, оно пришлось бы ей по душе. Крестражи были созданы, чтобы хозяин мог заключать в них часть своей души и сохранять ее неприкосновенной.

Она дряхлеет, тело ее изнашивается. Даже голос теряет силу. Ее собственная бабушка дожила до девяноста восьми, и лишь за два дня до смерти вдруг зашептала – вместо того, чтобы привычно громогласно и четко командовать домочадцами. А сама Альфия уже слышит предательское дребезжание, когда зовет сына, чувствует, что связки не повинуются ей. Вот что такое старость – утрата контроля. Не над другими,

бог бы с ними. Над собой. Когда, рассмеявшись, первый раз чувствуешь, что намочила трусы. Или нога подогнется на ступеньке. Или вот голос...

А драгоценные камни не стареют. Неудивительна привязанность стариков к вещам, которые помнят их такими, какими они были прежде – молодыми, сильными, яростными. Ух, сколько ярости было в Альфии! А сейчас ее едва хватает на то, чтобы ненавидеть вторую жену сына и презирать инфантильного внука. Да и что это за ненависть? Слабая, обескровленная, иссохшая, как сама Альфия. Вражда должна быть такая, чтобы в ушах от нее звенело, чтобы воздух искрил, чтобы листья скукоживались и птицы падали замертво на подлете к дому. Вот она, питательная среда для Альфии! Быть бы ей женой Зевса, рассыпать молнии, сеять ужас и превращать красавиц в ползучих тварей по одной своей прихоти. Вот масштаб, который ей по душе. Вместо этого приходится удовлетворяться тем, чтобы раз в неделю покусывать невестку и изредка гонять туда-сюда ленивого Василия.

А ведь еще есть сын. В котором глубокая почтительность сочетается с полным пренебрежением ее желаниями. Борис Курчатов уважал свою мать как абстракцию, как идею, как легендарную фигуру, воспеваемую в романсах и превозносимую в блатном фольклоре. Саму же Альфию Ренатовну с ее неприятным характером и обременительными привычками он недолюбливал. Мать была старая, капризная, постоянно требовала денег, которые тратила на самое смехотворное, что только можно было представить в ее положении: украшала свое тело.

Очередной их разговор о диадеме завершился скандалом.

– Зачем тебе все это? – холодно спросил Борис. – Зачем парикмахер, зачем эти шелковые рубашки, брюки, туфли? Ты же тратишь немислимые деньги! Динарка столько не транжирит!

– Я женщина! – осадила его Альфия. – И должна выглядеть, как подобает!

Борис расхохотался.

– Какая ты женщина, мама? Ты старуха! Развалина! У тебя два направления мыслей должно быть – о памперсах и о душе! От тебя же, извини, мочой пахнет!

Альфия оскорбленно вскинула голову.

– А ты все помады часами выбираешь в магазинах, – закончил Борис. – Вот не дам тебе денег в следующий раз...

– Уеду к Дамиру! – прошипела старуха.

Дамир был ее двоюродным братом, жившим в Казани, главой большого клана, искренне привечавшем родню. Уклад у них был глубоко

патриархальный, и Альфия царивших там порядков не признавала. Но на Бориса угроза подействовала. Мнение семьи много значило для него. Если родная мать сбегает от сына к родственнику, значит, он дурной сын, никуда не годный.

Борис Курчатов боялся этого и не хотел. А потому вынужден был терпеть капризы матери.

Видит бог, подумала Альфия, только женщины стоят того, чтобы их ненавидеть. Мужчины годятся лишь для презрения.

Она хранила бы диадему дома, но Борис запретил, страшая, что непременно ограбят. Что ж, она послушалась. Но каждый месяц, а иногда и чаще, приезжала в банк, спускалась в хранилище и убеждалась, что счастье обладания по-прежнему ощущается так же остро, как и во времена ее молодости. Альфия все ждала, когда оно начнет притупляться.

Но годы шли, а ничего не менялось. Она дотрагивалась до своей диадемы, и улыбка озаряла ее лицо. В этот миг старуха молодела на двадцать лет, но рядом не было никого, кто мог бы сказать ей об этом.

– Антуан Турне был ювелир, – сказал Дворкин.

– Для начала, Антуан Турне был Антоша Рубинчик, – раздраженно вскинулся Верман. – Прекрасная фамилия! Дивно сочеталась с его профессией, как у кулинара Похлебкина или аквариумиста Карася. Но Антоша решил, что фамилия Рубинчик вызывает смех, а не желание купить пару-тройку бриллиантов, и стал Антуаном Турне. Теперь над ним смеялись свои, зато покупательницы были в восторге. Иметь колье от Турне – это звучит!

Дворкин, не глядя, протянул руку, и Динара молча вложила в нее тонкую дамскую сигарету. Верман вздернул бровь, но вместо того, чтобы закурить, Сема принялся мять и крутить сигарету в пальцах.

– Турне работал в восьмидесятых, к сожалению, очень недолго. Несчастный случай – полез в горы и там ему на голову во время небольшого схода лавины свалился камень. Какая горькая ирония!

– Ирония начинается тогда, когда потомственный еврей-ювелир лезет на Верховинский Вододельный хребет, – буркнул Верман. – Как будто мало вокруг других возвышенностей! Пятый этаж собственного дома, например. Поднимайся на лифте и не гневи судьбу.

– За десять лет он успел сделать много работ, но известны стали восемь. Когда я говорю «известны», – поправился Дворкин, – я не имею в виду, что о них знали жук и жаба. Надо понимать, что Антуан Турне – вовсе не Карл Фаберже. Но он использовал хорошие камни, он имел вкус, и

его украшения входили во многие зарубежные каталоги советских драгоценностей. Ах, какую он сделал диадему с синими сапфирами для Инги Манцевич – была в свое время такая польская актриса, изумительной красоты. Потребовала от очередного поклонника поразить ее, и тот заказал у Турне диадему. И совершенно потрясающе, что это было первое украшение с черными бриллиантами.

– Черных бриллиантов не существует, – сказал Макар.

Дворкин одобрительно кивнул.

– Вы молодец. Но это не совсем так. Есть карбонадо – спайка мельчайших алмазов с примесью соединений железа и графита, придающих ему черный цвет. Он исключительно твердый, но совершенно непрозрачный. Как можно назвать камень алмазом, если у него отсутствует чистота? Однако бывают и настоящие алмазы черного цвета. В них тоже высокое содержание графита, однако это настоящий монокристалл. Встречаются они редко, стоят дорого, и между нами говоря, камень это бессмысленный и некрасивый.

– Неужели Турне использовал настоящий?

Все посмотрели на Динару, словно она знала ответ.

– Ни в коем случае, – сказал вместо нее Дворкин. – Откуда у заказчика такие средства? Поймите, стоимость диадемы не слишком высока. Она ценится в первую очередь из-за мастерства исполнителя и оригинального решения: заставить синий топаз играть еще ярче на контрасте с черным бриллиантом.

– Рубинчик был умный человек, – вздохнул Верман.

– В первую очередь Рубинчик был человек хитрый. В его руки когда-то попало несколько бурых алмазов и три темно-серых. Чтоб вы понимали: камни это дешевые, негодные. Их можно было вставить в простенькое кольцо и выдать несведущим людям за удивительный метеоритный осколок, но для человека, который из Антоши Рубинчика стал Антуаном Турне, это было слишком... плоско. Мастер обработал их, облучил и получил ровный черный цвет. Эти бриллианты по-прежнему ничего не стоили. Но он поставил их рядом с прекрасными топазами, и копеечный дефектный камень обрел новую жизнь.

– С людьми тоже так бывает, – буркнул Верман, не удержавшись. – Попадет какой-нибудь прохиндей в приличное общество...

– ...и хана приличному обществу, – бесстрастно закончил за него Сергей.

– Вы на что намекаете? Нет, пусть он скажет, на что!

– На то, что вы, Верман, законченный плут, – вздохнул Дворкин. – И я

тоже, хотя мог бы жить честной жизнью, а не объяснять сейчас историю создания диадемы Турне и думать, жив ли наш Миша.

– Ваш Миша жив, – сухо сказала Динара. – Ближе к делу.

– Черные и белые бриллианты вместе с синими топазами Рубинчик вставил в золотую оправу, и воздыхатель подарил ее Инге Манцевич. Та продала ее, когда перестала сниматься, и некоторое время диадема кочевала по рукам. Пока лет пятнадцать назад ее не купил какой-то казахский промышленник.

– Татарский, – поправила Динара. – И не пятнадцать, а двадцать. Она хранится в семье моего мужа. Принадлежит его матери. Муж много раз хотел избавиться от нее – нужны были средства, он в свое время потерял почти все, что накопил его отец. Но Альфия отказывается.

– И копию этой диадемы хочет получить наша красавица в обмен на Гройса! – возвестил Мона. – Который сидит у нее в заточении! Барышня, вы не боитесь, что я сейчас позвоню в полицию, и дальше о Гройсе и диадеме вы будете беседовать уже с ними?

– Слушайте, вы же неглупый человек, – улыбнулась Динара. – Если вы привлечете к этому делу полицию, мне, конечно, придется сообщить, где ваш старик. А заодно рассказать им все остальное. Спорим, я уговорю минимум десятерых женщин подать на этого Гройса в суд за мошенничество? Если вы хотите, чтобы ваш Миша сел в тюрьму, звоните в полицию. Он, между прочим, рецидивист. Да-да!

Верман тяжело задышал.

– А если вы решите выследить меня и освободить своего друга сами, – добавила Динара, – имейте в виду, что я не собираюсь его навещать. Он под присмотром. И уж конечно, я была бы совсем дурой, если бы прятала его в своем гараже. Я похожа на дуру?

– Вы похожи на авантюристку! Зачем вам копия диадемы?

– А вот это уже мое дело!

– Верман, для чего вы спрашиваете молодую девушку о том, что вам понятно без всяких слов? – миролюбиво поинтересовался Дворкин.

– Объясните, – попросил Бабкин. – Мне непонятно.

– Когда барышня говорит, что обменяет копию диадемы на нашего Мишу, она лукавит. Не так ли?

Девушка молчала, сощуривая черные глаза.

Сергей недоумевающе взглянул на Дворкина:

– Так зачем нужна копия?

– Копия, мой друг, нужна для того, чтобы незаметно продать оригинал.

Динара отвесила в сторону Семы полунасмешливый-

полууважительный поклон.

– А заниматься этим будем мы, – буркнул Верман. – Эта красавица искала беспринципных ювелиров!

– И она их нашла. – Динара обвела присутствующих тем же воодушевленным взглядом, который при встрече озадачил Бабкина. – Ладно, не буду юлить. Да, я хочу продать диадему Турне. Но она слишком хорошо известна. Меня попросят доказать, что я владелец, а этого-то я и не смогу. Но вы – другое дело. Вы возьметесь продать ее для меня без всяких документов, за соответствующее вознаграждение. Не так ли, господа ювелиры?

Наконец-то Сергей осознал, что требуется от Вермана и Дворкина.

– Так вы хотите сделать копию диадемы, – медленно проговорил он, – и подложить ее матери вашего мужа вместо настоящей?

Динара взглянула на часы и скорчила сочувственную гримасу:

– Пять минут. У вас ушло слишком много времени на то, чтобы раскусить мой простой план. Вы здесь самый... эээээ...

– ...въедливый, – закончил Дворкин. – Сергей любит разбираться в вещах досконально. Он все понял правильно.

– Кроме одного. Как вы хотите подменить украшение?

– У свекрови скоро юбилей, семьдесят пять лет. На торжество съедется вся многочисленная родня. Альфия каждый год надевает на праздник свою диадему. Это ритуал. Она ни разу не изменяла ему, даже когда попала в больницу. Я подменю диадему, пока та будет в доме. Это я смогу.

Снова повисло молчание. Динара невозмутимо закурила, словно подобные переговоры были ей не в новинку. Илюшин что-то обдумывал, Верман пыхтел, Сема загадочно улыбался.

– Что вы лыбьтесь, Дворкин, как моя тетя Фира после первой брачной ночи со своим антисемитом? – не выдержал Мона.

– Ваша тетя Фира, чтоб ей не кашлять еще много лет, учитывая, что она работает в туберкулезном диспансере, улыбалась, потому что ее свежий муж оправдал ее ожидания. А я улыбаюсь ровно обратному. Мы ничьи ожидания не оправдаем.

– Наплюете на дружка? – прищурилась Динара.

– Милая барышня, Миша нам очень ценен. Но, видите ли, план ваш плох.

– Мой план прекрасен! – резко отозвалась она.

Дворкин сокрушенно покачал головой.

– Мне жаль это говорить, но у вас никогда не было настоящих

драгоценностей. Украшение фамильное (а вещь, которая столько лет принадлежит одной семье, становится фамильной) – это особая история. Вы хотите, чтобы мы сделали подделку по фотографии?

– В сети полно снимков диадемы. Вы сами сказали: она включена в десятки каталогов.

Верман поцокал языком, поняв, к чему клонит его друг.

– Мы-то ее сделаем. Но ваша свекровь распознает фальшивку с первого взгляда.

– Чушь! Я навела справки, вы лучший мастер в Москве!

– Вы не понимаете, – Дворкин аккуратно положил истрепанную сигарету на стол, так и не закурив. – Я мастер, да. Но владелец знает свое украшение, как хозяин знает свою собаку, и не спутает ее ни с какой другой. Свекровь проверяет диадему раз в месяц, так? Поверьте, она помнит на ней каждую щербинку, любое потемнение на металле. Она брала эту вещь в руки сотни раз. Стоит мне ошибиться в расположении единственного камня, и ваша Альфия заподозрит неладное.

Верман согласно кивнул.

Динара несколько секунд смотрела на Дворкина, не отрываясь. Лицо ее побледнело.

– Тогда я просто сдам вашего Гройса полиции, – наконец сказала она, и по ее изменившемуся тону Сергей Бабкин понял, что она не лжет и не запугивает. – Если я не получу того, что мне хочется, то и вы не получите. Это справедливо.

Верман вскочил, Дворкин поднял короткую ручку в протестующем жесте. Но их опередил Макар Илюшин.

– Слушайте, вам же нужна не диадема, а деньги. Может, совершим простой обмен? Выкуп. Вам искомая сумма, им, – он кивнул на ювелиров, – их друг.

Верман крякнул.

– Вы сами сказали, что диадема стоит недорого, – обернулся к нему Макар.

– Ну да, недорого, – промямлил Верман. – По сравнению с действительно ценными украшениями, скажем, ожерельем графини Бара...

– Сколько?

– Но мы все равно не соберем такую сумму...

– Сколько?

– Тридцать миллионов, – сухо ответила Динара.

Повисла тишина.

– В долларах? – нарушил ее Макар.

– В рублях.

– Я же говорил, не очень дорого, – слабым голосом пробормотал Дворкин.

– Мы высоко ценим Мишу Гройса... – начал Верман, но на полуслове оборвал фразу и махнул рукой.

– Дело не только в деньгах. – Динара обвела мужчин неприязненным взглядом. – Я хочу получить эту диадему. Именно ее.

– Но зачем, если вы все равно ее продадите?

– Чтобы у моей свекрови осталась фальшивка.

Выражение, промелькнувшее на ее лице, заставило прикусить язык Вермана, который собирался высказаться.

– Ни за какие деньги вы им Гройса не вернете, – помолчав, констатировал Илюшин.

Девушка выразительно пожала плечами.

– Тогда мы в тупике. Вам нужна диадема, скопировать ее по фотографии невозможно, значит...

Динара вдруг подняла голову, в глазах ее промелькнула какая-то мысль. Мужчины переглянулись. Они были знакомы с Курчатовой очень недолго, но достаточно, чтобы понять: ее идеи не обещают никому из присутствующих ничего хорошего.

– Значит, ее скопируют по оригиналу, – уверенно сказала она и рассмеялась, глядя на их непонимающие лица.

Глава 4

Брошь, украденная у Ирмы, не годилась. Старик окончательно убедился в этом после часа терпеливых попыток согнуть кончик иглы так, чтобы получилась отмычка. Но металл оказался слишком твердым. Игла не сгибалась, а значит, отодвинуть маленький язычок в замке ею было невозможно.

– Иди-ка сюда, дружок.

Гройс похлопал по ноге и приласкал подбежавшего пса. С утра Ирма уехала, и старик выпросил у нее разрешение оставить Чарли с ним в комнате.

– Ты, говорят, дурачок.

Пес, вывалив язык, дружелюбно вильнул хвостом.

– Ну точно дурачок, – вполголоса сказал старик. – А что это у нас тут есть для тебя?

Он вытащил из-под подушки белый мякиш. Кусок хлеба Гройс спрятал после завтрака, а когда Ирма унесла поднос, размял его и смешал с сахаром. Сахар тоже пришлось выпрашивать. Гройс пожаловался, что чай несладкий, и Ирма принесла целых четыре куска прекрасного рафинада.

Вернее, ничего прекрасного в нем не было. Хороший рафинад должен быть мелкий, твердый, чтобы ничем, кроме как сахарными щипцами, его не расколоть. Гройс понимал в этом толк. А Ирмины кубики крошились прямо в пальцах. Однако старику именно это и требовалось.

Он незаметно ссыпал растертый сахар в крошечный кулек, который смастерил из оторванного угла салфетки. Молчаливой улыбкой поблагодарил свою тюремщицу, а когда та закрыла за собой дверь, выплюнул в подставленную лодочкой ладонь теплый чай, который держал за щекой. Разболтал сахар в чае и смешал сироп с мякишем. Ладонь оттер об одеяло, а влажный хлеб положил сушиться на батарею, обнаруженную за кроватью. Тепла от нее не шло, но жар и не требовался: хлеб отлично высох на воздухе за пару часов.

Наживка была готова.

– Давай проверим, любишь ли ты сладкое. – Гройс отщипнул кусочек от мякиша и протянул псу.

Тот слизнул быстрее, чем старик успел сказать хоть слово.

– Ай, молодец. А теперь попробуем так...

Гройс негромко щелкнул языком. Чарли вопросительно посмотрел на

него, и в награду получил еще один кусок.

Старик спустил ноги с кровати, дождался, пока пес утратит интерес и отвернется.

Снова издал щелчок.

Чарли обернулся, высоко подняв курчавые уши. На ладони человека уже лежал приготовленный для него сладкий хлеб.

Пес оказался внимательным учеником, а Гройс был исключительно терпелив. Когда Чарли понял, что пристальный взгляд на этого странного гостя, не слезающего с кровати, обеспечивает ему лакомство, старик перешел на следующий уровень. Он опустил руку с хлебом к полу, и как только пес слегка подогнул колени, щелкнул языком.

Спустя полчаса Чарли освоил команду «лежать».

Гройс использовал технику кликера – способ, при котором в тот момент, когда собака совершает правильное действие, издается звуковой сигнал, а затем животное поощряется лакомством. Михаил Степанович пару раз видел, как профессиональные дрессировщики используют кликер – простой маленький приборчик, издающий щелчок.

Кликера у старика не было. Но он мог его имитировать.

– Ты, братец, далеко не глуп, – поведал он Чарли, когда тот, закончив тренировку, запрыгнул к нему на постель. – Я бы даже сказал, ты умен. Слышишь, чучело?

Он потрепал пса по голове.

– А теперь давай сообразим, где нам все-таки раздобыть отмычку.

Но прежде следовало вернуть брошь хозяйке так, чтобы она ни о чем не догадалась. Можно было спрятать украшение под матрасом, но Гройс не хотел рисковать. Если Ирма хватится своего янтаря и решит обыскать комнату, ему больше не удастся убедить ее в том, что он смирившийся со своей участью слабый старичок. Который даже рад, что нашелся слушатель для его баек.

Это сказала Ирма. Поставив перед ним бутерброды и тарелку с кашей, собралась уходить, но вдруг повернулась с приветливой улыбкой:

– А ведь вы в глубине души рады. Признайтесь, Михаил Степанович!

– Чему? Овсянке?

– Возможности побеседовать с понимающим человеком!

Сперва Гройс подумал, что она тонко шутит. Затем – что откровенно глумится. И лишь радостное выражение ее лица убедило его, что это не ирония.

– Старым людям всегда хочется поговорить о своем героическом прошлом, – сказала Ирма, ласково глядя на него сверху вниз. – Наверняка

вам приятно, что кто-то заинтересован в ваших историях. Помню, к нам в школу приходил пенсионер, ветеран войны...

Она ударилась в воспоминания об инвалиде, единственной отдушиной которого, по ее убеждению, были встречи с пионерами на девятое мая. Гройс слушал ее и представлял, как тарелка летит Ирме в физиономию, как горячая овсянка стекает по ее аккуратному маленькому носику и круглым щекам, повисает сопливыми ошметками в тщательно уложенных волосах... Обесценить его жизнь до того, чтобы предположить, что он будет радоваться собственному унижению! Он, прикованный к кровати! Гадящий в ведро!

Гройс чудом удержался от вспышки. Выручил его пес. Чарли сидел под ногами Ирмы, и сжав край тарелки с такой силой, что казалось, фарфор вот-вот треснет, старик внезапно подумал, что горячая каша разлетится по комнате и попадет на пса.

Эта мысль заставила его ослабить хватку. Ирма разливалась соловьем, вспоминая, как детьми они слушали ветерана и благодарили его, а тот в ответ умиленно жал детские ручонки.

«Потом приходил домой и напивался в зюю, – злобно подумал Гройс. – Или альбомы порнографические рассматривал, с такими же детишками на фотографиях».

Он исподлобья взглянул на женщину. Как же она книги-то пишет с таким знанием людей? Картонная чушь? Но ведь продаются же, и, судя по всему, хорошо продаются.

– Дадите мне почитать какой-нибудь из ваших детективов? – спросил он, перебив ее на полуслове.

Ирма весело подняла брови.

– С чего вдруг? А-а, хотите посмотреть, будут ли ваши истории обработаны должным образом! Не беспокойтесь, я хороший писатель.

Она подмигнула ему и вытащила из кармана гигиеническую помаду.

– Будете себя хорошо вести, вечером получите мою книжку в награду!

Привычно провела по губам и вдруг, словно подмигивания было мало, наклонилась и клюнула его жирным пахучим ртом в худую щеку.

Гройс оторопел. Это уже отдавало издевательством.

– Мы с вами можем стать настоящими друзьями, – серьезно сказала Ирма.

Тогда-то он и сообразил попросить ее оставить ему пса. Раз уж они без пяти минут друзья.

С брошью старик поступил в конце концов просто. Осторожно зацепил иглу за шерсть на груди Чарли, придержал его и бросил в коридор кусочек

сахарного хлеба. Боялся, что не докинет до двери, но все получилось даже лучше, чем Гройс ожидал: хлебный шарик долетел до стены коридора, ударился об нее и отскочил куда-то вбок.

– Ищи!

Умница Чарли бросился за лакомством. Существовал риск, что брошь свалится с него еще в комнате. Но старику повезло. Он услышал негромкий стук, когда пес выскочил наружу.

Ирма найдет брошь в коридоре и решит, что она сама упала с платья.

– Проволока, – пробормотал старик, бессильно дергая рукой и прислушиваясь к тоскливому дребезжанию цепочки. – Где бы раздобыть проволоку...

– Я готова, – сказала Ирма, целясь шариковой ручкой в страницу блокнота. – Про тараканов было просто и эффективно. Расскажите что-нибудь похожее.

– Простое и действенное? – Гройс задумался. – Видите ли, все мошенничества довольно просты. Поэтому они и работают. В их основе лежит присущая многим вера в то, что именно они заслуживают найти портмоне с десятью тысячами долларов. Большинству хватает здравого смысла понять, что нельзя вложить два рубля и получить через неделю двести. Задача хорошего мошенника – обращаться к другому голосу в их голове, минуя голос разума. И заставить его говорить так громко, чтобы он заглушал все остальное.

– Можно пример?

Гройс ненадолго задумался.

– Вот смотрите: очень простой трюк. «Волшебный кошелек». В интернете вам попадается объявление: «отправь на этот счет любую сумму, и завтра она удвоится». Что делает наш клиент?

– Отправляет рубль?

– Обычно чуть больше. Стольник, кто-то даже не жалеет двухсот рублей. И что он видит на следующий день?

– Четыреста рублей?

– Верно. Удваивается лишь новая сумма, переведенная на счет. Поэтому наш голубчик переводит... сколько?

– Тысячу!

– Двести пятьдесят, – улыбнулся Гройс. – На этом этапе человек еще сам не верит своему счастью и хочет убедиться, что все взаправду. Через сутки на его счету оказывается пятьсот рублей, и вот тогда он играет по-крупному. Пять тысяч!

– И вы отдаете ему десять?

– Конечно.

– А если он уйдет с этими десятью тысячами и больше не появится?

Вы останетесь в минусе.

– Один из двадцати уйдет, – согласился Гройс. – Но мне хватит и девятнадцати. Они уже прочно сидят на крючке. Самый важный элемент мошенничества – какой?

– Обман!

– Доверие, – укоризненно поправил старик. – Без доверия нет игры. Купить доверие большинства людей можно очень недорого. Достаточно отдать им четыреста рублей вместо двухсот, и они уже думают, что могут смело вручить вам двести тысяч. «Этот человек не обманул меня один раз, значит, не обманет и второй». Почти все делают эту ошибку.

Он снисходительно пожал плечами.

– Вам действительно присылали на «Волшебный кошелек» двести тысяч? – не поверила Ирма.

– Максимальной суммой, кажется, было восемьдесят. Но ведь плательщик был не один. Однако мой любимый момент в этой игре заключается вовсе не в первом обмане. В конце концов, здесь жертва еще может переиграть мошенника, как вы верно заметили. Большинство попадает на удочку, внося десять-двадцать тысяч. А теперь следите за руками... – Гройс сжал кулак, дунул на него, раскрыл – и на ладони его оказался свернутый из салфетки цветок. Ирма ахнула. – Когда первые сорок жертв потеряли по десять тысяч и сидят злые как собаки, кляня обманщиков, – что вы делаете? Правильно: публикуете новое объявление. Какое?

Ирма недоуменно молчала.

– Они уже один раз попались на крючок и теперь уверены, что больше их не обмануть, – сказал Гройс. – Так что же именно нужно написать во втором объявлении, чтобы они снова купились? Давайте, – подбодрил он, – вы же писатель! Знаток человеческих душ!

Ирма оскорбленно поджала губы:

– Вот именно, душ. А не пороков!

– На месте первого объявления вы публикуете второе. – Гройс наклонился к Ирме и отдельно произнес:

– «Обмани волшебный кошелек».

Старик откинулся назад с выражением глубокого удовлетворения на лице.

– Не понимаю, – растерянно сказала Ирма. – В чем смысл?

– В том, что за символическую сумму каждому желающему раскроют способ получить все деньги, накопившиеся в волшебном кошельке. Представьте: вы только что потеряли десять тысяч и понимаете, что стали жертвой развода. Как вдруг вам предлагают обмануть мошенников. Забрать у них все свои средства, а заодно и те, что внесли другие лохи. Для этого нужно лишь двадцать раз перечислить на тот же счет по пятьсот рублей. Тогда машина сломается и выдаст вам всю сумму.

Ирма уставилась на старика:

– Вы шутите?

– Ничуть.

– Только болван может поверить в такое!

Гройс пожал плечами:

– В нашей стране для болванов нет ограничений на совершение финансовых операций.

И видя, что она ошеломленно молчит, добавил:

– Я ведь предупредил, что большинство мошенничеств очень просты. Человека сердит мысль, что его обманули. Как развести его еще раз? Нужно заставить его поверить, что теперь он сам может обмануть воров. Отомстить им! Ради этой призрачной надежды наш герой станет терпеливо переводить двадцать раз по пятьсот рублей, свято веря, что таким образом ломает систему. А заодно кидает своих собратьев-неудачников!

Ирма с минуту осмысливала сказанное.

– Знаете, – вдруг сказала она, – с таких типов не грех и срубить по десятке.

Гройс удивленно взглянул на нее – и захохотал.

– Вот вы и сделали первый шаг на пути к криминалу, моя дорогая.

– Я презираю дурней. Тем более жадных дурней.

– Так ведь большинство таково, – ласково сказал Гройс. – Не слишком умны и радуются случаю заработать копеечку на ближнем.

– Вы не очень-то верите в людей!

– Для этого я слишком хорошо их знаю. Вот вам простая загадка: в комнате десять человек. Кого из десяти следует назначить лохом?

На этот раз Ирма размышляла недолго:

– Самого глупого?

– Самого уверенного.

– Почему? – изумилась она.

– Он думает, что его-то уж точно никто не проведет. Самоуверенный человек сделал за кидалу половину работы. Он сам усыпил собственную бдительность.

По лицу Гройса скользнула такая двусмысленная усмешка, что взгляни Ирма на своего пленника, ее иллюзии насчет его отношения к ней развеялись бы в долю секунды.

– Люди все-таки кретины, – фыркнула Ирма.

На какой-то момент Гройса охватило нечто вроде нежности. Какая она трогательная в своей самонадеянности, какая милая! Эта ученически прикушенная губа, упавшая на глаза прядь волос, эта очаровательная сосредоточенность! А снисходительная улыбка на ее губах, когда она описывает глупцов, клюющих на простейшую приманку! Честное слово, подумал Гройс, если все писатели таковы, мне стоило давным-давно переключиться на них, а не шерстить карманы простых пользователей интернета.

– Запишите себе в копилку, – сказал он, – одно простое объявление, которое работает везде и всегда. «Одинокая старушка завещает свою жилплощадь за достойный уход. Конверт с обратным адресом и сто рублей на пропитание вышлите предьявителю такого-то паспорта».

– Об этом еще О. Генри писал!

– Вечная история, – одобрительно кивнул Гройс. – Он сам был мошенник и знал, о чем говорил.

– Это еще неизвестно!

– Поверьте, я своих чую!

Ирма от души рассмеялась.

– Это великий писатель вам свой? Михаил Степанович, не преувеличивайте собственную роль в истории! О. Генри одной крови со мной, а не с вами.

– Это была шутка, – скромно сказал Гройс. – Возможно, не слишком удачная.

Женщина нахмурилась. Ярко покрашенный рот сжался в линию, вокруг которой обострились злые морщины, точно стрелки, указывающие наблюдателю: опасность здесь.

Переход от улыбки к мрачности насторожил старика. Почва под его ногами вдруг превратилась в лед, под которым темнела глухая вода.

– Вы надо мной смеетесь? – неприятным голосом осведомилась Ирма.

– Над вами? Нет, конечно.

– Вы сказали «шутка». По-вашему, я не в состоянии оценить ваш искрометный юмор?

Вообще-то именно так я думаю, мысленно сказал Гройс. И не только мой. Ты слишком сконцентрирована на себе, моя дорогая, а юмор предполагает умение абстрагироваться.

– Я действительно неудачно пошутил, – смиренно сказал он. И решив, что с самоуничижением в его положении перестараться нельзя, добавил: – Наверное, в глубине души я хочу придать себе значимости. Вот и пытаюсь сделать это... довольно неуклюже.

Несколько секунд Ирма смотрела на него без всякого выражения. Гройс уже знал, что так бывает всякий раз, когда она обдумывает, не лжет ли он ей. И похоже, в этот раз ее проницательность неожиданно включилась, потому что Ирма не верила Гройсу, он это видел. Хотела верить – но не верила.

«Я где-то допустил ошибку».

Но он уже знал где. Когда назвал имя О. Генри. Не следовало затрагивать тему писательства, для Ирмы это больной вопрос. Десятки изданных книг, сотни тысяч читателей, а она до сих пор числится «женщиной-детективщицей». «Детективы – не литература!» – наверняка этот лозунг преследует ее всю жизнь. Гройс понятия не имел, хорошо ли пишет автор Елена Одинцова (он предполагал, что паршиво), но его тюремщица Ирма, несомненно, улавливает оскорбление в любом упоминании других писателей. Особенно если старый прохиндей, сидящий на цепи, сравнивает с ними не ее, а себя.

– Ладно, бог с вами. – Она все же снизошла до его извинений. – Валяйте, рассказывайте дальше.

Гройсу расхотелось валять. Он непростительно расслабился со своим чувством превосходства над ней, забыл, что должен быть постоянно начеку. Он все еще в наручниках, и у него по-прежнему нет отмычки, а Ирма из племени обидчивых – тех, кто начинает кровоточить всей душой от любого неосторожного слова. Но это полбеды, а вторая половина – что она при этом мстительна. За каждую каплю пролитой крови враг заплатит ведром своей. Ты даже не успел понять, что ненароком уколол человека булавкой, как тебя уже истыкали стрелами и для верности вспороли живот.

Мне нужно быть очень внимательным, подумал Гройс. А пока я глупый старик, не способный фильтровать базар.

Он собрался с силами и заставил себя улыбнуться ей.

– Я еще не рассказывал вам, как продал одному любителю-уфологу останки пришельца? Хотя нет, лучше как-нибудь в другой раз.

Гройс не гордился этим случаем. Любитель был человеком до того увлеченным, что труп бесхвостой набальзамированной кошки, лично побритой Гройсом и выкрашенной синькой, заставил его прослезиться. «Я знал, я знал! – бормотал он, дрожащими руками отсчитывая Михаилу Степановичу мятые купюры. – Нам лгут! Пришельцев среди нас много!»

«Вы совершенно правы!» – вполне искренне отвечал Гройс, полагая, что кошек и в самом деле вокруг хватает, а ненормальных старух, делающих чучела из своих любимиц, при некоторой смене угла зрения можно принять за существ с другой планеты. Но его грыз червяк стыда. Грешно разживаться деньгами за счет детей, стариков и невменяемых, а уфолог, предъяви он Михаилу Степановичу хоть десять справок о психическом здоровье, во внутренней классификации Гройса проходил по категории умалишенных.

Несколько оправдывало Михаила Степановича то, что он оказался без копейки денег в чужом городе, и если бы поголодал еще пару дней, съел бы даже ту самую кошку, которую после смерти безумной старухи родственники выкинули на помойку. Но все равно, все равно...

А вот о поездке в Тамбов было приятно вспомнить. Он никому об этом не рассказывал, но история хранилась в его голове во всех подробностях. Перед глазами встала даже фотография из паспорта, позаимствованного им у пьяненького попутчика.

В Тамбове пахло сухой пылью. Жара стояла такая, что отслаивалась и шла трещинами штукатурка. В тени под заборами увядали собаки, барышни обмахивались бумажными веерами, квас из бочек разбирали с самого утра.

Михаила Степановича занесло в Тамбов не по его воле. Он-то предпочитал столицы, будь то российские или европейские, но в данном случае имперские замашки были некстати: приходилось удирать, и быстро. Он долго ехал, путал следы, перескакивал с поезда на поезд, и в конце концов оказался в Тамбове.

Без денег.

Зато с паспортом на имя Голубкова Геннадия Ивановича, сорока пяти лет, не имевшего, впрочем, никакого сходства с Гройсом. Михаила Степановича это не смущало. «Люди сначала слушают, потом смотрят».

Он отряхнул от пыли свой единственный костюм и явился в администрацию Тамбовской области.

Позже в уголовном деле было зафиксировано следующее: «... представился журналистом газеты «Аргументы и факты», не предъявив ни командировочного, ни какого-либо другого удостоверения, и предложил чиновникам совершить творческую поездку в Канаду, организованную его газетой и финансируемую «Контент-банком».

Гройс мечтательно вздохнул. Да, с Канадой – это было красиво. Он тогда подошел к делу творчески. Михаил Степанович расписывал слушателям прохладу горных рек. Упоминал озера Маниту и Онтарио.

Обещал увлекательнейшие поездки по дивному северному краю. Заверял, что только обмена опытом не хватает канадским чиновникам, тем более что взгляды всего мира обращены на демократичную развивающуюся Россию.

Но если говорить откровенно, эти кружева и плетения оказались лишними. Достаточно было упомянуть, что поездка финансируется известным банком.

– А зачем это вашей газете? – спросил один из представителей администрации.

Гройс даже очки приподнял на лоб от удивления. И суховаато объяснил, что «АиФ» всегда предоставляет площадку для экспериментов, это часть политики издания. Сначала вы поедете к ним, потом они к нам. Будут налаживаться связи, начнется торговля, канадцы откроют в Тамбове гостиницу и дадут денег для строительства дорог, а газета весь процесс будет освещать в своих материалах.

Гройс вещал вдохновенно, однако старался не зарываться: среди слушателей могли найтись те, кто помнил похождения Бендера в Васюках. «Если не книгу читали, так фильм смотрели», – рассудил Михаил Степанович, напустив на себя непринужденный и слегка развязный вид и убеждаясь, что точно попал в образ. Именно таким и представляли столичного журналиста местные чиновники.

Из материалов уголовного дела: «...попросил купить билеты за свой счет, объяснив это тем, что деньги будут выданы редакцией по приезде в Москву, и предложил взять с собой побольше наличных, убедив потерпевших, что Канада известна своими дешевыми качественными товарами».

Позже Гройс сам изумлялся, как ему удалось прокрутить дельце за три дня. Это все жара! Люди слегка ополоумели. Он поманил их прохладой лесных озер, и мысленно они уже купались среди кленов, из которых бородатые канадцы давили сладкий сироп.

Двадцать пятого июня девять человек, уши и животы которых выдавали в них ответственных работников, стояли на перроне и тянули шеи, высматривая поезд. Гройс то и дело отбегал, делал вид, что кому-то звонит, заверял, что все согласовано и их уже встречают, осталось только добратся до Москвы.

Что отчасти было правдой. Ему действительно нужно было в столицу, где уже ждали свои, подготовившие серьезную аферу.

На подъезде к Москве Гройс встрепенулся и спросил у группы, обменяли ли они рубли на доллары. Выяснив, что обмена не было, горестно всплеснул руками. Как же так! В большинстве обменников грабительский

курс! Впрочем, это ничего: ему известен пункт неподалеку от вокзала, в котором вместо ненужных рублей выдадут прекрасные канадские доллары, не наживаясь на честных гражданах.

Надо сказать, в поездке Михаил Степанович проявил себя исключительно заботливым человеком. Он хлопотал о горячем чае, выбил для троих попутчиков шерстяные пледы, носился по вагону и до хрипоты спорил с проводником о времени закрытия туалета – в общем, видно было, что журналист болеет душой за общее дело. В свободные минуты он вдохновенно рассказывал, как возил во Францию группу из Суздаля. Слушая эту песнь, чиновники непроизвольно облизывались – большая часть истории Гройса была посвящена описанию ресторанных блюд.

Эта заботливость дала плоды. Ему без лишних слов собрали имеющуюся у группы наличность и торжественно вручили на вокзале, наказав обменять все до последнего рубля. Журналист на клочке бумаги записал фамилии – и напротив каждой сумму, внесенную для обмена. «Чтобы ничего не перепутать, боже упаси». Триста тысяч с одного, двести пятьдесят с другого – люди настроились на серьезные покупки.

Гройс попросил одного из участников поездки присмотреть за его чемоданом, выгруженным на перрон, и деловитой походкой направился в сторону обменника.

Из материалов уголовного дела: «...помимо этого, присвоил чемодан следовавшего в другом вагоне Горемасова И. В. и ввел относительно него в заблуждение группу пострадавших, длительное время не подпуская Горемасова И. В. к его собственности и даже оказавших физическое сопротивление».

Девять человек из Тамбова ждали на перроне, когда он вернется с их деньгами.

На этой трехдневной операции Гройс заработал около двух миллионов. Тамбовские чиновники оказались людьми доверчивыми, но состоятельными.

Михаилу Степановичу позже предлагали повторить это мошенничество в другом городе, но он отказался: слишком уж хлопот много. И к тому же морда светится – попадет где-нибудь на камеры, не дай бог, потом всплывет в самый неподходящий момент.

– ...Неужели они купились на это без всяких документов? – Ирма вновь смотрела на него с недоверчивым изумлением.

Гройс махнул свободной рукой:

– Сделать фальшивое удостоверение не проблема. Но это не нужно. Никто никогда не спрашивает документы, кроме гаишников и вахтеров на

проходной.

Он хотел рассказать ей, каким образом можно перехитрить любого вахтера, но вдруг заметил, что она сдерживает улыбку.

– Что? У меня что-то на лице?

– С вашим лицом все в порядке. Просто...

– Что, что? – спросил Гройс, давая раздражение.

– Вы сказали «гаишников», – пояснила Ирма. – Сейчас так никто не говорит. Все давно называют их гибэдэдэшниками. Так интересно наблюдать за человеком уходящего поколения!

«А я-то, идиот, собирался рассказать ей про вахтеров!»

Старик прикрыл глаза – думал, что на секунду, но очнулся лишь тогда, когда его тряхнули за плечо.

– Эй, вы в порядке?

Она встревожилась.

– Я что-то устал, – извиняющимся тоном выговорил Гройс. – Можно небольшой перерыв?

Ирма принесла горячий чай, сахар и даже расщедрилась на пирожное. Назидательно выговорила ему, что он должен следить за собой. Старик рассмеялся бы, если бы ему не было так плохо. Не физически. Но что, если она права, и он жалок – жалок в своей радости от того, что хоть кому-то оказалась интересна его жизнь? Что греха таить – ему в удовольствие вспоминать и Тамбов, и прочие дела, давно оставшиеся в прошлом... Удивительно: только слово придает смысл. События твоей бессовестной грешной жизни вдруг приобретают ценность, стоит начать рассказывать про них. Не потому, что кто-то использует их в своих глупых книжках – о нет! Но проговаривание вслух сродни фиксажу фотопленки; оно сохраняет колышущееся, неверное изображение если не в вечности, то хотя бы в ближайшей минуте.

И это отчего-то оказывается важным.

«Значит, гаишник...»

Если есть люди, рядом с которыми молодеешь, то рядом с этой женщиной Гройс с ужасом ощущал, что стареет. Дряхлеет каждую минуту, проведенную в ее обществе. Почему? Как ей это удается? Гройс много общался с юношами и девушками, чья бесчувственная жизнерадостность лишь восхищала его. Он любил молодость. И любил бесчувственность, всегда говорящую о том, что человек мало страдал. И слава богу, думал Гройс, слава богу.

Но с Ирмой все было не так.

Пару недель назад Михаил Степанович забрел в торговый центр на

окраине города, и на выходе к нему пристал продавец. «Вечные цветы, – уговаривал он, – возьмите вечные цветы!»

Гройс заинтересовался и подошел к его прилавку.

Там под стеклянными колпаками стояли срезанные лилии и розы. Старик присмотрелся. Да, это были настоящие цветы, с теми неровностями листьев и лепестков, которые свойственны лишь живому. «Берите, не пожалеете! – сказал продавец. – Поливать не нужно, ставьте где угодно, хоть в туалете».

«Почему они не вянут?» – спросил Гройс.

Парень сказал, что они обработаны газом. «Вечно будут стоять!»

«Вечно – это сколько?» – усмехнулся старик.

«Лет пять», – признался продавец.

«Газом обработаны... – повторил Михаил Степанович. – Получается, они мертвые?»

Парень пожал плечами.

Гройс представил себе мумию цветка, живой труп, который будет стоять на его столе, законсервированный в стеклянной банке, и лишь через пять лет гниение милосердно съест его давно мертвые лепестки и тычинки. Резко развернулся и пошел прочь под затихающие выкрики продавца: где угодно! вечно! вечно!

Вот что она напоминала ему. Безжизненную розу, лишь притворяющуюся живой. Ее шипы по-прежнему были колки, но аромат давно исчез, уничтоженный газом, одновременно сохранившим иллюзию вечной жизни. В Ирме было что-то невыносимо страшное, то, чему он не мог найти слов, но смутно чувствовал, что ужас этот сродни отвращению при взгляде на мертвые бутоны.

Глава 5

– Она нормальная вообще? – удивленно спросил Бабкин, когда Динара Курчатова вышла из ювелирного салона.

Верман и Дворкин молчали, не глядя друг на друга.

– Вряд ли все это подстроил сам Гройс, – угадав их мысли, негромко сказал Илюшин. – Слишком странная затея. И громоздкая.

Дворкин кивнул:

– Если бы Миша решил нас кинуть, он бы сделал это несравнимо изящнее. – А главное, в чем его выгода? Ровно никакой.

Макар задумчиво побарабанил пальцами по столу.

– Серега, мы можем ее отследить?

– Можем.

– А толку? – заволновался Верман. – Гройса она спрятала явно не дома.

– А если дома?

– Тогда слежка тем более ничего не даст.

– Напишем заявление... – заикнулся было Дворкин, но поймал взгляд Вермана и замолчал.

– Теоретически можем установить, чем она владеет, и осмотреть эти места... – Сергей потянулся за бумагой и карандашом, набрасывая план действий. – Сейчас июнь, она может держать старика... допустим, в гараже. Тем более, если он отапливаемый.

– Или в другой квартире!

– В квартире опасно, он же будет подавать сигналы.

– Она сказала, что обколола его, – подал голос Дворкин.

– Сметливая деваха. Ничего не боится.

– За ним должен кто-то присматривать, – размышлял Бабкин. – Значит, или она приезжает туда сама, или там постоянно присутствует другой человек. Посвященный в ее план. Как ни крути, все ведет к слежке.

– Маячок на машину? – предложил Макар.

Бабкин почесал в затылке. Что-то беспокоило его, и наконец он сформулировал:

– Она все время на шаг впереди.

Дворкин поднял голову. Верман и так не сводил с него глаз, словно надеясь, что Сергей вот-вот придумает способ вернуть им пропавшего друга.

– Поясни, – попросил Илюшин.

– Смотрите: сначала она заподозрила, что Гройс жулик. И не сбежала, как поступили бы на ее месте девяносто девять женщин из ста. А выследила его. Затем она пошла еще дальше – разузнала, с кем он встречался, и сделала совершенно верный вывод. А после этого она сообразила, как можно использовать двух ювелиров-мошенников, и придумала, чем их шантажировать. Еще и осуществила похищение! Быстро, ловко, красиво.

– Перестаньте так откровенно восхищаться этой стервой! – буркнул Верман. – Или я вас прокляну. Мне известно старое действенное проклятие: чтобы ваши ноги служили вам только для ревматизма!

– Она умна. Хорошо все просчитывает. Предсказывает наши поступки. И вы хотите сказать, такая женщина спрячет Гройса в гараже и не догадается, что мы станем следить за ней?

– Или наоборот, – возразил Илюшин. – Такая женщина додумается до того, что мы сочтем ее слишком умной для подобного поступка и сделает именно так, зная, что мы не станем тратить времени на поиски и слежку.

Бабкин, Верман и Дворкин уставились на него.

– Я слишком глуп для таких раскладов, – пробормотал Моня, – как сказал жених моей тети Фиры, когда понял, что его ведут к загсу.

– Верман, если вы еще раз упомянете вашу тетю Фиру, я позвоню этой святой женщине и сообщу, что вы попусту треплете ее честное имя! – пригрозил Дворкин. – Не мне вам объяснять, что способна сделать еврейская тетя с племянником, особенно если это любимая сволочь в семье.

Верман понурился.

– Вы действительно можете продать диадему? – спросил Сергей.

Дворкин утвердительно кивнул.

– И даже можем сделать это быстро.

– Я не понимаю одного, – подал голос Верман. – Если диадема хранится в банке, как эта бешеная собирается ее оттуда украсть? Это же банк, а не коробок с золотыми зубами, которые хранила...

Он прикусил язык.

– ...ваша тетя Фира, – обреченно закончил Дворкин.

Динара вошла в кафе и сразу увидела Тимура. Сидит и смеется, глядя в телефон, беззаботный как скворец.

– Ты мне что-нибудь заказал?

– Брокколи. Гадость твою вареную.

Он поднялся и крепко прижал ее к себе, не переставая посмеиваться.

– Если я не буду есть гадость, меня разнесет, – сказала Динара, думая о своем. У ювелиров оказалось двое гостей, ей пришлось на ходу менять стратегию разговора и подтягивать в арьергард дополнительные силы, потому что одна женщина против четырех мужчин – это нехороший расклад, как все знают на примере леди Винтер. С двумя пожилыми евреями Динара была бы нежна и обольстительна. Однако Верман привлек ударный отряд и не оставил ей выбора. Пришлось бить залпами из всех орудий.

Но не в Вермане дело. Из головы не выходил парень, которого ювелиры называли глупым именем Макар. Сероглазый, взъерошенный, с четкой линией насмешливо изогнутых губ. Очень быстро стало ясно, что он умен и хладнокровен. Достойный противник, если бы Динара искала боя. Но ей не требовался бой, она ждала капитуляции.

Этот сероглазый тип с обманчиво юным лицом был опасен.

– Как у тебя все прошло?

– Отлично. – Она усилием воли отогнала воспоминание о его ухмылке. – А вот и брокколи!

Она не посвящала брата в подробности встречи. Тимур был старше на двенадцать лет, но когда Динара выросла, оказалось, что каким-то образом роли поменялись, и старшей в их маленькой семье стала она. Тимур беспечный, веселый. Что бы ни происходило вокруг – поет: красиво и с большим чувством. Ни о чем всерьез не задумывается; есть деньги – радуется, нет денег – смеется, а спросишь чему – ответит: «Что мне остается!»

При создании брата с сестрой в небесной канцелярии что-то перепутали, и вся воздушность и звонкость, которые не достались Динаре, ушли Тимуру. Зачем мужчине такие тонкие лодыжки, такие длинные пальцы, такая шея с нежной впадинкой под ключицей? Когда Тимур хохочет, на него оборачиваются женщины. Смотрят так, словно он эскимо на палочке.

Словно в насмешку, этого легкомысленного красавца заграбастала самая сварливая баба во всей Москве.

Если бы Тимур был перышком, Надежда стала бы гранитным прессом и прижала его прочно, чтобы не улетел. Отец в свое время завещал, чтобы сын женился на татарке. Тимур не послушался, выбрал русскую женщину. Или она его выбрала. Десять лет назад он не был таким слабовольным, как сейчас. В нем чувствовались азарт и хищность. «Я молодой волк!» – говорил Тимур, и даже татуировку хотел сделать с волчьей мордой, но в последний момент испугался боли.

Сказки не врут, однако жизнь их редактирует. Молодой волк пришел в избушку за Красной Шапочкой и наткнулся на старуху.

– Волк, а волк, отчего у тебя такая пушистая шкура? – спросила бабушка.

– Может, чтобы тебе было приятнее меня гладить? – выдавил тот, скашивая глаза на кочергу, которой приперла его к полу старая ведьма.

– А почему у тебя такие большие уши?

– Чтобы новости по радио слушать и тебе пересказывать.

Старуха одобрительно хмыкнула.

– А зачем в твоей пасти такие острые зубы?

– Чтобы корочки тебе жевать? – заискивающе предположил волк.

– Хороший песик!

Волка потрепали по холке, и не успел он опомниться, как уже красовался в строгом ошейнике. А Красная Шапочка так и не пришла – закрутила с дровосеком, хоть тот и был женат и воспитывал двойню.

– Сегодня к Гуле ездил, – сказал Тимур, подливая чай.

– Как мальчик?

– Возил его гулять. Смешной такой, разговаривает! Увидел голубей и давай руками размахивать. Коляска у него, конечно, аховая. Еле до парка ее докатил. Как Гуля справляется, не знаю.

– Она сама купила?

– Государство выделило. Вроде как положено. Но проще пацана на руках носить, чем в такой коляске. В следующий раз, может, так и сделаю.

– А другую? – помолчав, спросила Динара.

– Что другую?

– Коляску другую.

– Дорого очень. – Он помрачнел. – Я уже и так крутил, и эдак. Мне не по карману.

– Сколько?

– Если хорошая, с электроприводом, то под двести.

Динара молча кивнула. Записала себе мысленно: двести тысяч.

– А у тебя что? Как свекровь, не обижает?

Она с улыбкой покачала головой. Зачем что-то объяснять Тимуру? Пусть и дальше живет беззаботно.

– Я тут кое-что придумала... Один проект. Если удастся, будут деньги.

– Правда?

– Много!

– Мужа собираешься убить? – неуклюже пошутил Тимур.

– Раньше ты свою мегеру прикончишь.

Они встречались всегда в маленьких дешевых кафе – дорогие Тимур не любил. Объяснял, что не хочет чувствовать себя нахлебником, потому что платила всегда Динара. А ей не жалко было денег за то, чтобы поговорить с братом. И никакой он не нахлебник! Просто работы пока нет. Кризис. Стройки встали, многие оказались без дела. Как только появится хорошее предложение, говорил Тимур, я в первых рядах буду. И руку так смешно прикладывал ко лбу, по-пионерски.

– Как Надежда? – спросила Динара.

– Все так же.

Жена Тимура Динару не любила и к себе не звала. Они с Тимуром жили в ее квартире. Привести туда сестру в отсутствие жены он не смел – Надежда была женщина злая, наблюдательная и с развитым чутьем. Если бы она догадалась, что в доме побывали посторонние, Тимура ждал бы скандал. А скандалов он боялся.

Динара с жалостью посмотрела на старшего брата. Красивый какой... А под глазами морщины, и виски седеют.

Она однажды спросила: «Ты так и проживешь всю жизнь с этой склочной бабой? Почему не уходишь? Детей у вас нет, делить нечего».

«Маленькая ты еще, Динарка, – сказал Тимур. – Не понимаешь. Постарше станешь, объясню».

То есть, считай, ничего не ответил.

– Ты чего загрустила? – Тимур ласково накрыл ее руку своей.

– Встречаемся с тобой как любовники, украдкой. Ты, наверное, с Гулей своей так же шифруешься.

Он усмехнулся:

– Меньше. В тот район Надька не ездит, а сюда может и забрести.

– Как же ты объяснишь жене, что пьешь кофе с собственной сестрой? – с преувеличенным ужасом спросила Динара.

Тимуру нельзя было отказать в проницательности. Он помолчал, взглядываясь в нее.

– Что тебя беспокоит, Динар?

– Жизнь твоя!

– Я серьезно. Это твой новый проект, да?

Динара молчала.

– Слушай, – проникновенно начал Тимур. – Я же понимаю, что ты ради меня стараешься. Динара, брось. Не знаю, что ты задумала... кстати, может, расскажешь все-таки?

Она покачала головой.

– Ну как знаешь. Только учти, я взрослый мужик, сам справлюсь.

– Это ты-то взрослый?

Динара не выдержала и рассмеялась. Тимур нахмурился, в голосе его прорезался восточный акцент:

– Эй, женщина, кого оскорбляешь? Мужчину оскорбляешь! За такое сто лет назад подол платья отрубали с корнем! И, между прочим, – он доверительно подался к ней, – все свои игрушечные машинки я месяц назад подарил соседскому пацану!

– А новую уже купил?

– Коплю, – со вздохом признался Тимур.

Они взглянули друг на друга и рассмеялись. Брат похлопал ее по руке.

– Сидела бы ты тихо, Динарка. Чего тебе не хватает?

– Яхты.

– Чего? – не понял Тимур.

– Яхты, – убежденно повторила она. – Кораблик такой. Маленький.

– Я знаю, что такое яхта. Зачем она тебе?

Брат смотрел с недоумением, и Динара поняла, что ей не удастся ему ничего объяснить. Яхту хотелось так страстно, словно в прошлом рождении она была пиратом: грабила, убивала, дралась, была сотню раз бита до полусмерти и сама была портовых шлюх, заразивших дурными болезнями... Но дрянная эта жизнь оказалась лучшей из всех, что ей довелось прожить.

Они с братом были людьми приземленными. Рассматривая украшение известного мастера, Динара восхищалась не красотой, а стоимостью. Она была свято убеждена, что художниками становятся в надежде выручить однажды за картины такую сумму, чтобы можно было прожить на нее остаток жизни, закинув мольберт и кисточки на чердак. А жажда творчества и любовь к живописи – вранье для простаков, обертка, в которой товар лучше продается.

Но год назад они с мужем случайно попали в яхт-клуб. И когда их пригласили прокатиться на яхте, с Динарой что-то произошло. Она стояла на борту. Медленно отдалялся берег. Рядом мутило чью-то пьяную подружку, требовавшую вернуть ее на причал. Все было странно, нелепо, суматошно, но она вдруг сумела вычесть людей из этого плавного движения и осталась один на один с большим воздухом, которого стало так много, что Динара чуть не задохнулась. Она не могла объяснить, что с ней происходит. Вокруг по-прежнему был город, над грязной речной водой носились чайки, кого-то тошнило за борт. Но во всем этом идиотизме теперь был смысл.

– Мне нравится движение по воде.

– Чего? – изумился Тимур.

– Да не знаю я! Ладно, забудь.

Окончание встречи получилось скомканным. Тимур недоумевал, что нашло на сестру, Динара злилась на себя за глупую откровенность и за неумение облекать важное в слова.

Не будь она так взвинчена, по возвращении домой ей бы бросилось в глаза, что в ее комнате что-то изменилось. Тогда все сложилось бы иначе. Но Динара думала о яхте, которая стоит двадцать миллионов, и не заметила ни переложенных вещей, ни приоткрытой крышки ноутбука, стоявшего на ее столе.

– Я принесу вам диадему Турне через четыре дня, в пятницу. В понедельник утром мне нужно забрать у вас готовую копию.

– Исключено! За два дня не успеем!

– У меня не будет другого случая!

– Тогда придумайте что-нибудь другое!

– Нет, господин Верман, это вы придумайте, как вам справиться за выходные!

Динара перевела взгляд на Сему Дворкина. Тот молчал, задумчиво крутя в пальцах карандаш.

Они снова сидели в «Афродите», и воробьи за окном галдели как вчера, и Динара курила, стряхивая пепел за окно и не обращая внимания на негодующие взгляды Мони. Но на этот раз с ними не было ни Илюшина, ни Бабкина.

Илюшин относился к закону наплевательски. Сложись судьба иначе, он сам легко пополнил бы ряды мошенников, и Бабкин временами подозревал, что в прошлом его приятеля не все чисто. Закон, считал Макар, это всего лишь правила, с помощью которых одним людям удобно управлять другими. Ему было интересно, как станут развиваться события с Динарой Курчатовой, и он ни секунды не переживал из-за того, что выступает фактическим свидетелем кражи и сбыта краденого.

Но тут на сцену выходил Бабкин.

Поступь его была сурова. Верман, Дворкин и Динара Курчатова совершали преступление, и если первая «п» в этом слове не была написана с прописной, то лишь потому, что Сергей чурался пафоса. Он всю свою сознательную жизнь служил закону. Когда-то Бабкина из милиции переманили в службу безопасности крупного банка, и начальство держало его за ценного сотрудника. Сергей же от такой работы едва не спился. Ему необходим был некий высший смысл его деятельности. А Илюшин сам

себе был высшим смыслом.

Как только в деле Гройса возникла Динара Курчатова, Бабкин сгрел напарника за шкуру и твердо сказал, что больше они в этом не участвуют. Если Верман и Дворкин хотят нарушать закон, это их дело. Но их с Макаром руки будут чисты.

Когда Динара поняла, что сегодня придется говорить только с ювелирами, она ощутила укол разочарования. Спустя секунду одернула себя: так намного проще. Эти двое сговорчивы. Похоже, их друг им действительно дорог.

Второй укол оказался сильнее первого. Но с совестью Динара пообещала себе разобраться потом. Когда все закончится.

Сема Дворкин смотрел на девушку, однако мысленно прикидывал, как будет копировать диадему. Моня прав, за двое суток не успеть... Но кто сказал, что двое суток отводится на полную работу?

– Можем попробовать, – решил он.

– Дворкин, вы соображаете, что говорите? Вы не справитесь, она не вернет диадему в срок, поднимется шум, нас всех возьмут за бейцы и повесят на просушку!

– Верман, вы опять суетитесь, – укорил Сема. – Кричать и бегать надо было раньше. Я знаю, этим вы успокаиваете себе нервы, но давайте вернемся к традиционным средствам. Алкоголь, вкусные таблеточки...

– Где вы видели пьющего еврея-ювелира?

– Кто-то должен быть первым.

– У нас есть все шансы стать первыми, кто сядет за кражу диадемы Турне!

– Спокойно, Верман. Дышите жабрами.

Динара не удержалась от смешка. Моня со своими выкаченными глазами и в самом деле был похож на толстую рыбину.

– А вы, между прочим, будете сидеть в соседней камере! – пригрозил Верман. – За похищение и шантаж.

– Для мужчин и женщин у нас отдельные тюрьмы.

– Вы не женщина, вы мор и чума на наши головы!

– Тише, тише! – призвал Дворкин. – Послушайте: сделать диадему за два дня действительно невозможно. Но если я изготовлю ее заранее...

Верман понял друга с полуслова, и глаза его загорелись.

– Болванку... – прошептал он. – По каталогу. А до ума ее довести, когда в руках будет настоящая.

– Тогда можем успеть, – кивнул Дворкин.

– За выходные? – уточнила Динара.

– За выходные.

Она щелчком отправила сигарету за окно, метко попав в чирикавшего на ветке воробья. Воробей от неожиданности крякнул и улетел.

– Так их, тварей, – мрачно подбодрил Верман. – Чего они радуются! Девушка фыркнула.

– Ваш сарказм неуместен. Это была случайность. Случайность, говорю! – крикнула она в приоткрытую форточку двум старухам, которые возмущались безобразному поведению курящих жильцов.

– Я хотел бы внести предложение, – внезапно сказал Дворкин.

– Какое?

– Раз мы обо всем договорились, давайте так: вы отпускаете Мишу. А мы делаем для вас диадему.

– И продаем, – добавил Верман.

– И продаем, – согласился Сема. – Послушайте, Динара, нам с вами нет нужды играть в оскорбленную невинность. Мы заключаем не самую плохую сделку. Восемь процентов от продажи диадемы – это славная цена. Так давайте считать, что вы пришли к нам с деловым предложением, а мы его приняли. Гройс здесь больше ни при чем. Отпустите его. Пожалуйста.

Дворкин смотрел на нее умоляющими глазами. Под этим жалким и жалобным взглядом Динара пыталась отступить, но сзади был подоконник, за которым гневно орали старухи и грозили участковым. Она с треском захлопнула окно.

– Нет.

– Нет? – растерялся Дворкин.

– Всего хорошего, – Динара схватила сумку и пошла к выходу. У двери она обернулась и без выражения сказала: – Я позвоню в пятницу. Перед тем как привезти диадему.

Когда ее шаги стихли, Верман вздохнул:

– Эх, Дворкин, Дворкин... В ком вы пытались вызвать человеческие чувства? В наглой лимите, которая собирается обокрасть приютившую ее семью?

– С нашей помощью, – тихо ответил Сема.

– Мне-то начхать на ее свекровь и мужа, – не меняя интонации, заметил Верман. – Не я кусаю кормящую руку.

– Про руку мы ничего не знаем.

– Дворкин, больше вашей веры в человечество меня восхищают только трусы с кармашками, которые шьет Ивановская фабрика нижнего белья. Вы имеете дело с умной алчной бабой. Кстати, наш Илюшин подал мне вчера отличную идею. Можем встретиться с ее родней и рассказать о планах

милой барышни. Они возьмут ее с поличным на краже.

– И останемся без Гройса и без диадемы, – кротко заметил Сема. – Верман, мы уже пропили невинность, поздно корячиться и надевать панталоны.

– Кстати, их Ивановская фабрика тоже шьет... – пробормотал в сторону Моня.

Четыре года назад друг привел Бориса Курчатова в узбекский ресторан. Это было сетевое заведение из тех, что первые пару лет радуют посетителей кухней и ценами, а затем с ними происходит неожиданная метаморфоза. Отныне здесь лентяют официанты, халтурят повара, оживление сменяется суетливостью, а веселость – нервозностью, и хотя поначалу ухудшения кажутся почти незаметными и уж во всяком случае обратимыми, завсегдатаи с тоской понимают, что все кончено. К ресторану пришла популярность.

Когда-то между Борисом и его другом было что-то вроде конкуренции, но уже много лет друг маячил впереди. Он был богаче Курчатова, весомее Курчатова, его связи были прочнее и тянулись ниточками высоко вверх, что и его приподнимало над землей. Как будто у него было много воздушных шаров. А у Бориса вместо шаров булыжники, привязанные к ногам, в виде долгов и убыточного бизнеса.

– Пафосу тут маловато, – пошутил Курчатов, когда машина друга остановилась перед кафе. – Ты, кажется, давно в таких заведениях не едал.

– А я твои деньги считаю, – невозмутимо объяснил друг. – Это место бюджетное, тебе как раз по карману. Ты же не собираешься за мой счет пировать?

– Боишься, я тебя объем? – оскалился Борис.

Друг в ответ только ухмыльнулся.

Разговор их был пустой. Встречу назначил сам Курчатов, якобы просто поболтать, а в действительности с тайной надеждой, что друг поможет ему в кое-каких проектах. Однако первые же минуты показали, что все чаяния бесполезны. Игорь давно списал его в неудачники. Подобно длительной болезни, проигрыш рано или поздно накладывает на человека свой отпечаток, и люди успешные начинают интуитивно сторониться бедолаги, чтобы не подцепить заразу лузерства. Друг любил повторять выражение «гигиена общения», разглагольствуя о жизненных сценариях и подводя мощную философскую базу под тот простой факт, что он не собирался иметь дело с людьми менее успешными, чем он сам.

А самое главное – друг знал. С самого начала, еще во время

телефонного разговора он понимал, зачем Курчатов все затеял. И даже предмет разговора был ему известен.

– Что закажешь?

– Думаю вот... Может, мяса на гриле возьму.

– Отъедайся. Ты чего-то тощий. Мать голодом морит?

Борис готов был пикироваться целую вечность – он твердо решил, что серьезного разговора не будет. Но пока все выглядело так, словно он тянет время. Бойтся. Лебезит. Курчатов внутренне бесился и рычал, внешне пытался сохранять хорошую мину. Но не мог не думать о том, что часы у друга стоят дороже, чем его машина, а за галстук тот заплатил больше, чем Курчатов за свой костюм. «Тварь мордастая. Отъелся на откатах».

– Ты жениться-то не собираешься? – спросил друг, с хрустом откусывая от огурца.

– Дай от развода отойти.

– Правильно, – одобрил тот. – Жену надо брать, когда деньги есть. Поднакопишь – и женишься. Девочку себе хорошую найдешь...

За покровительственный тон Курчатов едва не двинул ему в морду. Но заметил, что приятель изменился в лице, и проследил за направлением его взгляда.

Был вечер пятницы, и десять минут назад в ресторане включили музыку. Это была какая-то восточная попса, и в другое время Курчатов скривился бы от откровенной вторичности мелодии. Но сейчас ему было не до песни.

В проход между столиками вышла танцевать девушка. На ней были шаровары, позвякивавшие бубенчиками при каждом движении, и расшитый бисером алый топ, оттенявший золотистую кожу.

Вслед за ней выбежали еще трое красавиц в похожих костюмах. Ладони были сложены перед грудью, бедра двигались в такт музыке.

– По вечерам у нас танец живота.

Курчатов вздрогнул. Он увлекся зрелищем и не заметил официантку.

– А первая-то ничего так. Хороша, – хрипло сказал друг, не оборачиваясь.

Борис ничего не понимал во всех этих плясках. Но и ему было ясно, что девушка в алом топе танцует лучше остальных. Она была невысокая и довольно крепко сбитая, но это искупалось поразительной грацией движений и откровенным наслаждением, написанном на ее лице. Остальные девушки работали. Она жила.

– Во дает, чертовка! – восхитился друг. – Ну, хороша же, скажи?

Курчатов отвел взгляд от девчонки и по лицу друга понял все раньше,

чем сам друг. Тот следил, не отрываясь, за каждым ее движением. На обрюзгшем лице вспыхнула слабая болезненная улыбка. Она превращала его в клоуна, этого владельца дорогих часов и хорошего костюма, этого знатока человеческих душ, презиравшего Курчатова за отсутствие крепкой хватки и давно списавшего его со всех счетов.

Борис дважды в своей жизни видел подобное выражение. Он знал, что оно означает.

– Слушай, а давай ее за столик пригласим! – сказал он и посмотрел на друга честными глазами. – Без всякого вот этого. Ну, знаешь... В общем, просто угостить. По-человечески, ну.

Дальнейшее ему удалось устроить с невероятной легкостью. Как будто ангел-хранитель придерживал для него закрытые прежде двери.

Он дождался конца выступления, поймал девчонку возле черного входа, где та курила, уже собираясь уходить. И каким-то образом уговорил, обаял, почти заставил присоединиться к их нелепому ужину.

Следующий час Борис наблюдал, как млеет и тает его приятель. Как он несет чушь. Как не может оторвать взгляда от этой смешливой дерзкой птички.

Нет отвратительнее зрелища, чем влюбленный мужчина в летах. Друг был старше Бориса на пятнадцать лет, и Курчатов представил каждый год их разницы в виде умело забитого бильярдного шара, который покоился в лузе.

Пятнадцать – ноль. Попробуй-ка сравнить счет, урод.

Прочее было делом техники. Поехать вместе в ночной клуб. Выставить приятеля окончательным идиотом. Привезти девчонке на следующее утро букет роз. А затем еще один. И еще.

Курчатов не шел к своей цели, а катился как шар, инерцию которому придавала ярость. Каждым поцелуем он мстил; каждый секс был для него актом доминирования – не над девчонкой, конечно, господи, при чем тут вообще она. Разумеется, он постарался, чтобы новость об их отношениях дошла до приятеля.

Но этого было недостаточно.

Отношения должны развиваться по нарастающей – об этом он вычитал в какой-то книжке и решил, что это справедливое наблюдение. Или развитие, или стагнация. А ему нельзя терять заработанные очки.

Он сделал девушке предложение, и та приняла его.

Борис Курчатов женился на Динаре не потому, что влюбился. А потому что в нее влюбился человек, которого он когда-то называл своим другом. Отныне при встрече с ним Борис каждый раз хозяйски клал руку на плечо

жены, с жадным наслаждением лоя на лице приятеля едва заметную судорогу – той мышцы, что возле уголка губы.

Пятница, 10 июня

Песню Динара выбрала – Пинк, «Делириум». Запустила клип на ноутбуке и прибавила звук в колонках. Саундтрек к собственной жизни был ей необходим. Если не было возможности вставить наушники в уши или включить композицию, в ее голове все равно проигрывалась какая-нибудь мелодия. И лишь когда Динара начинала думать о яхте, в ее мыслях наступала полная, абсолютная тишина.

Борис с утра остался дома, и это могло бы испортить весь план. К счастью, он качал мышцы в тренажерном зале. Василий закрылся в своей комнате, снова прогуливая учебу. Но главное, старуха! Альфия уехала к косметологу, и Динара надеялась, что раньше двенадцати она не вернется.

У нее есть четыре часа.

Она спокойно пересекла коридор и остановилась напротив комнаты свекрови. Дверь Альфия никогда не запирала, и не потому, что доверяла домашним, а потому, что не считала Динару за человека и не ждала от нее дурного. Вряд ли владельцу плантации пришло бы в голову прятать ценные вещи от слуг-негров.

На это и был расчет.

Динара вошла в комнату, где еще висел в воздухе запах сандала. Старуха, как обычно, жгла с утра ароматические палочки. Это хорошо. Пусть одежда и волосы немного пропитаются сандалом, это может хоть чуть-чуть, но перевесить чашу весов в ее пользу, когда потребуется.

Три вещи нужны были Динаре: паспорт, ключ от ячейки и шарф. Паспорт и ключ нашлись в выдвижном ящичке стола, а с шарфом неожиданно возникла заминка: в гардеробной комнате его не оказалось. Динара это предусмотрела, и в комнате ее ждал очень похожего цвета палантин, купленный заранее. Но она все-таки проверила шкафы и обрадовалась, когда с верхней полки на нее спланировала знакомая красная тряпка.

Хороший знак.

Она была хладнокровна и сосредоточенна. Есть цель. Есть способ ее достижения. Нужно просто двигаться, следуя намеченным пунктам плана. Вот если что-нибудь пойдет не так и придется импровизировать, тогда можно будет и волноваться. А пока нет повода.

Все необходимое у нее, можно переходить ко второму этапу.

Вернувшись в комнату, Динара села перед зеркалом и поставила таймер на час. Если она не справится за это время, ее затею можно считать проигранной.

Парик вынуть из шкафа, встряхнуть, поставить на стол. Приготовить очки с простыми стеклами и затейливой оправой, которые носит Альфия. Этих очков у нее пар двадцать, можно не утруждать себя точным подбором, никто не обратит внимания. А теперь начинается самая ответственная часть подготовки.

Динара включила лампы на зеркале и проверила пальцем температуру воды.

– Поехали.

Десять лет назад

Когда умерла мать, долго и тяжело болевшая, Динара продала их маленькую квартиру и приехала в Москву. Брата в то время какими-то окольными путями занесло на юг страны, хотя он обещал, что встретит и поможет, и Динаре пришлось обустраиваться одной.

Для начала она поступила в Полиграфический. Два года подготовки не пропали зря. Не было дня, когда она не занималась бы, включая те, что провела возле матери в больнице.

Отучившись первые полгода, Динара пошла на курсы маникюра. Она знала твердо: портные, парикмахерши и маникюрши всегда при деле, даже если бушует война или чума. Это бедняки умирают непричесанными. А вокруг богачей роятся те, кто обслуживает их красоту, и быть одной из пчелок этого роя означает спасение.

Деньги от продажи квартиры она распределила на три года. При очень экономной жизни этого должно было хватить на съемное жилье, еду и кое-какие радости. Большую дыру в бюджете пробивала оплата ее курсов, но Динара не роптала. Средства, вложенные в себя, всегда окупаются.

Она была мила, улыбчива и общительна, однако ни с кем не сходилась тесно и за все время учебы не завела себе друзей. Люди приближались, привлеченные ее энергией и обманутые напускной легкостью, – и вдруг обнаруживали, что у этой бабочки стальные крылья и титановый корпус. Она махала крылышками не просто так. Это был полет к цели. У тех, кто оказывался рядом, возникало чувство, что при необходимости и они будут принесены в жертву чужим стремлениям.

В действительности это было вовсе не так. Динара никогда не рассматривала людей как инструмент. Все силы и средства она бросила на

то, чтобы сделать инструментом себя.

Она азартно училась новому. Как только поблизости от института открылась студия танцев, девушка записалась туда и по вечерам самозабвенно танцевала, приводя в восторг преподавательницу. От природы гибкая и очень музыкальная, она прекрасно двигалась и схватывала новые движения на лету. Год спустя студия предложила ей контракт тренера для начинающих. Динара отказалась. Ей нужно было учиться дальше, а не тратить время на сорокалетних пышек, мечтающих соблазнительно двигать животом.

В числе ее увлечений закономерно оказался визаж. «Женщина должна уметь накрасить себя, а в идеале и других». Полтора года Динара набивала руку на однокурсницах, а если у кого-то случалась свадьба или важное свидание, ей платили, пусть и немного. Она не тратила лишних денег ни на одежду, ни на ресторанчики, ни на те маленькие радости, которые способны сделать жизнь бедной девушки из просто выносимой – счастливой. Динара Садыкова вообще не рассуждала в категориях «счастье-несчастье».

Есть цель: стать богатой и самостоятельной. К ней и надо идти.

В родном городе у нее остались родственники. Как-то она позвонила поздравить их с Новым годом и наткнулась на яростную отповедь. «Не подлизывайся, сволота, – сказала ей взбешенная двоюродная тетка. – Как ты с родной матерью обошлась, а?»

Динара не сразу поняла. Лишь услышав от тетки про квартиру, вспомнила.

Когда матери поставили диагноз и прозвучали слова «четвертая стадия», Динара сначала обошла вместе с ней еще троих врачей. Доктора оказались единодушны.

Тогда Динара повела мать к юристу. «Мы хотим оформить договор купли-продажи, – сказала она, придерживая исхудавшую женщину под руку. – Моя мама продает мне квартиру».

Юрист все понял с первого слова. Фиктивная сделка была официальным способом передать жилье от матери к дочери, избегая наследственной волокиты. Мать подписала договор без единого возражения. Лишь после, когда они вышли, взглянула на Динару и спросила: зачем?

«Ты скоро умрешь, – ответила восемнадцатилетняя Динара. – Я хочу сразу же уехать отсюда. Вступления в наследство нужно ждать полгода. Не желаю тратить это время на бессмысленное сидение в Оренбурге. Ненавижу этот город».

Мать помолчала. Выпустила руку Динары.

«А как же Тимур? Он ведь тоже мой ребенок».

Динара взглянула удивленно: «Я отложу его часть в банк. Возьмет, когда захочет».

Больше они не касались этой темы.

Динара так и не поняла, отчего тетка была с ней груба. Она все сделала правильно. Если бы мать сама сообразила, что недвижимость нужно официально передать Динаре, она бы так и поступила. Но мать была глуповата, к тому же ничего не понимала в законах.

Когда Динара училась на третьем курсе, тетка позвонила сама.

– Бабка твоя объявилась, – сухо сказала она. – Шляется туда-сюда.

– И что? – спросила Динара. – Мое какое дело?

– Это твоя кровь. Мы тут ни при чем. Разбирайся сама.

И положила трубку.

Родственников по отцовской линии Динара почти не знала. Она и отца видела в последний раз, когда ей было двенадцать. Он приходил пьяный, приносил игрушки, выглядевшие так, словно были украдены в ближайшей песочнице, и, кажется, смутно помнил возраст дочери. Самым ласковым, что слышала от него Динара за всю жизнь, было мимоходом брошенное «Красивая будешь. Полукровки всегда красивые». Что, впрочем, не сбылось.

В доме бабушки по отцу ей довелось побывать всего пару раз. Запомнилось, что в темной комнате повсюду белели блины вязаных салфеток, а бабушкино пальто венчалось лисьим воротником. В полутемной прихожей с вешалки на маленькую Динару смотрели два стеклянных лисьих глаза с узкой сушеной мордочки. Сама же бабушка была толстая и губастая, угощала девочку пирожками с ливером из бакалеи, о которых мать говорила, что ими только фашистов кормить можно, а потом допытывалась у сына, собирается он жениться на своей татарке или так и будут жить в грехе.

Уже став взрослой и припомнив кое-какие подробности встречи, Динара сообразила, что бабка в тот день крепко выпила. Но все равно было здорово. Особенно пирожки.

За прошедшие годы об отце и его матери у Динары не было никаких сведений, пока не позвонила тетушка.

Дело было в начале лета. Динара подумала – и купила билет в Оренбург.

Жарко.

Убого.

Дороги в страшных выбоинах.

Круглосуточных продуктовых не найти.

Она никогда не любила свой город. Но прежде его уродство не так бросалось ей в глаза.

Могила матери была запущена. Памятник стоял ровно, но вокруг пробивалась поросль рябины, а ограда вовсе исчезла. Динара не стала тратить времени, чтобы привести участок в порядок. Мертвым все равно. Их здесь нет. Она постояла, прислушиваясь к себе и пытаясь уловить какие-то чувства. Но не было ни тоски, ни вины, ни горя. Только в голове звучала песня певицы Адель.

– Чего приехала? – враждебно спросила тетка, увидев ее на пороге.

Однако усадила племянницу за стол, и за чаем рассказала, что отец Динары пять лет назад переоформил квартиру матери на себя и пропил.

– Сам он сначала при каких-то жалостливых бабах ютился. Потом его выгнали все. Говорят, ночует на теплотрассе.

– А бабушка?

– Спятила, – спокойно ответила женщина. – Она всегда дурная была. Пила много. А ты в отца пошла, его русская кровь в тебе пересилила нашу.

– Что несешь-то? – миролюбиво спросила Динара. – Чего она пересилила?

– А вспомни, как ты заставила мать квартиру на тебя переоформить. На пороге смерти! Она мне все рассказала! Так плакала, бедная, так плакала...

Тетка вытерла слезы.

– Если ты ее так жалела, что ж в больнице появилась два раза? – любопытствовала Динара.

– Не могла видеть, как она умирает, – заплакала женщина. – Может, из-за тебя она и ушла до срока.

Динара молча пила чай, дожидаясь, пока утихнут всхлипы.

– Зачем ты мне в Москву позвонила?

– Я твою старуху в больницу устроила. Они ее подержали, потом выпустили. Куда ей идти? Она по подъездам скитается. Люди нас осуждать начали. Старую женщину, говорят, приютить не могут.

Динара слушала.

– А я ее взяла! – разгорячившись, продолжала тетка. – Так она мне в первую же ночь всю кровать обоссала! Простыни, матрас – ну все! Вонючка такая, что я потом два дня есть не могла. Отвезла ее снова в больницу, денег им там сунула, чтоб взяли, а у меня, между прочим, Ринат два месяца зарплату не получал! А она мне кто? Да никто! Двоюродной сестры мужа

мать – это ж додуматься ей надо было ко мне прийти! Хоть и пропила мозги, а понимает: вы, русские, своих стариков бросаете. Ничего от вас не дождешься, кроме зла.

Динара вышла на улицу, завернула за угол. На скамейке возле соседнего подъезда сидела толстая старуха в спортивном костюме.

Она разглядывала ее, пытаясь найти знакомые черты. Но в воспоминаниях ярче сохранилась морда лисы на воротнике, чем бабушкино лицо.

– Вера Андреевна, пойдете-ка со мной, – сказала Динара. – Документы только ваши заберем.

Тетка смотрела с балкона, как они уходят. «Пожалела, значит».

Никакой жалости в Динаре не было. Но это была ее бабушка, и Динара знала, что обязана забрать ее к себе. Сомнений в этом у нее не возникало ни на секунду, и едва убедившись, что теткин рассказ правдив, девушка уже понимала, что будет делать дальше.

Она была довольно черствым человеком. С очень развитым чувством долга.

В Москве быстро выяснилось, что тетюшка не сгустила краски, а акварельно размыла до слабой тени беспощадного факта. Старуха была в глубокой деменции. Она не доходила до туалета, и первую неделю Динара еле успевала менять памперсы и стирать белье.

Затем она нашла сиделку, и стало легче.

С этой чужой больной женщиной, которую Динара видела пару раз в жизни, она прожила два года. Деньги от продажи квартиры ушли на сиделку. По вечерам Динара подрабатывала, ночью готовилась к занятиям, а утром бежала в институт. Она плохо спала – оказалось, что Вера Андреевна разговаривает по ночам. Другой человек на ее месте однажды взял бы подушку и приложил к отеку бабкиному лицу. Динаре даже в голову не приходило, что от старухи можно избавиться.

Однажды в квартире снова раздался звонок, и тетка сообщила, что отец Динары скончался, похороны через два дня.

– Пофиг, – сказала Динара и повесила трубку.

– Дрянь бездушная, – сказала тетка и пошла варить пельмени.

У Динары в тот вечер было назначено собеседование. Она вышла с него приободренная. Ее взяли, а это означало неплохой приработок на ближайшее время. «Я предпочла бы есть в ресторане, а не танцевать, – с мрачноватым юмором думала Динара. – Но на поесть я пока не заработала».

Два месяца спустя Вера Андреевна умерла от простуды, переросшей в

воспаление легких. А еще через месяц Динара встретила Бориса Курчатова.

Для начала она взяла обычные бумажные салфетки без рисунка и порвала их на небольшие кусочки. Размочила теплой водой и принялась накладывать на лицо. На нос – побольше, Альфия Ренатовна женщина носатая. На лбу собрать их в складки. У самой старухи лоб заколот ботоксом, но Динаре нужно не скопировать свекровь, а притвориться ею. Мокрые салфетки ложились как надо, с морщинками. Прижать один слой – и сбрызнуть лаком для волос. Налепить второй слой – и повторить.

Покрыв все лицо, Динара погримасничала перед зеркалом и убедилась, что салфетки держатся хорошо. Теперь начинается раскраска.

Она уверенной рукой наносила грим. Сказывался опыт работы визажистом. Сначала – тон, чтобы замаскировать границу между кожей и салфетками. Затем темный карандаш. Уголки губ «опустить» вниз, обозначить носогубные складки. Растушевать. Наметить полосы между бровями, короткими штрихами пройти в уголках глаз, чтобы возникли гусиные лапки. Динара работала неторопливо, но не затягивая ни один этап.

С возрастом у людей опускается внешний уголок глаза. Она обозначила линии карандашом и удовлетворенно отметила, что лицо состарилось лет на десять. Теперь проработка тенями. На верхнем веке плотный грим, чтобы оно казалось нависающим. Щеки затемнить, «провалить». Белой краской высветлить брови и ресницы. Изобразить морщинистую сеточку вокруг губ.

С каждым движением карандаша лицо ее старело. Под конец Динара прошла темной пудрой и убедилась, что она выглядит достаточно отвратительно и естественно.

Но главное – это не лицо. Сходство ее со старухой было весьма условным. Главное – те детали, на основе которых создается образ.

Михаил Степанович Гройс не был знаком с Динарой Курчатовой и ничему ее не учил. Она до всего додумалась сама. Но если бы старик видел, как она работает, он не нашел бы к чему придраться.

Светлые брюки и шелковую рубашку Динара надела свои. Старуха отличается от нее по комплекции, ее вещи на Динаре будут висеть. Нельзя, чтобы чужой глаз видел несостыковки в образе. Туфли на плоской подошве. Белый парик с рваными прядями. Очки.

А теперь самое главное: шарф! Динара уложила его очень тщательно, потратив на это четверть часа, но в точности воспроизведя способ свекрови. Она рассуждала просто. Если раз в месяц к вам заходит старуха в

ярком шарфе, вы хорошо запомните шарф, но плохо запомните старуху. Ее лицо примелькается. Ваш взгляд замылится. И тогда человек, добившийся минимального сходства, легко выдаст себя за нее.

«Хорошо, что я похожа на твою маму», – подумала Динара, бросив взгляд на портрет мужа. Глаза темные, широко расставленные. Лица скуластые.

Теперь нужно незамеченной выйти из дома, потому что если Борис увидит маму номер два, ей сложно будет объяснить, что она здесь делает.

Динара натянула перчатки, благословив свекровь за привычку скрывать свой возраст. Наносить грим на руки было бы сложнее, чем на лицо. Сунула в сумочку паспорт, мазнула на палец каплю эфирного масла сандалового дерева и вышла из комнаты, убедившись, что Василий и Борис не попадутся ей на пути.

Она не стала брать такси, а села за руль. По дороге предстояло потренироваться с голосом.

В десять двадцать пять в маленький банк неторопливо вошла пожилая клиентка. Посмотрела на часы, кивнула охраннику. Протянула паспорт менеджеру.

– Ключ от ячейки, пожалуйста.

Динара не знала, какую формулировку использует Альфия. Но не думала, что мальчик за стойкой это помнит.

– Одну минуту.

На паспортной фотографии Альфия выглядела значительно моложе. Динара рассчитывала, что это поможет, если менеджер окажется новичком, увидевшим ее в первый раз. Но на паспорт сотрудник банка едва взглянул. Значит, не новичок. Помнит ее.

– Пожалуйста.

Возникла секунда заминки. Динара не знала, должен ли ее кто-то проводить в хранилище, или она идет туда сама. Но заметила молодую женщину в униформе банка и тотчас вспомнила: два ключа! они открывают ячейку двумя ключами. Конечно, с ней будет провожать!

– Здравствуйте. Прошу за мной!

«Как просто! – думала Динара, спускаясь за ней по лестнице. – Жаль, что нельзя с такой же легкостью получить доступ к ячейке Бориса».

– Сюда, будьте добры.

Служащая приоткрыла дверь, и на несколько секунд Динара почувствовала на себе ее внимательный взгляд. Сердце забилось чаще.

Сглазила. Кажется, все будет не так легко, как показалось вначале.

В чем дело? Почему эта коза таращится в нарушение всех правил приличия? Поняла, что это не Альфия? Смутно уловила несоответствие, неправильность, царапающую взгляд? Динара так старалась скопировать походку свекрови! Ее пластичность, ее умение «снимать движения», отточенное за годы танцев, должны были сработать на нее.

Ладони вспотели под перчатками.

– Простите... – начала женщина.

Динара приподняла одну бровь.

– Я давно хотела вам сказать – вы потрясающе выглядите.

– Спасибо, моя дорогая, – хрипло сказала Динара. – Как приятно это слышать!

Речь была ее слабым местом. Одно неверно сказанного слова хватит, чтобы разрушить весь образ. Но Динара покашливала, произнося свои две реплики, и сотрудница мило улыбнулась ей в ответ.

– Позвоните, когда закончите.

Дверь скрипнула, и Динара осталась в хранилище одна.

Она открыла коробку и пару секунд смотрела на диадему. Затем сунула ее в сумочку и принялась размышлять, сколько времени здесь обычно проводит старуха. Минуту? Пять? Нужно быть точной до конца.

Выждав минут шесть, она решила, что пора выбираться. Сотрудница, вернувшись, помогла ей закрыть ячейку, и женщины молча поднялись в общий зал. Там Динара величественно кивнула молодым людям за стеклом, улыбнулась охраннику и так же неторопливо вышла из банка, как вошла пятнадцать минут назад.

Она доехала до ближайшего «Макдональдса», заказала нагетсы. Зашла в туалет и смыла грим с лица. Салфетки присохли так крепко, что их пришлось отскрести. Снова помолодев, Динара переделалась в заранее припасенные шорты и футболку, сунула парик и сброшенные вещи в сумку, сменила туфли на кеды и вышла из туалета, из старухи превратившись в юную спортивную женщину. Напоследок она схватила со стола кусочек филе в панировке. Вообще-то Динара запрещала себе есть фастфуд. Но сегодня было можно. Сегодня она заслужила.

Глава 6

Стук-прыг. Стук-прыг. Стук-прыг.

– Держи, малыш! – на этот раз Чарли за работу достался маленький кусочек котлеты.

Надо признать, Ирма заботилась о своем пленнике. Готовила супы на овощном бульоне, котлеты жарила не на сковороде, а запекала в духовке... «Когда выйду отсюда, съем хороший ростбиф, – думал Гройс, жуя паровую морковь. – Под холодную водочку, да под огурчик, да с бородинским-то хлебцем... Эх!»

Он еще раз бросил мячик и поймал, когда тот отскочил от стены.

Игрушку ему приволок Чарли. Выложил утром на край постели и устался на старика, неуверенно виляя хвостом. Гройс схватил маленький резиновый шарик и запульнул в стену. Взвизгнув от радости, Чарли бросился вслед. Стало ясно, что Ирма не балует питомца совместными играми. Он и прежде догадывался, что собаке с ней довольно тоскливо.

Интересно, есть ли существо, которому весело в ее компании? Был ли у нее муж? Есть ли дети? Он поймал себя на том, что думает о ней как о живом человеке, и обругал самого себя. Дебил ты, Миша. Нет такой женщины, Ирмы Одинцовой или какую там красивую фамилию она себе выдумала. Есть механизм – сложный замок, запирающий дверь, отделяющую темницу от свободы. Его нужно взломать. «Знаем мы эти психологические штучки: сначала задумываешься, не били ли ее родители в детстве и не издевался ли муж, а затем помогаешь поймать следующего несчастного, который будет тешить ее байками».

– Давай-ка, псина, сначала позанимаемся, а потом будем развлекаться. – Гройс спрятал мячик под подушку, а сам достал припрятанную с обеда половинку котлеты и отщипнул от нее небольшой кусочек. – Лежать!

В занятиях прошел час. Потом и Гройс устал, и собаке надоело. Ирма все не возвращалась, и старик решил отвлечься на ее книгу.

«Смерть дракона».

Посмотрим-посмотрим, что за писатель Елена Одинцова.

Спустя пятнадцать минут Гройс раздраженно захлопнул детектив и откинулся на подушки. Книга была дрянная. Цветистый жеманный стиль, надуманный сюжет, да еще и главная героиня – безукоризненная стильная леди сорока пяти лет, сохранившая молодость и красоту двадцатилетней

девушки. Зато стало ясно, где у Ирмы уязвимое место.

«Мне это вряд ли поможет».

После неудачи с брошью Гройс не отступился от своей идеи. Но в окружающем его пространстве отмычки для наручников не было. Предстояло ее достать, а принести ее могла только Ирма.

Старик обдумывал, как спровоцировать ее на то, чтобы она взяла с собой булавку. Как назло, в голову лезла ерунда. «Сказать, что булавка помогает от сглаза и возвращает молодость. Ну она ее и приколет к резинке трусов, и как я буду ее оттуда выуживать?»

Из новых предметов обстановки в комнате накануне вечером появился фикус. Ирма, кряхтя от натуги, втащила тяжелую кадку.

– В гостиной мало света, – объяснила она Гройсу, вопросительно вскинувшему брови. – Здесь самое то.

Гройс одобрительно кивнул. Фикусы он терпеть не мог, их глянцевиные мертвенные листья навевали на него тоску и мысли о стоматологических клиниках. Но из ее оговорки он догадался, что домик маленький, всего две комнаты. Гостиная и спальня, переоборудованная в тюрьму. Он пока не знал, как может пригодиться ему эта информация, но в его условиях любые новые сведения были подарком.

Этот подарок был уже второй. Днем, чуть раньше, Гройс услышал какой-то новый звук. Прислушался и понял, что это стук топора. В это время Ирма как раз принесла обед, и заметив, что он вздрогнул, невозмутимо пояснила:

– Таджики, у соседа живет. Ремонтирует по мелочи и сторожит дом. Не надейтесь на него, Михаил Степанович. Он тихий, безмозглый, русского языка почти не знает. Даже если вы с утра до вечера будете кричать, он сюда не сунется.

«Это если я буду кричать, – мысленно возразил Гройс. – А если не буду, а попробую привлечь его чем-нибудь другим?»

Некоторое время он развлекался тем, что придумывал наживку для крючка. Допустим, пожар. Или громкая музыка. А если голая Ирма будет танцевать на крыше?

А лучше все вместе, подумал он. Пламя рвется из окон, с хрустом вылетают стекла, трещат балки под оглушительный «Полет валькирий», а возле печной трубы извивается писательница Одинцова и размахивает лифчиком.

– Приятно видеть, что вы в хорошем расположении духа, – заметила Ирма, глядя, как он смеется. – Вспомнили для меня еще одну историю?

Гройс засмеялся еще громче. Она метнула на него подозрительный

взгляд и забрала поднос.

– За кого еще вы себя выдавали?

– Проще сказать, за кого я себя не выдавал.

– И женщиной были?

Старик покачал головой:

– Пару раз, но мне не понравилось.

– Отчего же? – Ирма кокетливо приподняла бровь.

– Я люблю, когда работа сделана хорошо. А изобразить женщину трудно. Другая пластика. Голос трудно изменить. Проще всего играть старуху.

– Почему?

– К старости границы пола стираются. Женщины становятся похожи на мужчин, мужчины на женщин. Вы не обращали внимания, что по лицам многих пожилых людей трудно определить пол? Вы смотрите на одежду, на фигуру. А это нетрудно подделать.

– Женщине, чтобы не быть похожей на мужика, достаточно сохранять элегантность. – Ирма закинула ногу на ногу. – Это нетрудно и в старости. Но большинство себя запускает. Мне их жаль, искренне жаль. Что такое женщина без женственности? Опустившееся существо. Или эти, знаете... – она поморщилась, – эти ужасные лесбиянки. Раньше было лучше. Мы носили платья, завивали кудри, цокали каблуками... А сейчас? Посмотрите на молодежь! Девки все в каких-то растянутых спортивных штанах, в кедах, все как одна, даже с платьями! Я бы, честное слово, приказала отлавливать на улице всех этих модниц, принудительно стаскивать с них это убожество и показательно сжигать на площади. – Ирма даже раскраснелась. – А старичье? Вот идет бабка, и тоже в каких-то калошах! Я понимаю, ноги распухли, ходить тяжело... Но не у каждой же первой! А ковыляют в них все, поголовно. Отобрать! Отобрать – и сжечь!

– Прямо-таки сжечь? – сквозь зубы спросил Гройс.

– Думаете, чересчур радикально? Нет, Михаил Степанович, я буду стоять на своем: элегантность – это ключ к достоинству. Не только отдельного человека, но и социума! Нам не хватает благородства. Вспомните общество пятидесятых, шестидесятых... А в довоенные годы сколько было красавиц! Вот с кого надо брать пример! Без элегантности женщина убога, сколько бы ей ни было лет. Это оскорбление для тех, у кого есть чувство прекрасного. Иногда мне хочется кричать: уберите их с улиц! Заставьте помыться! Они же провоняли все трамваи, все автобусы. В парк нельзя зайти, чтобы перед тобой не тащился какой-нибудь старый

прокуренный пердун, от которого за двадцать шагов несет немывтым телом. А магазины? Я жалею, что в общественных местах нет фейс-контроля! Или как его назвать? Обонятельного контроля, вот! Пахнешь? Иди в душ! Ходишь летом в калошах? Переобуйся, а потом являйся в приличное общество. Вот что плохо, Михаил Степанович – что этих людей никто не осуждает. Я бы ввела в уголовный кодекс статью о преступлениях против прекрасного, ей-богу!

Она откинулась на спинку кресла, очень довольная своей речью. От нее веяло таким самодовольством, что Гройс не удержался:

– Особенно убоги бабки, живущие на крошечную пенсию. Вот идут они, скажем, в поликлинику со своими ревматоидными артритами, подтекающими мочевыми пузырями и выпадающими матками. И такие, падлы, неэлегантные, что просто злость берет. А как прекрасна могла бы стать наша жизнь, если бы мы собрали их всех в одну резервацию! А они там взяли бы и передохли, удушенные взаимной вонью!

Ирма на волне своего вдохновенного пафоса не сразу распознала насмешку. Секунд пять она смотрела на Гройса радостно и доверчиво, как ребенок, внезапно нашедший в товарище понимание. А затем улыбка сползла с ее лица. Оно окаменело.

За окном громко застрекотал кузнечик. Ирма дернулась и как будто отмерзла.

– Ого! Вы что, собираетесь читать мне нотации?

– А поможет? – с неожиданной злостью спросил Гройс. – Меня поражает, как вы можете быть писателем. У вас же эмпатия на уровне хорька. Почти каждый человек, кроме совсем уж несмышленных детей, представляет, что значит боль. Он понимает, каково это – когда больно другому. Все в детстве прищемляли палец, болели ангиной и плакали над белым Бимом с черным ухом. Вы же, такое чувство, выросли на другой планете. У вас там тоже есть старики. Но они отличаются от других особей только внешне! Когда вы стареете, ваша оболочка скукоживается, а все остальное остается неизменным. Вы понятия не имеете, что значит стареть. Вот и несете напыщенную ахинею.

Ирма понимающе закивала:

– Так и есть. Решили учить меня правильному отношению к жизни.

– Проку нет, – буркнул старик.

– От ваших лекций точно не будет.

Она откинулась в кресле и покачалась, рассматривая его с брезгливым любопытством, словно перед ней был редкий экземпляр какого-нибудь отвратительного насекомого.

– Забавный вы человек, Михаил Степанович! Кто бы другой переживал об оскорбленных бабульках.

– А я чем хуже?

– Да вы же преступник, – изумленно сказала Ирма. – Вор и проходимец.

– Вор и проходимец уже не способен распознать глупую категоричность?

– Алло, Михаил Степанович! – она помахала перед ним рукой. – Вы меня слышите? Понимаете, что вам говорят? Вы последний человек в этом городе, который может упрекать меня за безнравственное отношение к старикам. Вы же всю жизнь грабили людей!

– Обманывал, – без выражения сказал Гройс. – Не грабил.

– И вы не улавливаете никакого противоречия между тем, что вы делали, и тем, что вы мне говорите? Господи, да вы точно старая шлюха, осуждающая соседа за воровство яблок из чужого сада!

– Хороший пример со шлюхой, – согласился Гройс. – Кража-то все равно остается кражей, кто бы ни был ее свидетелем.

Она его не слушала.

– Вы шваль, человеческий отброс! Сколько тех же старух, которые сегодня ковыляют в поликлинику, пострадали от вашего обмана? И вы их защищаете? От меня? – Ирма издевательски захохотала. – Будь у вас хоть капля совести, вы бы заткнулись и не смели рта раскрывать! Нет, посмотрите – нашелся поборник нравственности! Заступник хромоногих и убогих! Да вы моральный урод, Михаил Степанович! Вам нужно не лежать на моей постели, почесывая яйца, как король, а богу молиться, чтобы простил вас за все дерьмо, которое вы причинили людям!

Она перевела дух и выжидающе уставилась на него. Парируй, старая сволочь! Доказывай, что ты не так плох, как кажешься! Оправдывайся, раскаивайся, подбирай аргументы!

– Любопытные у вас представления о королях, – сказал Гройс.

Если некоторые его реплики были подобны камешкам, то сейчас старик залепил ей в лоб хорошим булыжником. Он сам не ожидал такой реакции.

– Не смейте паясничать! – взвизгнула Ирма. – Вы шут! Жалкий шут! Вы и... вам подобные!

– Я тут вроде один...

– Закройте рот! – она вскочила и едва не сбила ведро для отправления естественных надобностей. – Что вы знаете о моей жизни? Вы тут изгаляетесь! Насмешничаете! Но я, в отличие от вас, порядочный человек!

Я никого никогда не обманывала! Не покушалась на чужое! Ко мне приходят люди, благодарные за мои книги. Ведь я всю жизнь пишу! Вы, наверное, даже не понимаете, как такое может быть – столько лет заниматься честным трудом! Я всю жизнь была хорошей, понимаете вы это или нет?!

Ему показалось, что он слышит крик ее души.

– А потом вы пошли и похитили человека! – рявкнул он.

– Не человека, а вас! Вы же просто расходный материал!

Она выкрикнула эти слова ему в лицо, и Гройс осекся.

В комнате повисла тишина. Если набрать котел такой тишины, можно сварить кого-нибудь заживо.

Ирма отступила на шаг и судорожно провела взмокшими ладонями по юбке. На лбу у нее выступили капли пота.

– Так вот что... – медленно протянул старик. – Я понял. Вы не стали бы похищать приличного гражданина. Но меня-то можно. Я же вор и проходимец. Кто-нибудь еще, может быть?

Женщина вскинула голову. Она уже почти овладела собой. Ее возбуждение выдавали только алые пятна на щеках.

– Мерзавец, если уж быть откровенной.

– Какое счастье, – ухмыльнулся Гройс. – Наконец-то вы хоть с кем-то можете позволить себе откровенность. Остальные, наверное, знают вас как милую добрую леди!

– *Я и есть милая добрая леди!*

– Приковавшая живого человека к кровати для собственного развлечения, – подхватил Гройс. – А все потому, что он не совсем человек!

«Нет такой женщины, Ирма Одинцовой, – внезапно напомнил голос в его голове. – Есть механизм – сложный замок, запирающий дверь, отделяющую темницу от свободы».

Он молча смотрел на нее, пораженный этим воспоминанием. Нет, постойте! Он же совсем не то имел в виду...

Ирма окончательно пришла в себя. Она вернулась в кресло, сложила руки на коленях. Выжидательно уставилась на него.

– Что это вы замолчали, Михаил Степанович? Вы явно собирались чем-то меня попрекнуть.

– В другой раз.

– А знаете что? Считайте, что я – ваше наказание. Обратная связь от мироздания! Оно было к вам поразительно милосердно. Я поняла! – Лицо ее просветлело. – Поняла, что должно было с вами случиться. Вы должны были сгнить от рака. Без обезболивающих! За все, что вы натворили, вы

должны были долго и мучительно подыхать. Вот что было бы для вас справедливым наказанием! Сгнить от рака, – с явным удовольствием повторила она. – Чтобы кишки скручивались в узел. Чтобы вы сорвали связки от воплей. Чтобы вы превратились в один сплошной нарыв, в язву, в вонючий гнойник.

Гройс с изумлением наблюдал, как в ее глазах разгорается огонь, озаряющий черты благородным вдохновением. Она перечисляла его мучения с таким лицом, словно раздавала милостыню бедным.

По спине старика пробежал холодок.

– У вас над головой что-то сияет, – сказал он, сохраняя видимость спокойствия. – Нимб, что ли, не разберу.

– А вместо рака вам досталась я! – Ирма торжествующе развела руки, словно приглашая его прильнуть к ее груди. – Шикарный подарок судьбы, Михаил Степанович. Незаслуженно шикарный! – ей явно нравилось слово «шикарный», она произносила его тягуче, разве что не облизываясь. – Две недели в моей компании – да многие люди заплатили бы за это! – Ирма хихикнула. – А вы, жалкий грязный старик, только говорите мне гадости!

– Тогда мы с вами квиты.

Она пожевала губами, осмысливая его упрек.

– Люди делятся на две категории, – сказала она наконец. – Порядочные и непорядочные. Вы, Михаил Степанович, мерзавец. Это не оскорбление, а факт. Вы заслужили все, что с вами происходит.

– Эдак мы договоримся до того, что вы – орудие Господа.

– Почему бы и нет?

– Потому что до вас эту риторику уже использовали, – сказал Гройс. – Ознакомьтесь на досуге и решите, хотите ли вы стоять в одних рядах с этими незаурядными личностями. А что касается деления... Люди делятся на две категории – на радостных и безрадостных. Вы, Ирма, тоскливая, как прокисший кефир. Унылая. И книги ваши унылые. Надуманные, высосанные из пальца. И сама вы такая же. Вы себя придумали! Как интеллигентную особу, скромную писательницу, знающую, однако, себе цену. Наверняка ведь на благотворительность что-то отчисляете! Собаку вон подобрали. Играете эту роль, тоже, кстати, довольно тоскливую. Но даже из вашей серенькой скорлупы идеально воспитанной дамочки пробивается чудо-юдо. О, клыки лезут!

Гройс резко ткнул в нее пальцем. Ирма от неожиданности отшатнулась.

– Книги вы пишете дерьмовые, – с удовлетворением сказал он. – И сами об этом знаете. А из роли-то вылезти не можете, да? Сами себе врете,

что все у вас хорошо, что вы талант, второй Эдгар По, а?

Он хулигански подмигнул.

– Я пишу замечательно, – сказала Ирма, сохраняя ледяное достоинство.

– Врете. Вы и читателей своих презираете. Плебеи, мол, купились на мою преснятину.

Она снова поднялась. Вид оскорбленной добродетели ей очень шел.

– Я была спокойна, пока вы оскорбляли меня. Но когда вы отзываетесь так о моих поклонниках, я вынуждена прекратить наш диалог!

– Вы даже разговариваете, как книжная кукла. «Вынуждена прекратить наш диалог», – передразнил он. – Когда вы требовали от меня закрыть пасть, мне больше нравилось.

Женщина прикусила губу. Теперь Гройс четко понял, что больше всего ее раздражает. Шутовство! Она не переносит, когда над ней смеются. При насмешке этот злобный птенец выдирается из своей скорлупы и принимается яростно долбить клювом.

Но сейчас Ирма изо всех сил старалась, чтобы последнее слово осталось за ней. Не за бешеным птенцом – за леди.

– Сколько же в вас ненависти, Михаил Степанович, – лицемерно посочувствовала она. – Тяжело, наверное, жить с такой ношей!

– Тяжело жить с наручниками на левой руке.

– Сколько ненависти... – повторила она. – Будь у вас нож, вы бы меня ударили.

Она пошла к двери, держа спину очень прямо – воплощенное достоинство и благородство.

– Да толку-то вас бить, – вслед ей сказал Гройс. – Вы же восковая.

Ирма на секунду замерла. Плечи ее как-то странно перекосило, словно спину свело судорогой. Он вдруг представил, как она оборачивается, с рычанием кидается на него и до смерти забивает ведром с его же мочой, перемешанной с антисептиком. Быть убитым собственными нечистотами! И кем! Бабой, которая, существуя такая возможность, зашила бы собственный анус, чтоб уж во всем быть идеальной.

Однако Ирма вернула плечи на место. И вышла, оставив Гройса приходить в себя в одиночестве.

– Нормально поговорили, – пробормотал он, пытаясь успокоиться. – Наладили контакт.

Старик лег и стал смотреть в потолок. Надо было сдержаться! Какого лешего? Он что, совсем с ума сошел?

Может и сошел. Эта баба с ледяными внутренностями и пластиковыми

мозгами, бумагомарательница, каждая книжка которой – памятник напрасно погибшим деревьям, эта бездарная и безучастная дрянь, ни черта не понимающая даже в собственной собаке, не уставала напоминать, насколько она лучше него. Гройс, может, и согласился бы. Но что-то подсказывало ему, что как только признает ее правоту, он останется в этой комнате. На две недели, на месяц, навсегда – какая разница! Он не сбежит. Не выберется.

Его охватила такая слабость, словно он сам был восковым и его бросили в горячую воду. Руки таяли. Ноги таяли. Голова оплывала и теряла очертания. В груди стало тесно и жарко, и щупальце черного жара потянулось вверх, прокладывая путь к его мозгам.

Гройс хотел позвать Ирму.

Но что-то внутри него отчаянно сопротивлялось.

Жарко.

Жарко.

Еще жарче!

Комнатка вдруг показалась ему похожей на гроб. Чистый светлый гроб с высохшими цветами на крышке. Не спасали даже окна: его не покидало чувство, что если отдернуть шторы, за ними будет крошечной стеной стоять земля.

Гройсу стало нечем дышать. Воздух превратился в горячую резиновую колбаску, забитую в горло, которую он никак не мог протолкнуть ни туда, ни обратно.

Рука старика упала с кровати. «Накаркала Ирма. Меня уже в аду встречают. Вон, двери открыли настежь».

Он растянул губы в ухмылке, не открывая глаз, и почувствовал, что воздух стал прохладнее. В этот момент в безвольно свисавшую ладонь вложили что-то мокрое, холодное, как кусочек масла. Гройс повернул голову и увидел Чарли.

Старик глубоко вдохнул.

В голове всплыла сто лет назад слышанная от старого приятеля фраза, которая когда-то безбожно его злила. «Ты жарь, – любил говорить приятель, – а рыба будет!» Он совал эту фразу к месту и не к месту, а Гройс бесился, потому что не понимал смысла.

«Ты жарь, а рыба будет». Ну что это такое, а? В ответ на все расспросы приятель только подмигивал.

Он, правда, давно умер. Утонул на озере. Может, решил раз в жизни сам поймать большую рыбу. И не факт, что не поймал, вдруг подумал старик, вовсе не факт.

Бледный Гройс сел на кровати. Жар схлынул, как не было.

– Ты жарь, – сказал он псу, – а рыба будет. Давай-ка, малыш, потренируемся кружиться.

Гройс не представлял, до какой степени в своих фантазиях о туалетном ведре он был близок к истине. В комнате просто не оказалось предмета, которым Ирма могла бы его ударить. Фикус был слишком тяжел, а идея с ведром не пришла ей в голову.

Выйдя из комнаты, Ирма твердым шагом дошла до кухни. А там налила в фужер коньяка, который держала в доме для кулинарных целей, и выпила большими глотками.

После чего ее стошнило в раковину.

«До чего он меня довел, – думала Ирма, отмывая поддон, – так и на наркотики можно подсесть». Алкоголиков она ненавидела. И вот сама шагнула на край пропасти!

Во всем этом был виноват омерзительный старик, сидевший как сыч на ее постели.

– Сволочь, сволочь, сволочь! – бормотала Ирма. Руки у нее тряслись.

Много лет Ирма обитала в очень комфортной среде. Издатель ее лелеял. Читатели спорили о том, какая книга лучше.

Если кота гладят со всех сторон, он быстро забывает, что не все любят котиков.

Заполучив Гройса, Ирма ни на секунду не задумывалась, что он может не оценить ее по достоинству. Она – преуспевающая писательница. Он – престарелый жулик. Разве этот расклад не обеспечивает ей его уважение?

Ирма стащила перчатки, в которых отмывала раковину, и выкинула в ведро.

Однажды, когда она была маленькая, ее привели в квартиру, где жила сова.

– Посмотри, – сказали Ирме, подведя ее к столу, – это птичка.

Сова сидела неподвижно и была похожа на кота, заколосившегося перьями. Вокруг глаз у совы все было белое, грудка седая. Ирма поняла, что птица очень старая. Даже лапы у нее мохнатые. Обросли к зиме, что ли?..

Сова смотрела перед собой совершенно круглыми глазами, вобравшими в себя день и ночь – в зрачке крошечная тьма, по краешку сияет золотистый солнечный ободок. Она была словно в оцепенении. Может, уже в спячку впала? – подумала Ирма. Ей доводилось слышать, что некоторые животные умеют спать с открытыми глазами.

Девочка протянула руку и погладила птицу по макушке.

Сова молниеносно извернулась, точно змея, и вонзила клюв ей в палец. Нахихлилась, потопталась на месте и снова застыла, как заколдованная. Ирма осталась с пробитым пальцем, из которого ручьем хлестала кровь.

Больше всего ее тогда поразил не размер раны (палец оказался распорот, словно его взрезали скальпелем). И даже не внезапность нападения. А гадючьи повадки в тихой на вид птице и яростное безмолвие, с которым сова нанесла удар.

Гройс напоминал ей сову. Худую, взъерошенную, но не растерявшую привычек, делавших его таким опасным. Сидит в одеяле, глазами лупает. А потом извернется – и половины пальца как не бывало.

Ей пришлось выпить пустырника, чтобы отпустило. Внутри не сердце билось, а тикал часовой механизм, подключенный к бомбе. Третья порция успокоительного остановила стрелки, иначе Ирму разорвало бы, а вместе с ней и Гройса.

Весь следующий день они вели себя как поссорившиеся супруги, прожившие вместе полвека. И деться некуда, и смотреть друг на друга тошно. Ирма утром молча принесла завтрак. Гройс молча пописал в ведро. Она повернула фикус другой стороной к солнцу. Он бросил под кровать носки.

После обеда она принесла ему свежие.

Это были носки той же фирмы, которую он носил. Шелк-вискоза, с укрепленной пяткой.

Гройс вспомнил, что она уехала сразу же после завтрака, сопоставил это с носками. И его вдруг кольнуло. Получается, она специально искала то, что было ему привычно. Не каждый магазин торговал продукцией этой фирмы, а ей еще нужно было выбраться из своей деревни. За продуктами она ездила накануне – выходит, сегодняшней марш-бросок был посвящен исключительно его носкам.

«Вот что ты вчера устроил? – мрачно спросил себя старик. – Ну, скучная тетка. Ну, пишет хреново. Но вреда-то никому не причиняет... почти. Дворнягу вон приютила и кормит. Ведь не любит ее, а все равно держит. Другая бы выгнала давно и взяла персидского кота. На приюты наверняка жертвует со своих гонораров. Одинокая она, вот и едет малость крышей. А ты ее искушал как бешеная собака».

Не то чтобы Гройсу было стыдно. Но он впервые ощутил что-то, похожее на жалость.

Тем более Ирма молчала. Тоже, значит, чувствовала себя виноватой.

«Извиняться буду», – решил Гройс. Вовсе не потому, что хотел угодить тюремщице. Именно теперь он перестал думать о ней как о навесном замке, к которому нужно подобрать отмычку. Надо же, носки купила... И ведь синие, как он любит.

Ирма действительно объехала шесть магазинов в поисках носков для пленника. Ей необходимо было чем-то занять время. В голове царил сумбур. Утром при взгляде на раковину ее снова чуть не стошнило. Она едва сумела приготовить Гройсу завтрак, а войдя в его комнату, увидела на полу скомканные носки.

Поднос с кашей Ирма не опрокинула лишь чудом.

Она ненавидела грязь. Грязную одежду, грязную обувь, грязные отношения. В ее доме, как и в квартире, царила чистота. Гройс угадал насчет десятка освежителей воздуха, но если бы он увидел, что в действительности стоит в тумбочке под ее раковиной, ему бы это не понравилось. Ирма покупала новое средство, которое очищало лучше предыдущего, но проходило время, и она убеждалась, что новинка перестает работать. Что это – заговор производителей? Или мутация плесени, становящейся все более устойчивой? Ирма понимала одно: грязь снова отвоевывает позиции. Тошнотворная кайма возле слива раковины темнеет. Унитаз расцветает изнутри ржавыми пятнами. Она отдраивала их каждый день, но это не помогало. И пыль, пыль собиралась везде! А ведь человек ею дышит! Эта дрянь попадает в его легкие и продолжает свою разрушительную работу – точно паразит, откладывающий в тело хозяина личинки, которые вырастут и съедят его изнутри.

Ирму трясло при виде пылинок, танцующих в солнечном луче. Всех тех, кто воспевал эту мерзость в стихах и прозе, она заставила бы драить клозеты в ночлежках для бездомных.

Накануне она до полуночи отмывала кухню. Все до единой ложки залила кипятком с содой. Поверхность раковины и кран обработала с хлоркой. Стопку тканых салфеток отпарила утюгом – она уже делала это три дня назад, но с тех пор на них могла осесть грязь.

А утром зашла в комнату, и там были носки.

Ирма шарахнулась от них, как корова от раскаленного клейма. Но было поздно: они с шипением впечатались ей в память. Скукожившиеся, как гигантские дохлые пиявки. Распространяющие чудовищное зловоние. С крошечной металлической пластинкой, на которой было выбито название производителя. Все это Ирма ухватила взглядом и больше не могла

выкинуть из головы.

Она сбежала из собственного дома. Ее душевное равновесие было нарушено до такой степени, что все, на что она оказалась способна – это заходить в магазины и спрашивать носки определенной фирмы. Ей нужно было заменить грязное чистым, вытеснить его таким же, но правильным, хорошим! Когда она, наконец, отыскала искомое, то приобрела сразу двадцать пар – ни о чем не думая, лишь бы только забить, закупорить чистыми носками жерло вулкана, извергающего грязь.

Носки оказались дорогими, но скупая обычно Ирма даже не заметила этой траты.

Она вернулась и осторожно заглянула к пленнику. Гройс спал. Отросшая щетина придавала ему благообразный вид. Даже в пижаме он ухитрился выглядеть... элегантно. Черт, элегантно!

«Совы не то, чем кажутся», – напомнила себе Ирма. Многие считали эту фразу из «Твин Пикса» загадочной и не понимали ее смысла. Но только не она! Дэвид Линч прямо сказал, что сова – не милая пушистая птица. Это тварь, природа которой неизвестна. Она опасна. Она несет разрушение!

Да, Гройс разрушал ее. Он сам как грязь, как споры плесени. Когда Ирма привезла его в свой дом, она недооценила, насколько мошенник гибелен для всего светлого и чистого. Старый вонючий вор!

Ирма судорожно намазала пересохшие губы гигиенической помадой. Славно пахло земляникой.

Гройс днем выспался, и к вечеру был готов. Он специально не кормил Чарли в обед, надеясь, что к ужину пес проголодается и будет исполнять трюки с особым усердием. Когда Ирма принесла картофельное пюре и котлеты, старик заговорил с ней.

– Простите меня за вчерашнее. Я перед вами ужасно виноват. Наговорил гадостей. Простите.

Ирма сдержанно улыбнулась и махнула рукой. Мол, ничего, с кем не бывает.

– Вам не стоит волноваться, Михаил Степанович. – Она склонилась над его постелью, чтобы сменить наволочку на подушке.

В этот момент Гройс сидел, поджав ноги, в центре кровати, с подносом на руках. Ирма оказалась совсем рядом. От нее несло химической земляникой, такой ненавистной ему, и старик принял решение в долю секунды: ладонь его незаметно скользнула в карман ее платья. Когда Ирма обернулась, старик сидел в той же позе, сложив руки на коленях.

– Сейчас простыню поменяю, – сказала Ирма.

Как только она вышла, Гройс сунул тюбик с помадой под резинку трусов. «В трусы ко мне она точно не полезет», – подумал он, ухмыльнувшись.

Расчет его был простой и, в общем-то, детский. Ирма пойдет за новым тюбиком в аптеку, и вдруг там ей предложат новинку! Без запаха! Или с ромашковой отдушкой. Что угодно будет лучше мертвой земляники.

Когда-то ему довелось прочитать, в чем секрет успеха картошки фри из «Макдональдса». Конкуренты много раз пытались повторить рецепт. Повара «Макдональдса» утверждали, что все дело в особом сорте картофеля, который поставляют специально для ресторана. Но другие заведения быстрого питания стали использовать его же. Они потратились на большие макдональдсовские жаровни, разогревавшие до огромной температуры за пару минут. Однако картошка все равно не получалась в точности такой же. Возможно, она была вкусной – но она была вкусной *иначе*, а покупателей это не устраивало.

Дело было вовсе не в картошке.

Дело было в масле.

За давностью лет Гройс забыл подробности – кажется, повара добавляли в него говяжий жир в огромных количествах. Потом, когда началась борьба с холестерином, им, разумеется, пришлось отказаться от этой идеи. В ход пошли ароматические добавки. Если что-то выглядит как жареная картошка и пахнет как жареная картошка, вовсе не факт, что это жареная картошка. Это запросто может быть имитацией, посыпанной порошком с правильным ароматом. С помощью запаха несложно выдать одно за другое. Обращаясь к своему опыту, Гройс совершенно точно мог сказать, что если лежащий на земле человек имеет синий оттенок лица и пахнет гнилостно и сладковато, как хорошо выдержанный труп, то никто не подойдет проверять, жив ли он. Впрочем, этой историей старик не собирался делиться с Ирмой.

Женщина, похожая на хирургическую перчатку, пахла детской помадкой. Гройсу был не по душе этот диссонанс. Не говоря о том, что он ненавидел запах земляничной отдушки.

– А вот и простыня, – сказала Ирма.

Доев, Гройс поблагодарил за ужин и сказал, что хотел бы ей кое-что показать.

– Что именно? – во взгляде ее мелькнула настороженность.

– Кое-что с Чарли.

Ирма бросила на пса удивленный взгляд.

– Надеюсь, это не лишай, – дрогнувшим голосом сказала она.

– Что? – изумился Гройс.

– Если это лишай, я его усыплю!

Старик опешил. Какой лишай? Почему лишай? О чем она вообще говорит?

– То, что я собираюсь вам показать, не заразно, – сухо сказано он. – Вы это точно не подхватите.

Сарказм его стал ясен Ирме лишь позже.

Она вымыла посуду и вернулась. Гройс и Чарли уже сидели и ждали ее. Ей не понравилось, что пес глядел на старика и не улегся возле ее ног, по своему обыкновению, когда она заняла кресло.

– Ну что, давай покажем хозяйке, что ты умеешь, – ласково сказал Гройс.

И поднял руку.

Чарли так неожиданно подпрыгнул вверх, что Ирма ахнула. Старик начертил в воздухе круг – и пес повторил его движение, крутанувшись вокруг своей оси. Сел, лег, перевернулся на спину и радостно подрыгал в воздухе ногами. Снова сел. Подал лапу.

Свои молчаливые команды старик сопровождал быстрыми пощелкиваниями языка. Сходство с птицей стало неоспоримым.

Когда он заставил Чарли лечь и уткнуться мордой в лапы, словно печалась о своей судьбе, Ирма потеряла дар речи. Трюк этот был одним из самых несложных: Гройс сунул в лапы псу лакомство. Но Ирма этого не знала. Она ничего не понимала ни в собаках, ни в дрессировке. Ей показывали несложный набор команд, а Ирме показалось, что перед ней разворачивается цирковое представление.

Старик был очень доволен. «Чарли умница! – приговаривал он. – Чарли отличный пес!» И с улыбкой поглядывал на женщину – оценила она или нет.

Хорошо, что он сообразил, как можно ее порадовать. Ирма считает, что ей досталась тупая собака. Ей будет приятно убедиться, что это не так.

Сказать по правде, Чарли оказался существом не просто сообразительным – сообразительных собак в своей жизни Гройс встречал немало. Ему действительно нравилось учиться. И вот это уже было куда ценнее. Незаметно передавая Чарли лакомство за очередной трюк, Михаил Степанович едва удерживался, чтобы не расцеловать дворняжку. «Нет, вы посмотрите, посмотрите! Он же на зрителя работает! Он же все понимает! Он же на Ирму косится, чтобы понять, одобряют его или нет. Артистичный пес ей достался. Ай да красавчик!»

Пятиминутное выступление завершилось бурными аплодисментами

Гройса. Он сам не ожидал, что Чарли выступит так хорошо.

– Ну, что скажете?

Старик взглянул на Ирму и не поверил своим глазам.

Она поднялась из кресла – бледная, разгневанная.

– Какая же вы сволочь!

– Че-го? – изумился Гройс.

– Вам мало было вчерашнего? Унизить меня захотели, добить?

– Я не...

– Решили показать, что я ничтожество! Не способна добиться проку даже от обыкновенной дворняги!

– С чего вы...

– Я вас ненавижу! – она уже кричала. – Ненавижу! Вы все портите! Все, к чему прикасаетесь!

Гройс опешил настолько, что не находил возражений. О чем она говорит?

– Решили утереть мне нос? – кричала Ирма. – Я безмозглая, и собака у меня безмозглая. А вы умный, и собака у вас умная! Вы не смеете! Это моя, моя собака!

Она схватила Чарли и потащила к себе. Пес гавкнул от неожиданности, вывернулся и упал на пол.

– Он меня ненавидит! Это вы! Все вы! Что вы с ним сделали? Вы его заставили!

Не переставая кричать, Ирма волокла упирающегося растерянного пса прочь из комнаты. Другой человек давно взял бы его на руки, но Ирма никогда не поднимала Чарли – брезговала. Обхватив его за шею, она пыталась сдвинуть беднягу с места. Гройс уговаривал отпустить его, Ирма визжала, и одуревший от всей этой какофонии Чарли, когда его в очередной раз больно дернули за шерсть, взвился в воздух и в ужасе клацнул челюстями.

Ирма выпрямилась.

До смерти перепуганный пес забился под кресло.

Она поднесла палец к глазам и рассмотрела так, словно это была не принадлежащая ей часть тела. Там, где зубы собаки скользнули по руке, был содран лоскут кожи и текла кровь.

Все как с совой, подумала Ирма. Только сова кинулась сама. А Гройс испортил ей собаку. Заразил пса своей ненавистью. И вот результат: Чарли ее искусал. Ее ласковый добрый Чарли, который даже кошек не трогал.

– Пойдем, – сухо сказала она, внезапно успокоившись.

Пес скулил под креслом. Он не понимал, что происходит. Его так

хвалили, так любили...

– Пойдем! – тверже повторила Ирма.

– Слушайте, вы испугали собаку, – начал Гройс, – и честно говоря, я тоже не совсем понял, что произошло. Чем я вас обидел? Мы всего лишь хотели...

Ирма сдвинула кресло, прочно ухватила Чарли за ошейник и потащила за собой. Гройс болезненно скривился, увидев страх в его глазах.

– Ирма, давайте поговорим, – сделал он еще одну попытку. – Клянусь, мы друг друга не поняли!

Хлопнула дверь.

Его оставили одного.

Утро следующего дня

– Рассказывайте!

Она уселась напротив него с блокнотом. Аккуратно причесанная, подтянутая и свежая. Только губы не накрашены, вопреки обыкновению, но это ей даже шло.

Гройс наутро чувствовал себя разбитым. Накануне, после дикой сцены с псом, Ирма к нему больше не заходила. Он чувствовал вонь, исходящую от переполненного туалетного ведра, и хотел пить, но все его звонки в колокольчик привели лишь к тому, что у него самого зазвенело в ушах.

Когда он проснулся утром, ведро было чистым.

– Что рассказывать?

Он потер глаза. Хотелось есть, хотелось пить, хотелось помыться! И что, черт возьми, с собакой?

– Вашу историю.

– Что?

– Очередное мошенничество. Давайте, давайте! Чем раньше закончите, тем быстрее получите свой завтрак.

Гройс посмотрел на Ирму. Она не шутила.

– Где Чарли?

Она выразительно помахала блокнотом:

– Приступайте, Михаил Степанович.

– Где Чарли? – повторил старик.

– В кухне. Ест. Вы тоже получите кашу, когда мы с вами сделаем часть работы. Нам нужно нагнать вчерашнее.

– Покажите мне его!

– Нет. Забудьте.

– Почему?

– Это моя собака, а не ваша.

– Я не собирался становиться его владельцем. – Ему показалось, что он понял ход ее мыслей. – Вы думаете, я приучал его к себе? Вытеснял вас из его сердца? Господи, нет же! Если хотите, я покажу вам, как с ним заниматься, и вы сможете...

– Вы слишком много болтаете, Михаил Степанович, – оборвала его Ирма. – И все не по делу.

Она взяла с ним холодный отстраненный тон и глядела не на него, а чуть в сторону, как будто за его левым ухом было что-то интересное.

– Значит, меня назначили совратителем дворняг, – хрипло сказал Гройс.

– Я жду, – напомнила Ирма, игнорируя его замечание.

– И собаку ко мне больше не пустят.

Женщина пожала плечами.

– И вы решили побыть строгой нянюшкой. Сначала уроки, потом еда!

Старик растянул рот в ухмылке, от которой ее передернуло. Рука сама потянулась к пересохшим губам.

Ей постоянно хотелось их облизывать. Помада пропала, последняя, как назло, из всего запаса, а поселковая аптека оказалась закрыта. Ехать в город Ирма не могла: на единственном отрезке пути, вокруг которого не было объезда, вчера затеяли ремонт, и Яндекс предупреждал о восьмибалльных пробках. Утром она нашла столетнюю баночку вазелина и выскребла из нее остатки. Стало полегче, но ненадолго.

Нанести макияж она теперь тоже не могла. Обыкновенная помада сушит губы. Ирма всегда мазала их сначала гигиенической, а сверху уже красила обычной. Без ярких губ она ощущала свое лицо голым.

Все шло не так! Куда могла исчезнуть помада? Все время была в кармане, под рукой, чтобы Ирма в любую секунду могла смягчить сухую кожу. Сливочное масло ей не помогало, от оливкового только хуже. Нижняя губа уже покрылась чешуйками. Фу, мерзость!

– Верните собаку, – потребовал Гройс.

Ирма фыркнула.

– Заперли меня здесь, – начал он угрожающе тихим голосом. – Высасываете из меня мою биографию. Придумали себе какое-то оскорбление. Теперь отняли единственное тихое развлечение, доступное старику.

– Вон ваше тихое развлечение, – Ирма кивнула на принесенные ею утром два тома: «Мизери» Стивена Кинга и «Графа Монте-Кристо». Что бы

там ни болтал Гройс, у нее тоже имеется чувство юмора! Она и пошутить над ним может!

– Сами читайте Дюма! – отрезал старик. – Авось начнете лучше писать!

Высокомерная улыбка сползла с ее лица.

– Пса вы больше не увидите, – отрезала Ирма.

Гройс дернулся так, что резко звякнула цепочка. «Вот же сука!»

– Хотя бы дайте позавтракать!

– Когда отработаете свое!

– Ах так! – крикнул взбешенный Гройс. – Тогда... тогда...

– Что? Что тогда? Обмочите мне кровать? Будете плевать своим ядом? Давайте!

Она радостно засмеялась. Наконец-то! Наконец-то она полностью владеет ситуацией. Это ее дом, ее собака, ее жизнь, и она не позволит мерзкому старику все испортить.

Ирма ощутила себя валькирией, воительницей на защите родных земель. Она расправила плечи и выпятила подбородок.

Гройс молчал.

– Вот сразу и кончилась ваша изобретательность, – посочувствовала Ирма. – Ну? Что вы можете? Взгляните правде в глаза. Вы старый и немощный. А еще глупый. И очень злобный. Знаете, ведь я вас еще вчера боялась, Михаил Степанович. А сегодня все, кончилась ваша власть.

Это действительно смешно, подумал Гройс. Кто он? Старик на смятой кровати, прикованный к ее спинке. Небритый! – это почему-то было очень важно. А тетка, зарвавшаяся со своей игрой в начальницу тюрьмы, смотрит на него ясными глазами, круглыми, как у морской свинки, и на губах ее играет самодовольная улыбка.

Если бы не улыбка, возможно, Гройс и промолчал бы. Ему хватило бы здравого смысла. Нелепо спорить с человеком, у которого ключ от твоих наручников. Но какой-то мелкий бес толкал его под локоть и нашептывал, что именно потому, что он стар и немощен, как она выразилась, у него должно оставаться хоть что-то, что позволит ему не терять достоинства. Территория, на которой он сильнее ее.

– Я могу перестать есть, – сказал он.

Она поняла не сразу. А когда поняла, в глазах ее промелькнул испуг.

Теперь настал черед Гройса ухмыляться. О, моя дорогая! Тебе жизненно важно все контролировать. Поведение твоих читателей, равномерность покрытия губной помады, расположение листьев на фикусе. До этой секунды ты не сомневалась, что пленник тоже под твоим

контролем.

Ее мыслительный процесс представился ему в виде крыс, снующих в ее голове. Крысы были худые и стремительные, они молниеносно пробегали по лабиринту, над входом в который светилась надпись «СТАРАЯ СВОЛОЧЬ ЗАМОРИЛА СЕБЯ ГОЛОДОМ», а над выходом «И ЧЕМ ЖЕ НАМ ЭТО ГРОЗИТ?»

Она быстро соображала и к тому же была наделена воображением, так что ему не пришлось подсказывать ей. Вот Гройс умирает на ее постели. Вот она пытается избавиться от его высохшего тела... Но как? Закопать на участке? О, это отвратительно: труп старика в ее прекрасном саду. Гройс понимал, что она никогда не осквернит собственную территорию. Тащить его в лес? Она не настолько сильна, а он не настолько легкий, и, будем надеяться, не слишком усохнет даже после голодовки. И свидетели! Всегда существует риск наткнуться на мальчишек, решивших именно в этот вечер забраться в сад писательницы, или на парочку, укрывшуюся в лесу.

– Пресса будет в восторге, – сказал Гройс, стараясь ухмыляться не слишком широко. – «Детективщица убила соавтора»! Как вам заголовок? Достаточно броский?

Сначала она кричала на него. Затем пыталась уговаривать. Сунула кашу ему под нос. «Ваша мерзкая овсянка в обмен на пса», – предложил старик, и Ирма в ярости ушла. Она не собиралась уступать.

Но на этот раз Гройс тоже уперся насмерть.

– Люди старше семидесяти умирают от голодовки не за тридцать дней, а всего за неделю, – сказал он ей в следующий раз, когда она пришла требовать, чтобы он съел суп. – Представляете, семь дней – и вы освободитесь от меня!

– Ешьте!

– Я бы на вашем месте меня расчленил, – задумчиво сказал Гройс. – Вы умеете пользоваться электропилой? Если резать по суставам...

Хлопнула дверь. Старик расхохотался ей вслед.

Нет, умирать он не собирался. Правда, и плана на случай, если Ирма не пойдет на попятный, у него тоже не было.

«К черту план».

Четыре дня спустя

Гройс никогда не думал, что будет так сильно хотеть есть. К концу вторых суток обоняние его обострилось до такой степени, что он разобрал

слабый манящий запах кожи от домашних туфель Ирмы.

Чуть позже на подоконник скакнул кузнечик. Старик облизнулся. Кузнечик был крупный, упитанный.

Поющие за окном птицы вызывали у Гройса лишь гастрономические ассоциации. Он потушил бы соловьев в сметане, воробьев бы запек, нафаршировав рисом. Да что там птицы! – он жевал бы даже листья, если бы кто-нибудь выпустил его в сад.

Но Ирма, казалось, смирилась с его решением. Три раза в день она приносила поднос с едой и воду. Воду Гройс выпивал, к еде не прикасался.

Эти часы – когда поднос стоял рядом с его кроватью – были самыми тяжелыми. Уже к концу первого дня голодовки Гройс начал всерьез бояться, что накинется на кашу или суп, не в силах себя контролировать. Вся еда пахла. Немыслимо, преступно, волшебным пахла. Руку протяни – и рассыпчатая гречка, щедро сдобренная сливочным маслом, окажется у тебя во рту. Или борщ, источающий такой аромат, что в желудке начинали бить тамтамы. На второй день Ирма начала подкладывать на поднос зелень из своего сада. Гройс не предполагал, что можно с такой силой ненавидеть и обожать базилик. Казалось, его запах раздирает ему ноздри.

«Я не выдержу рядом со жратвой. Это лишь вопрос времени».

Когда Ирма в следующий раз поставила перед Гройсом еду и пошла к двери, за ее спиной послышался грохот.

Женщина изумленно обернулась. Старик отшвырнул поднос. Гречка рассыпалась по всему полу. Мясо в соусе лежало кучей возле фикуса.

Ирма стиснула зубы и все собрала. Старый урод в это время безмятежно тарачился в потолок.

Найдя решение, Гройс уже не отступал. Старик отбрасывал от себя еду. Ирма была уверена, что он делает это для того, чтобы ей напакостить. Истинные мотивы его поступка не приходили ей в голову. Сначала она перестала наливать ему суп, затем постепенно оставила одну овсянку на воде. Все равно после голодовки ему нельзя будет ни мясного, ни жирного. Порции постепенно уменьшались, пока не свелись к двум столовым ложкам.

Две ложки убрать нетрудно.

Гройс слабел так стремительно, словно был шариком, из которого выходил воздух.

Утром четвертого дня он впервые допустил, что умрет здесь. На этой кровати. В купленных ею носках. Довольно глупо было подышать из-за собаки, а впрочем, при чем здесь собака... Хотя нет, все-таки при чем.

Ирма приходила, ставила кашу и воду. Убирала выброшенную овсянку.

И все это с неумолимостью робота, с безжизненным замкнутым лицом, без единого слова. Однажды она оказалась недалеко от него, и обостренным чутьем он снова уловил знакомый тошнотворный запах.

Земляника.

Она все-таки купила новую помаду.

Эта вонь словно вышибла запертую дверцу в его голове, и на Гройса снизошло откровение. Он понял, кто такая Ирма. Это же смерть, его собственная смерть! Бесчувственная, неумолимая, отбирающая у него одну радость за другой. Обрекая его сначала на неподвижность, затем на одиночество, на тоску. Все это время он сопротивлялся не бабе, в своих книжных лабиринтах утратившей связь с реальностью, а стоящей за ней громадной темной силе, вырывающей из него куски его истории, его жизни, а под конец приготовившейся сожрать и его самого.

И как же он собирается победить ее? Умерев!

Сообразив это, старик засмеялся. Смертию смерть поправ, значит! Ха-ха-ха!

– Ты жарь, а рыба будет, – пробормотал он. Большая рыба. Толстая рыба. Он пожарит ее с луком, прямо в чешуе, на самой огромной сковороде, которая найдется, и станет плясать вокруг, пока она масляно сияет ярче солнца, а потом съест ее плоть, и шкуру, и кости, и нырнет в теплую синюю воду, огромную синюю воду, которая примет его легкое отощавшее тело и понесет в океан...

Когда Ирма заглянула в комнату, Гройс спал.

Она завела машину и выехала из поселка. На три у нее была назначена консультация с врачом. Легенду Ирма придумала без труда: бабушка ее подруги впала в маразм и отказывается принимать пищу. Подруга не хочет класть старуху в больницу и готова оказать ей дома любую помощь. Ведь можно же накормить человека против его воли! Вопрос лишь в том, как это сделать.

«Связать, – прикидывала Ирма. – В вену ввести глюкозу, кормить через зонд. Но где его взять? И как поставить?»

Она почти забыла о том, что собиралась записывать истории за Гройсом. Между ними давно шла война. На одной стороне был ублюдок, решивший, что может заставить ее плясать под свою дудку; на другой – чистая женщина, умная, выносливая и терпеливая. Он хочет жертв? Хочет, чтобы ему отдали бедного пса? Чтобы и тот вышел из этого горнила не закаленным, а искалеченным? Никогда! Она этого не допустит.

В мыслях Ирма сражалась за святую душу Чарли с самим дьяволом. У дьявола был изогнутый острый клюв под умными глазами.

Гройс пришел в себя, когда за окном начало смеркаться. Глотнул воды, хотел помочиться, но сил не хватило даже на то, чтобы стащить штаны. В голове что-то звенело. Собственная рука, когда он поднес ее к лицу, показалась ему похожей на скрюченную птичью лапу.

Где-то там за дверью скулил бедный Чарли.

Подумав о собаке, Гройс вдруг вспомнил, как делал запасы лакомства из хлеба с сахаром. Часть он скормил псу, а часть припрятал. Кровать была панцирная, древняя – должно быть, стояла здесь последние лет двадцать, и он проковырял в матрасе дырочку, в которую и сложил маленькие хлебные шарики. Ирма, меняя простыню, ее не заметила.

При мысли о черством хлебе у Гройса во рту открыли кран, и из него полилась слюна. Он сглотнул и полез в свой тайник.

От хлеба остались одни крошки. Он укололся обо что-то, пока вытаскивал их, а потом слизывал с трясущейся ладони. Весь перепачкался в собственной слюне и хлебе. Но впервые за четверо суток у него во рту была еда. Еда!

Гройс выскреб всю свою заначку. Спасибо тебе, Чарли, спасибо!

Убедившись, что больше ничего не осталось, он машинально поднес к губам уколотый палец. И замер.

Минуточку...

Рука его нырнула под себя и нащупала то, обо что он укололся. Одна из пружин кровати лопнула и торчала вверх, продрвав матрас, точно корень землю. Пружины были тонкие, ржавые. Не отдавая себе отчета в том, что он делает, Гройс уцепился за этот металлический корешок, покрутил его – и тот остался у него в ладони.

Старик вытащил руку. Не веря своим глазам, он смотрел на маленький железный крючок с его мизинец длиной, загнутый на одном конце.

Перед ним была отмычка.

При мысли о том, что все это время он лежал на ключе от своих наручников, Гройс засмеялся. Его бросило в пот, следом окатило ледяной слабостью. Но он все равно продолжал улыбаться. Ты жарь, а рыба будет. Никогда не знаешь, в какой луже она подвернется.

Согнув кончик крючка зубами, он вставил его в отверстие наручников. Руки тряслись. Ему пришлось закрыть глаза, перевести дыхание и вспомнить что-нибудь очень хорошее и вдохновляющее – например бифштекс, или соседку, выходившую по утрам выкинуть мусор в таком халатике, что на ее прелести сбегались посмотреть даже крысы, или коньяк, который нальет ему старый друг Моня Верман, когда все это

закончится и они вместе посмеются над нелепой историей.

Ирма хотела, чтобы он рассказывал ей байки? Она станет героиней лучшей из них!

Он повернул свой импровизированный ключик в скважине и услышал щелчок замка.

– «Дербент», – пробормотал Гройс, высвобождая запястье, – настоящий. Дагестанский.

Покачиваясь и цепляясь за мебель, он доковылял до двери. В середине пути ему пришлось сесть на пол и ползти, потому что его ноги, оказывается, разучились ходить. Самое обидное заключалось в том, что добравшись в итоге до двери и подергав ручку, Гройс убедился, что его заперли.

Этим путем не выбраться.

Он вернулся к постели, едва удержавшись, чтобы не пнуть напоследок ведро. Представил лицо Ирмы, входящей в комнату, где разлита его моча, и вновь засмеялся. «Господи, много ли надо мне, старому человеку, чтобы порадоваться!»

Но времени не было. Он забрался на кровать, подергал шпингалеты и распахнул окно.

На него дохнуло таким жирным, тяжелым запахом земли и травы, что Гройса едва не снесло обратно в комнату. Его как будто огрели лопатой. Звон в ушах набрал силу. Старик выждал несколько секунд, пока он стихнет, а затем перевалился через подоконник, неуклюже опустил ноги и мешком рухнул вниз.

Вокруг постепенно сгущались сумерки. Он поднялся и стоял в одних носках на траве, в которой желтели одуванчики, и не мог поверить, что наконец свободен. Осталось только найти кого-нибудь живого в этом сонном царстве.

Гройс сделал шаг, другой. Надо обойти дом и постучаться к соседям. Местечко, очевидно, довольно заброшенное, но не может быть, чтобы Ирма жила тут одна.

В этот момент случилось два события. Из соседнего дома вышел сорокалетний Замир Джунайдов, а с другой стороны в поселок въехала Ирма, вернувшаяся от врача.

Замир был человеком робким. Он привык жить в окружении большой семьи и слышать по утрам не птичье пение, а крики детей и ругань женщин. Огромный пустой дом, вокруг которого шумел лес, угнетал его. И когда Замир увидел в соседнем саду фигуру в белых одеждах, идущую, пошатываясь, ему навстречу, он вскрикнул и схватился за лопату.

Ирма едва не задавила по дороге чью-то кошку, метнувшуюся перед ее машиной. Долю секунды ею владело сильное искушение вдавить педаль газа, чтобы тупая тварь гарантированно не успела удрать. Из-за таких вот безмозглых животных гибнут люди на дорогах, она не раз слышала об этом. Сама она никогда не стала бы дергать руль. Но ведь не все так здраво мыслят, как она.

Кошка, вызвавшая ее ярость, была только поводом. Настоящая причина заключалась в разговоре с врачом. Тот оказался слишком дотошным. И, кажется, не поверил ее истории про бабушку подруги, хотя что могло быть правдоподобнее. Нет, сказал он, не существует способов насильственного кормления в домашних условиях. Вы должны поместить эту женщину в больницу. Почему она не ест? Чем она болеет? Вы захватили назначения других врачей? И почему на консультацию не пришла сама подруга? Что за глухой телефон?

Ирма извивалась ужом. В конце концов скомкала разговор и торопливо ушла, спиной чувствуя недоверчивый взгляд врача. Сволочь какая! Лишь бы сунуть нос не в свое дело.

Врач напугал ее, заставил чувствовать себя неловко, и Ирма злилась на него. Однако настоящую ярость вызывал в ней Гройс. Как только Ирма осознала, что не способна силой заставить старика делать то, что она хочет, с ней случилось нечто вроде озарения.

Он с самого начала знал, чем все закончится! Он хотел, чтобы она унижалась перед ним. Умоляла его. Это его способ изнасиловать ее, сломать, надругаться над ее душой.

Физически он давно ни на что не способен, к тому же, хвала ее предусмотрительности, она посадила его на цепь. Но его злобный извращенный мозг все равно придумал, как осквернить ее. И что же, она не способна этому противостоять? Он так и будет глумиться над ней, старый дьявол? Ни за что! Она привяжет его к кровати, вставит в его горло трубку и будет лить в нее кашу до тех пор, пока та не заполнит его до краев. Вот что она сделает. Это будет справедливо!

Стиснув зубы, Ирма гнала машину к дому.

– Помогите! – сказал человек.

Это был старик, а вовсе не призрак. Теперь Замир видел, что ему приходится цепляться за деревья, чтобы передвигаться. Должно быть, дедушка соседки. Странно, что раньше его не было видно, но может быть, он болен и редко выходит. Совсем худой, щеки запали, щетина торчит

клоками... И в одних носках!

Гройс шел навстречу маленькому худому таджику, заросшему бородой. Тот смотрел на него глазами перепуганной лани. Это было смешно, но он слишком устал, чтобы смеяться. И еще ужасно хотел есть!

– Эй, парень! Помоги-ка мне!

Тот стоял, недоуменно мигая – то ли не понимал, то ли не хотел понимать.

Границей между участками с этой стороны служил не забор, а длинный ряд аккуратно подстриженных кустов барбариса. Доплеться до них, Гройс повалился животом на кусты и попытался перебраться на другую сторону. Он барахтался, как рыба, брошенная на жаровню. Обрубки веток впивались ему в живот.

– Да помоги же! – рывкнул он на сублильного бородача, торчавшего истуканом в стороне.

Замир спохватился и бросился к нему. Старый человек! Надо помочь.

– Эта сука меня держала взаперти, – бормотал Гройс. – У тебя машина на ходу? Отвези меня, я заплачу. И телефон возьми с собой. Позвоним с дороги. Главное, на еду сейчас не накинута. Не сглупить.

Из всего этого бормотания Замир уловил только, что ему обещают денег. Он сомневался, что больной старик в пижаме сможет заплатить. Надо отвести его к себе, решил Замир, напоить горячим чаем. Потом придет соседка, решит вознаградить его за то, что он приютил ее дедушку. Старичок-то не в себе, сразу видно. Если кто и заплатит, так это она. Богатая женщина, на хорошей машине ездит.

Ирма влетела в комнату Гройса и остолбенела. Пленника не было. Покачивалась распахнутая створка окна, и с улицы сильно и нежно пахло цветами.

Она подбежала к подоконнику и увидела, как проклятый старик перелезает через изгородь, а ему помогает соседский сторож. Чурка паршивая! Ирма взвыла и кинулась в сарай.

Гройс уже почти перебрался. Таджик обхватил его двумя руками и тащил на себя. Ветки царапали кожу, и Гройс ощущал себя как хорошо отбитое мясо, которое нанизывают на множество маленьких вертелов. Мясо... Когда он придет в себя, съест двадцать вертелов шашлыка, жареного на углях!

Ирму старик заметил, когда она уже была слишком близко, и все, что он успел, – это поразиться тому, какой у нее большой рот. Большой, ярко-

розовый, разинутый в безмолвном вопле.

Она занесла лопату и опустила ее, всего один раз. Не издав ни звука, таджик покачнулся и рухнул лицом вниз, в кусты.

Могучая рука ухватила Гройса за шкуру и стащила с изгороди. Он не мог бы сопротивляться, даже если бы захотел: ярость придала ей сил. Казалось, она способна без труда зашвырнуть его отсюда в распахнутое окно дома.

– Куда это ты собрался? – прошипела Ирма, не выпуская его. – Без ужина!

Старик не отвечал. Она проследила за его взглядом, отбросила лопату и толкнула ногой упавшего Замира.

– Вставай!

Таджик не двинулся с места. Вечерний ветер шевелил волосы на его голове.

– Вставай, кому сказала!

– Дура ты, дура, – прохрипел Гройс, болтавшийся в ее руке как кукла. – Он же мертвый. Ты его прикончила.

Глава 7

Понедельник, 13 июня

Мастерская Семы Дворкина находилась при магазине, причем не в отдельной комнате, а прямо в торговом зале, за стеклянной перегородкой. Конечно, здесь Дворкин обычно лишь заканчивал изделие. Работа ювелира грязна и неприглядна. Шлифуешь – летит пыль, полируешь – летит пыль. К тому же хороший ювелир имеет больше инструментов, чем любой строитель. Тигели, горелки, вальцы, ригели, керны, давчики, боры, штихели, наковальни, не говоря уже о вытяжке... Для всего этого у Дворкина было отведено место в квартире – собственно, вся его квартира представляла собой мастерскую. Но Верман настаивал на том, что людей привлекает образ трудящегося над украшением мастера, и для Дворкина выделили в «Афродите» небольшой угол.

Идея оказалась хорошей. Сема напевал себе под нос, погруженный в работу, а покупатели с любопытством поглядывали на носатого ювелира, склонившегося с лупой над верстаком.

Верман завидовал такой способности отключаться от внешнего мира. Сам он иногда уставал от людей настолько, что ощущал чужие взгляды как терку, снимающую с него слой за слоем. Это было верным признаком, что он заболевает.

Но сегодняшней день был прекрасен. Две посетительницы, покупавшие у Вермана золотые цепочки, косились на уголок Дворкина, и наконец одна спросила:

– Что, мастер не работает сегодня?

Стеклянные перегородки были задернуты зелеными шторами.

– Работает. – Верман таинственно подмигнул. – Просто это исключительный заказ. Моему коллеге требуется полная сосредоточенность!

Женщины понимающе закивали.

Чушь, конечно. Дворкин во время работы проваливался в иное измерение, из которого вернуть его могло разве что землетрясение. Но ни одна живая душа не должна была видеть, что в его руках.

Дворкин заканчивал диадему Турне.

Верман весь извелся. Динара пообещала, что приедет к часу, стрелка подползала к половине двенадцатого, а Сема закрылся в своей каморке с

самого утра и с тех пор не выходил. Изредка из его логова доносились глухие восклицания, и каждый раз Верман вздрагивал и начинал бегать вокруг, воображая страшные картины, но не решаясь потревожить друга.

На стуле у входа скучал охранник. Под витринами были расположены тревожные кнопки, однако временами в магазин заглядывали хулиганящие подростки, а однажды явилась большая пьяная женщина с требованием осыпать ее бриллиантами, и, увидев Дворкина, выразила желание забрать «милого еврейчика» с собой. Если бы не охранник, Верман лишился бы своего ювелира. С тех пор он больше не ворчал, что им приходится платить дармоеду.

Охранник, бывший военный, поглядывал на Вермана сочувственно. Он не понимал, что происходит, и не считал нужным понимать. За эту черту характера Моня его очень уважал. Верман был невысокого мнения о человечестве. Большинство людей любопытны настолько, что заслышав стрельбу и крики «убивают», бегут не для того, чтобы спасти несчастных, а чтобы поглядеть, как это происходит. Охранник Валера, услышав он выстрелы, флегматично сказал бы «Не повезло кому-то» и пошел бы своей дорогой.

Это качество, по словам Вермана, делало его уникальным сотрудником.

– Скоро он там? – бормотал Моня. – Сколько можно!

И с тоской глядел на стрелки часов, невозмутимо откусывавшие от его дорогого времени секунду за секундой.

Внезапно дверь каморки распахнулась, и в зал шагнул Дворкин. Лицо его светилось благородством жулика, хорошо сделавшего свою работу.

– Табличка.

Охранник повернул табличку стороной «Закрывается», и Верман, вопреки своему обыкновению, не сказал ни слова против. Он молча ждал.

Дворкин вернулся в мастерскую и вышел оттуда с двумя диадемами, сверкающими на черной бархатной подложке.

Верман жадно склонился над ними.

С минуту он не отрываясь рассматривал украшения. Наконец выпрямился и лицо его осветила победительная улыбка. Верман поднял указательный палец вверх.

– За все время моей трудовой карьеры у меня было одно поистине бесценное приобретение. Это вы, Дворкин. Я, конечно, пожалею об этих словах, когда вы начнете пилить меня и требовать повышения зарплаты...

– Вы только еще пожалеете, – перебил его Сема, – а я уже пожалел. Если вы кого-нибудь хвалите, Верман, проще повеситься!

Очень довольный, Моня махнул на него рукой, осторожно взял украшения и отнес их в свой кабинет. «Тридцать миллионов, – бормотал он, – тридцать миллионов».

– Дворкин! – окликнул он, вернувшись. – А что, если бы мы оставили обе диадемы себе, а барышне сообщили бы, что впервые ее видим...

Сема недоверчиво покачал головой.

– Верман, вы уникальный человек. Вас держат на крючке, а вы прикидываете, как бы заглотить поплавок.

Моня вздохнул и спрятал диадемы в сейф.

В двенадцать снаружи послышался шум. Верман стоял за прилавком, перекладывая сапфировые кольца, и поднял голову лишь тогда, когда пронзительно засигналили автомобили.

– Что там, авария?

Дворкин, сунув руки в карманы, стоял возле окна.

– Свадьба.

– «Свадьба делает мужчину счастливым лишь в одном случае, – процитировал Моня, – если это свадьба его дочери».

– Любите вы все опошлить, Верман...

К кафе на противоположной стороне улицы подъехала машина, пышно украшенная лентами. Даже номера были затянуты нежно-голубыми атласными полосками, и Дворкин задумался, сколько раз счастливую пару по дороге останавливали гаишники. Окна кафе были пыльными, а дверь давно не открывали: оно не работало с год, а то и больше. Но Дворкин подумал – фотографироваться хотят, и угадал: дверца распахнулась, вылез парень с камерой и стал снимать машину и окрестности.

Место и в самом деле было живописное, отдаленно напоминавшее уголок старой Праги. Дворкин любил Москву в том числе за то, что таких уголков – внезапных крохотных лоскутков других пространств и иных времен – в ней было много. Кто умел смотреть, тот видел. «Молодцы ребята, – одобрительно подумал он. – Славное место выбрали».

С пассажирского сиденья выбралась невеста. Лица не разглядеть за плотной фатой. За ней двое парней несли коробку, а третий путался под ногами и фотографировал.

Коробку установили на верхней ступеньке. Из машины все прибывало и прибывало народу, словно это был портал в другое измерение. Взорвались хлопушки, асфальт вспыхнул крапинками конфетти. Возле машины открывали шампанское, невеста позировала, облокотившись на бампер. Но взгляд Семы был прикован к коробке. Ее наконец открыли. Двое парней склонились над ней, а когда выпрямились, в их руках были...

– Это что, зеленые голуби? – недоверчиво спросил Дворкин.

Его фраза предопределила все, что случилось затем. Потому что услышав про зеленых голубей, Верман изумленно вскинул брови и вышел из-за прилавка, а сидевший на стуле у входа охранник покинул свой пост и приник носом к стеклу.

Вскинулись руки, и зеленые голуби, хлопая крыльями, взлетели в небо.

В следующую секунду дверь распахнулась, и три человека в черных масках ворвались внутрь.

– Лежать! – страшно заорал один. Автомат в его руке казался игрушечным.

Охранника ударили по затылку, и он растянулся на полу. Дворкин непонимающе смотрел на вошедших. Верман, сообразивший, что происходит, гораздо быстрее, метнулся к витрине, но его опередили.

– Куда?!

– Держи его!

Один подсек ювелира под колени. Второй быстро пробежал вдоль окон, дергая за шнуры жалюзи. Теперь снаружи невозможно было увидеть, что происходит в салоне.

– Дверь закройте! А ты иди сюда!

«Автоматы какие-то странные, – мелькнуло у Дворкина, нелепо лежавшего на боку. – Укороченные».

– Не смотреть!

Сема зажмурился. Ему было не страшно, но он совершенно не успевал за происходящим. Его реакция отставала примерно на полминуты, и к тому времени, когда Моню, пихая и подталкивая, повели в кабинет, он только еще осмыслил, что их грабят.

Дворкин осторожно приоткрыл один глаз. Охранник послушно лежал лицом вниз и не шевелился. Ближайшая тревожная кнопка была всего в полуметре от него, но ожидать, что Валерий рискнет жизнью ради сохранения чужого имущества, мог бы только очень идеалистичный человек.

– Чего пыришься?!

От крика Сема вздрогнул и втянул голову в плечи. На полу дуло. К тому же он лежал крайне неудобно, на левой руке, которая последнее время побаливала в локте.

«Встану с бурситом, – подумал Дворкин. – Если вообще встану».

– Открывай!

Моня замер перед сейфом.

– Открывай.... кому сказали! – голос грабителя сорвался на визг.

Верман читал про техасских коз, которые от испуга падают в обморок. Ему врезалось в память, что даже при параличе всех мышц коза не испытывает болевых ощущений, и минут через пятнадцать, придя в себя, полностью готова вернуться к обычной жизни.

Упасть бы сейчас, как та коза. Что они будут с ним делать? Пристрелят?

Верман попытался закатить глаза и слегка обмяк. В шею сзади уперлось теплое дуло автомата:

– Или открываешь, или через три секунды мозги будут на той стене.

Дрожащими руками Верман набрал код. Дверца сейфа распахнулась с беззвучной готовностью.

– Забирай! – скомандовал грабитель.

Второй парень в маске, сделанной из обычной черной шапки с прорезями для глаз, выдернул из хранилища коробку.

– Проверь!

Моня не видел, как за его спиной двое обменялись утвердительными кивками.

– Руки!

Его схватили за локти сзади, скрутили запястья проволокой и заставили опуститься на живот. Сверху поставили стул.

– Не дергайся.

На голову натянули какой-то мешок. В носу засвербило от пыли, и некоторое время Верман не слышал ничего, кроме собственного чихания.

Когда он, наконец, успокоился, вокруг было тихо.

– Эй! – жалобно позвал Верман, елозя по полу.

Никто не отозвался.

– Эй! Сема! Валера!

Суча ногами и извиваясь, Моня наконец сбросил позорный стул. Он чувствовал себя жуком, тем самым, который упал и не может встать. Брюхо мешало перевернуться, жилет жал в подмышках, Верман потел и едва не плакал от беспомощности и унижения. Но вдруг натяжение в запястьях ослабло, и он почувствовал, как проволока съезжает вниз, к ладоням. Моня крикнул и из последних сил дернул руки в стороны.

Когда Сема Дворкин с охранником вбежали в кабинет, Верман сидел на полу и растирал кисти.

– Живой! – выдохнул Сема.

– «Хава нагила» танцевать рано, – сказал Моня.

Он глубоко вдохнул, уцепился за край стола и поднялся, наконец, на ноги. Его пошатывало. С гневом отпихнув от себя проволоку, которой его скрутили, Верман подошел к Семе и, взяв его за плечи, внимательно рассмотрел лицо, словно ища следы побоев. Охранник звонил в полицию.

– Сколько их было?

– Трое. Или пятеро.

– Что взяли?

Верман выразительно кивнул на пустой сейф. Дворкин крикнул.

– Это она, – глухо сказал Моня. – Эта дрянь использовала нас втемную.

– Но зачем?

– Боже мой, Дворкин, все очевидно! Теперь она продаст обе диадемы как настоящие. Я говорил вам, я сразу знал, что она нас кинет! Слава богу, что мы остались живы! Но какая мерзавка... какая мерзавка!

Сема опустил на стул. Он только теперь в полной мере осознал все, что с ними случилось. Над ухом охранник размеренно диктовал в телефон улицу и номер дома, и был так поразительно спокоен, что миролюбивый Дворкин охотно всадил бы ему иглу в пятку, лишь бы увидеть более эмоциональную реакцию. В конце концов, они только что лежали рядышком лицом в пол.

В коридоре послышался легкий перестук каблуков.

– Эй, есть кто-нибудь? Где вы все? Господин Верман, господин Дворкин!

Перед глазами остолбеневших ювелиров появилась Динара Курчатова – спокойная, собранная и деловитая. При виде троих мужчин лицо ее изменилось. Она посмотрела на Моню, нервно растраившего запястья, на побледневшего Сему, на охранника, продолжавшего бубнить в трубку, и наконец взгляд ее остановился на выпотрошенном сейфе.

– Что здесь произошло? – спросила она с нарастающей тревогой. – Где моя диадема?

Из полиции Дворкин и Верман вернулись только к пяти часам – уставшие, постаревшие и как будто припорошенные канцелярской пылью. Вся жизнерадостность Вермана осыпалась, как блески со старой новогодней игрушки.

Увидев двух сыщиков, дожидавшихся перед входом в «Афродиту», Моня ускорил шаг.

– Слава богу! Почему так долго?

Внутри он обессиленно свалился на диван и потребовал у Дворкина,

чтобы тот заварил ему чай.

– Верман, вас уже ограбили сегодня, – кротно сказал Сема.

– И что же?

– Не добавляйте неприятностей к вашей грустной жизни. Если желаете, чтобы я трудился вашей секретаршей, удвойте мне жалованье.

Вопреки обыкновению, Верман не стал задираться. Молча проковылял на кухню и загремел там посудой.

– Сема, расскажите, что произошло, – попросил Макар. – По телефону вы как-то очень кратко...

– Нас ограбили, Макар.

Дворкин спокойно и внятно изложил, что случилось утром. Илюшин молча побарабанил пальцами по столу, словно раздумывая, стоит ли браться за дело. Сергей удивленно посмотрел на него. Не их профиль, не их компетенция...

– Полиция всех найдет, – сказал он. – Мы-то чем можем помочь? Это их работа.

– Полиция никого не найдет. – Моня прошаркал по комнате и поставил на стол чайник с отколотым носиком. – Или вы думаете, я попросил занести в протокол, что в сейфе лежала диадема Турне вместе с неотличимой от нее копией? Мы с Дворкиным дураки, но не настолько.

– Говорите за себя, – попросил Сема. – Я дурак. Исключительный дурак, если согласился участвовать в этой затее и не отговорил вас.

– У нее Гройс, – напомнил Макар. – Что вы могли поделать...

Верман преобразился. Он стукнул чашкой по столу и оглушительно рявкнул:

– Нет у этой стервы никакого Гройса! Нет и не было!

– Как не было? – в один голос спросили Илюшин и Сергей.

А вот так, сказал Дворкин.

Все рассказанное Динарой о слежке за стариком было чистой правдой. Она заподозрила его, узнала, с кем он встречается, и убедилась, что Гройс мошенник. Однако дальше этого дело не пошло. Купленный ею небольшой бриллиант стоил своих денег, а что до обманутых женщин, их судьба была Динаре безразлична.

Она быстро забыла бы этот небольшой эпизод.

Но к ней пришел Илюшин.

Из его расспросов умница Динара и сама бы сделала верный вывод, но Макар подтвердил ее подозрения: мошенник исчез. Что случилось с Гройсом, она догадаться не могла, но ее практичный изворотливый ум предложил, как можно обернуть ситуацию в свою пользу.

Допустим, старикашка помер, рассуждала Динара. Пал жертвой мстительных клиентов или тихо скончался в парке и был увезен как неопознанный труп. Пока его не отыщут, у нее есть несколько дней: белое пятно неизвестности, которое она разрисует своими красками. Конечно, высок риск, что на второй день старика отыщут или он сам явится к своим друзьям, но отчего бы не попробовать.

– Она притворилась, и ей повезло, – сказал Дворкин. – Девочка виртуозно блефовала. Надо отдать ей должное.

– Надо дать ей оплеух! – прошипел разъяренный Верман. – Из-за нее мы потеряли... три, нет, четыре дня!

– Притворилась? – повторил ошарашенный Бабкин. – То есть как... Все это была игра?

– ...в которой нас сделали как детей, – подтвердил Верман. – Очень наглая девка.

– Узнав о том, что диадемы пропали, она поняла, что нет смысла больше лгать. – Дворкин аккуратно отпил горячий чай. – И созналась насчет Гройса. Верман ее чуть не убил.

– Верман ее почти убил, – поправил Моня. – Это вы с вашим прекраснодушием помешали мне совершить справедливый суд.

Дворкин молча стал пить чай. Четыре дня бездействия могли стоять жизни их другу, и он вполне понимал ярость Вермана: возможно, именно по вине Динары Гройс уже погиб. Но она была ему по душе, эта маленькая бесстыжая дрянь, не питавшая никакого уважения к их горю. Верман взялся ее стыдить, и Курчатова изумленно взглянула на него своими широко расставленными глазами. Что ей за дело до Гройса и их беды? Она не притворялась, не пыталась проявлять хотя бы видимость сочувствия. И в этой варварской искренности была Дворкину понятна и даже, увы, симпатична. Девочка-воин. В других обстоятельствах и в иное время стала бы вождем племени, сильным, злым и беспринципным. Как блестяще она использовала в своих интересах их бедственное положение!

Верман обещал придушить, разорвать мелкую стерву. Он фонтанировал угрозами. Сема знал, его друг из тех людей, что любую боль переплавляют в негодование, потому что оно упрощает и облегчает переживание. Моня беспокоился за Гройса и корил себя, что поверил обманщице. Дворкин терпел его бурление сколько мог, но к третьему часу устал.

– Послушайте, Верман, – сказал он. – Если вы дадите себе труд задуматься, то поймете, что эта девочка одной породы с Мишей. Он и сам мог бы выкинуть подобный фокус.

Моня, конечно, закричал, что сравнение кощунственно. Но приутих.

– ...Резюмирую, – сказал Макар. – Мы по-прежнему понятия не имеем, где Михаил Степанович, и еще у вас украли диадемы. М-да. В начале расследования наши позиции были прочнее.

– Ну отчего же, – протянул Дворкин. – И тогда у нас не было диадемы – и сейчас нету.

– Это два разных «нету»! – взвизгнул Моня. – Меня, Вермана, уважаемого человека, уложили на пол, словно какую-то... половую тряпку!

– Я, между прочим, лежал в соседней комнате и дышал пылью. Хотя у меня с детства бронхиальная астма.

– Вот и пейте тогда свой чай, он лечебный!

Дворкин послушно отхлебнул из чашки.

– Хорошо, – сказал Илюшин. – Что вы хотите от нас?

– Чтобы вы нашли диадему.

– Диадемы!

– Да. Обе. Чтобы вы вернули их.

Сергей хотел возразить, но Дворкин взвешенно и неторопливо объяснил.

У полиции нет всей информации, необходимой для расследования, и получить ее им неоткуда, если ювелиры и Курчатова будут молчать. Диадема Турне – ключевое в данном деле, потому что грабители шли точно за ней.

– Сначала мы думали, что все устроила девка, – сказал Верман.

– Вы думали, – поправил Сема.

– Я думал, – согласился Моня. – Дворкин со мной спорил и был прав. Она пострадала больше нас, потому что мы всего лишь два ювелира, полежавшие десять минут мордой в пыли. Ее дела обстоят намного хуже. Через пять дней у ее свекрови юбилей. Почтенная женщина придет в банк за своей диадемой. Она желает надеть ее на семейное торжество и заставить любимых родственников плакать от зависти. Я ее понимаю. Мы все ненавидим любимых родственников, дай им бог здоровья. Вот она придет в банк, счастливая, в расцвете своих восьмидесяти пяти лет. И что она обнаружит в ячейке?

Верман артистично согнул пальцы и сложил из них фигу.

– Заподозрят в первую очередь Динару, – вступил Сема. – Как вы думаете, Сергей, можно доказать, что именно она была в банке в день кражи?

– Если она оставила отпечатки пальцев на коробке. Или если у них очень хорошие камеры наблюдения. В общем-то, девушка в очень уязвимом

положении, вы правы.

– И она это понимает, – кивнул Моня. – Поэтому оплачивает вашу работу.

– Что?

– Она первая заинтересована найти грабителей. Справедливо, чтобы ее желание удовлетворялось за ее счет.

– Ваше задание, Макар, расширилось, – тихо сказал Дворкин. – Вы найдете нам диадемы. Отыщете Гройса. Пусть Динара Курчатова сыпет деньгами из кармана своего мужа. Пусть платит и за Мишу тоже, это справедливо.

Отпечатки пальцев сняла приехавшая по вызову полиция, и Бабкину пришлось идти по чужим следам. Он скрупулезно обработал все поверхности, а затем спросил насчет камер.

– Неработающие, – ответил Сема. – Это имитация, обманка. Некоторые утверждали, – он покосился на Вермана, – что нет нужды вести постоянную запись.

– Некоторые до сих пор настаивают, что толку от этих камер не было бы! – отозвался Моня. – Ублюдки закрыли морды!

Сергей разочарованно щелкнул языком.

– Был бы толк. Одежда, какие-то приметы, рост, телосложение... Вы хоть запомнили, сколько их было?

– Трое, – неуверенно сказал Дворкин.

– Пятеро, – опроверг Верман.

Позвали охранника, но Валера радостно сообщил, что ничего не помнит, кроме того, что его больно ударили. Верман сузил глаза и, кажется, засомневался, что нелюбопытный охранник – действительно такое ценное приобретение, как ему казалось.

– Знаете выражение – «Врет как очевидец»? – Сергей нашел ручку шнура от жалюзи и обрабатывал ее порошком. – Вот зачем нужны камеры. Вы не нарочно вводите меня в заблуждение. Вы просто не помните, как все было.

Верман насупился и принялся дотошно описывать каждую минуту ограбления.

– ...теплый? – перебил его Бабкин, когда ювелир дошел до угрозы пристрелить его. – Теплый автомат?

Моня озадаченно посмотрел на него.

– Должен быть холодный, – сказал Сергей. – Это же металл.

– Долго лежал в машине на сиденье, где его грело солнце? –

предположил Дворкин.

– Или из него уже стреляли незадолго до того, как ворвались к вам.

– Тогда бы мы об этом узнали... Кто-нибудь заявил бы в полицию...

Бабкин молча покивал с рассеянным видом. Однако думал, кажется, о своем. На крыльце «Афродиты» ему попала рассыпанная гречневая крупа. Кто-то из покупателей заходил в магазин с порванным пакетом? Гречку рассыпали грабители? Ерунда какая.

Вернулся Илюшин, обходивший дворы. На улице, как он и предполагал, в обзор камер не попадал ни сектор, где проходила свадьба, ни крыльцо «Афродиты». Макар не сомневался, что просмотрев записи с камер на ближайших перекрестках, полиция обнаружит свадебную машину. «Это, наверное, единственный способ их отследить, не считая самих диadem, когда они всплывут на рынке. Но неприметная черная машина с закрытыми номерами... Взяли, поди, в прокате, и на следующий день прогонят через автомойку с химчисткой салона – и вернут. Ни отпечатков, ни биологического материала...»

В ближайших дворах нашлись свидетели, видевшие свадьбу. Они подтвердили, что парни выпустили зеленых голубей (это был единственный пункт, не вызывавший ни у кого разногласий), а затем с неожиданной быстротой расселись по машинам и умчались.

– А голуби? – спросил Макар.

Оказалось, что о голубях никто наверняка сказать не может. Одни заверяли, что птицы сделали круг над кварталом и вернулись в ящик. Другие настаивали, что едва они улетели, как вся свадьба снялась с места. Не было единодушия даже в оценке их числа. Старушка, возле окна разговаривавшая по телефону, утверждала, что видела всего пару. Мальчишка, возвращавшийся из магазина с кефиром для похмельного отца, поклялся, что не меньше восьми. «Стая! – восхищенно твердил он. – Целая зеленая стая!»

Но сфотографировать удивительных птиц никто, конечно, не успел.

«Закон подлости в действии. У всех телефоны с камерами, любое событие попадает на ютуб быстрее, чем успевает закончиться. Но стоит случиться преступлению, как наступает удивительная информационная тишина».

Крыльцо, возле которого фотографировались жених с невестой, с одной стороны было обсыпано конфетти, которые уже успели затоптать и разнести по тротуару. С другой Макар обнаружил лужицу, предположительно, шампанского, но проверять свою догадку не стал. «Шерлок Холмс на моем месте обмакнул бы в нее пальцы, облизал их и

заклучил, с какого виноградника была собрана ягода и где продавался урожай того года. А там до покупателей уже и рукой подать. Но я не Холмс, и это вполне может быть не шампанское, а собачка. Скажем, вон та кривоногая псина, которая идет мне навстречу».

– Прости, ты свадьбу здесь утром не видел? – спросил он хозяина, почти не рассчитывая на удачу.

Тщедушный парень лет девятнадцати с редкой рыжеватой щетиной кивнул и ответил внезапным басом:

– Ага. Брачевались тут одни. Недолго.

– Голубей выпускали, – в тон ему ответил Макар. – Зеленых.

– Ну! Придурки! Лучше бы невесту покрасили.

– А тех, которые в ювелирный салон заходили, ты не видел?

Трое, сказал парень, их было трое. Нырнули в салон, наверное, за подарком невесте. Очень торопились, это было видно, и он подумал, что с кольцом вышла какая-то накладка, и жених решил исправить положение на ходу.

– Ювелирка рано открывается. Повезло им.

– Повезло... – пробормотал Илюшин. – Можешь описать этих парней?

Но кроме темных спортивных костюмов и одинаковых шапочек владелец собаки ничего не запомнил.

– А, слушай! – он тронул Илюшина за рукав, когда тот уже собирался уходить. – Чуть не забыл! Еще кроссовки у одного были характерные такие. Светящиеся.

– В смысле – светящиеся?

– Ну, подошва светится. Не знаешь что ли? У меня такие, с Алиэкспресса заказал и не нарадуюсь. В них ночью прикольно ходить, они мерцают. И водителям тебя издалека видно. Был бы у меня сын-подросток, купил бы ему не задумываясь. И пусть бегают в наушниках где угодно! Сейчас же знаешь дети какие? Воткнул затычки в уши и идут как сурикаты на убой, ничего не слышат, ни на что не реагируют... В темноте их не разглядеть. А если у всех ноги в огоньках, их за километр видно. Не, серьезно – можно закон протолкнуть! Чтобы все обязательно в кроссовках. И зарядки поставить на всех остановках! – парень вдохновенно описал рукой дугу. – Батарейки сели? Десять минут на зарядку – и дальше почетурачал. Надо эту идею продать кому-нибудь из политиков. Прикинь, какую они на ней карьеру могут сделать! За них же весь престарелый электорат проголосует!

Илюшин, почти пропустивший мимо ушей всю альтернативную предвыборную программу, на престарелом электорате встрепенулся.

– Престарелый? Это какой?
– Ну, родители подростков, – объяснил парень. – Сорокалетние и около того.

«Счастье, что Серега тебя не слышит».

Макар обернулся на «Афродиту» и прикинул на глаз расстояние.

– Ты отсюда смог разглядеть модель?

– Чего там рассматривать! Говорю тебе, светятся. Некоторые только ночью включают подсветку, а у этого, значит, с утра.

Макар записал слова парня, посоветовал позвонить в полицию и вернулся в салон.

– Боря, послушай меня! Не отворачивайся от меня, Борис!

Курчатов с раздражением посмотрел на мать. Эта прическа... Рубашка, по последней моде выглядящая так, словно снята с мужчины на три размера крупнее... Лакированные туфли цвета перезревшей вишни... Запах сандала!

В том, как фанатично Альфия следила за собой, было что-то отталкивающее. Борис долго не мог понять, что вызывает его смутный гнев, пока однажды не осознал: то упорство, с которым она сопротивляется возрасту. Все ее походы к парикмахеру, в салоны красоты, за новой одеждой есть не что иное, как попытка опровергнуть очевидное: она старая и скоро умрет. Восемьдесят пять – хороший возраст. Почему бы матери не перестать притворяться, что она все еще в расцвете лет?

Носи она застиранный халат и дырявые носки, ему было бы легче терпеть ее.

– Послушай же меня!

– Ну что, мама, что?

Альфия ухватила его под локоть, приподнялась на цыпочки и зашептала, оглядываясь, точно их могут подслушать:

– Твой сын! Твой сын!

– Что – мой сын? Мама, я тороплюсь!

– Твой сын и эта сучка!

– Не смей так говорить о моей жене, – автоматически сказал Борис.

– Они обманут тебя! – Альфия потрясла сморщенным пальцем, при взгляде на который он вспомнил, что в корзинке на кухне есть сушеные финики. – Они сбегут, может быть, даже убьют нас с тобой! Ты видел, как они смотрят друг на друга? Говорю тебе, бестолочь: они влюблены! Может быть, даже уже предались греху!

– Предались греху? – Борис против воли засмеялся. Мать иногда

бывала ошеломительно груба, а временами принималась выражаться до смешного высокопарно – это он тоже списывал на возраст. – Слушай, что ты несешь? Они друг друга не переносят.

– Ошибаешься! Тебя не бывает дома! Но я-то все вижу... – Она хитро подмигнула, и Бориса передернуло. – Ножи пропадают! Где серебро? Где вилочки? Они готовятся заколоть тебя!

– Вилочками?

– Ножами! К тебе придут ночью и перережут горло. Что со мной станет, когда тебя убьют?

Альфия ссутулилась и захныкала.

– Ну, все, все. – Он заставил себя обнять старуху и подтолкнул ее к лестнице. – Ступай наверх, мам. Все будет хорошо. Никто меня не убьет. И про Василия не говори ерунды...

– Я тебя предупредила!

– Хорошо-хорошо. Слушай... – он на секунду задержал ее руку в своей. – Может, если ты так беспокоишься за мою жизнь, все-таки продадим диадему? Отметим юбилей и избавимся...

Он не успел договорить. Альфия яростно выдернула у него ладонь и торопливо поковыляла вверх.

Борис ухмыльнулся ей вслед. Он давно смирился с мыслью, что цацку не удастся продать. Зато после смерти матери корона достанется ему.

– Отпечатков нет, записей с камер нет, Верман с Дворкиным ничего не видели, охранник никого не запомнил. Марка машины и та под вопросом: кто говорит «Хюндай», кто – старый «БМВ». Как их вообще можно перепутать?

Сергей в сердцах бросил на стол блокнот. Четыре часа на осмотр места происшествия и опрос свидетелей – и все, что им известно, это модель кроссовок одного из грабителей.

Илюшин стоял возле того самого окна, из которого Дворкин наблюдал свадьбу, и был странно молчалив. Сергей сделал паузу – нарочно, чтобы Илюшин начал возражать, а он бы стал с ним спорить и незаметно втянулся в обсуждение уже всерьез.

Испытанная стратегия. Они всегда так поступали. Не сговариваясь, одновременно выходили на сцену из-за кулис. Макару всегда удавалась роль батарейки, а Сергею исключительно шло ампула ворчуна и брюзги, недовольного каждым новым делом. Спектакль этот служил не только катализатором, запускавшим процесс расследования. Он был ритуалом, предваряющим начало серьезного дела, подковой, что трешь на счастье и

удачу. Как актеры перед спектаклем сплевывают через левое плечо, так Бабкин должен был высказать свое недовольство и требовать, чтобы они отказались от расследования, потому что оно обречено на неудачу. Они раскрывали одно дело за другим, и всякий раз его предваряла эта церемония.

Он подал свои реплики. Дело за Илюшиным.

– Макар, – позвал Сергей.

Илюшин обернулся.

– Когда человек начинает стареть? – спросил он.

– Когда задается таким вопросом, – не задумываясь, брякнул Бабкин.

– А на самом деле? В сорок? В пятьдесят?

– Некоторые с детства старые, – попробовал отбиться Сергей.

– А многие до ста лет в душе молодые, – без улыбки сказал Макар. – Ты мне тут банальностями не отделяйся.

Бабкин затосковал. Он любил банальности, полагая, что от степени затертости монетки ее ценность не исчезает. И что это еще за разговор такой... несвоевременный. Работать надо, план расследования наметать! Но Макар смотрел внимательно, каким-то нехорошо задумчивым взглядом, какой бывает у людей, переваривающих внутри себя плохую новость. И Бабкин сдался.

– Если ты про объективную картину, то лет в шестьдесят, – нехотя сказал он. – Как говорила моя бабушка, есть молодость и зрелость, а у зрелости три стадии: «ничего не болит», «что-то побаливает» и «сегодня целый день ничего не болело». Если здоровый человек ложится спать и думает «сегодня целый день ничего не болело», значит, он старик.

– А если про субъективную картину?

– Когда ты уходишь с фотографии.

– Что это значит?

– Вот сижу я, думаю о своей жизни, – сказал Сергей. – И если в этот миг сделать фотографию моментальной камерой – «полароидом» воображаемым – то на моем снимке я буду в центре. Так с самого детства повелось. Вот я маленький с папой на рыбалке. Вот в футбол играю. Вот в институт поступил. Женился. Развелся. И везде фокус на мне, сечешь?

– Секу, – сказал Макар. – А потом?

– А потом наступает момент, когда ты отдыхаешь с семьей на даче летним вечером, шашлыки с мангала снимаешь и по тарелкам раскладываешь, – а рядом жена, вокруг дети твои бегают, теща с тестем хлопчут, домашнее вино разливают, сосед из-за забора поглядывает... И ты вдруг понимаешь, что если сейчас сделать снимок, в центре уже будешь

не ты. А твой ребенок. Как будто воспоминание об этом дне – оно единственное, и твой сын неумолимо оттягивает его к себе, отбирает. Ты превращаешься в декорацию для чужой жизни. Сначала это случается пару раз в год. Потом чаще. И не замечаешь, как сам начинаешь думать о себе как о второстепенном герое, потому что твоя роль главного персонажа подошла к концу. Ты на этой сцене еще долго останешься, но зрители уже смотрят не на тебя. В тот момент, когда ты это ощутил, молодость закончилась. Я так думаю.

Он замолчал, недовольный собой – что разговорился о глупостях, – и Макаром – за то, что спровоцировал.

– И какой вывод мы из этого делаем? – сказал Илюшин.

– Какой?

– Что семья способствует раннему старению.

– Это еще почему? – изумился Сергей.

– Так ведь получается, что если вокруг дети не бегают и тесть с тещей не хлопчут, роль главного персонажа отдавать попросту некому.

Несколько секунд Бабкин осмысливал.

– Вот поэтому ты и не женишься, упырь, – сказал он наконец. – Хочешь быть вечно молодым.

...Часы показали десять. За окном, выходящим на детскую площадку, сработала сигнализация, и двор огласился мелодичными птичьими трелями. Сергей прислушивался, размышляя, какой прок владельцу в такой охране – с пятого этажа звук не слышать, через закрытую балконную дверь он тоже не долетит, – и вдруг осознал, что это не машина, а живой соловей. Певец осторожно разминался, пробуя голос, но ни на минуту не умолкая. «Испорчено наше восприятие мегаполисом», – вздохнул Сергей.

– Что-то рано он запел, – кивнул за окно Дворкин. – Я тут пару раз оставался на ночь. В четыре утра такие концерты начинались – матерь божья! Не мог поверить, что с меня денег не возьмут за прослушивание.

– Кстати о птицах, – сказал Илюшин. – Как мне видится, у нас есть две зацепки. Первая – голуби. Вторая – диадемы.

– Голуби тут при чем? – удивился Верман.

– Свадьба была фальшивая, обманка. Платок в руке фокусника, которым он отвлекает внимание. Очень простой способ и, честно говоря, малоэффективный. Рассчитано было на то, что вы заинтересуетесь и отойдете от витрин, то есть подальше от тревожных кнопок. Но это сомнительный расчет. А если б вы терпеть не могли свадьбы? А если бы Сема в это время собирался позавтракать и успел нажать на кнопку, когда пришли грабить?

– Сомнительный или нет, но он себя оправдал, – буркнул Верман. – Купился я на зеленых голубей как маленький.

Илюшин кивнул.

– Реквизит для свадьбы достать очень просто. Ленты стоят три копейки, платье невесты предлагается напрокат на каждом углу. Взять шестерых приятелей, запихать их в машину, а новобрачной можно обрядить любого из них. Сема, вы разглядели лицо?

– Фата была очень плотная, Макар. Сейчас, когда вы сказали, я понял, что и в самом деле не уверен, парень это был или девушка.

– Но на простую свадьбу вы могли не клюнуть. Поэтому в дело пошел реквизит номер два. И вот с ним дела обстоят сложнее. Свадебных голубей на улице не поймаете, их тоже берут напрокат, и насколько я знаю, не всякий голубь подходит для того, чтобы его выпускали на улице.

– Голубятен в Москве полно, – возразил Верман. – Выломали дверцу, позаимствовали двух птичек – вот вам и реквизит.

– Может быть и так. А может, обратились в контору, которая предлагает голубей для свадьбы. Это проще, и не нужно никого воровать. Вопрос лишь в том, как гарантированно привлечь к птицам внимание. Зеленые голуби – это неожиданно.

– Экстравагантно, – согласился Моня.

– Красиво, – вздохнул Дворкин.

– Сомневаюсь, чтобы владельцы дали разрешение на перекрашивание своих птиц. Значит – что?

– Либо у кого-то похитили пару, либо к владельцам вернулись голуби, выкрашенные зеленкой, – сказал Бабкин.

– Серега, ты этим и займешься. Не знаю, сколько в Москве фирм, предлагающих аренду птиц на торжества. Но тебе придется обзвонить их все.

– В первый раз что ли, – проворчал Сергей. – Но сдастся мне, это дохлый номер. Сперли они птичек, не стали заморачиваться. А вот ниточка к диадемам, похоже, крепче.

Верман вопросительным взглядом обвел сыщиков.

– Вы хотите ждать, когда они появятся на рынке? Но послушайте, за это время...

– Моня, Моня! – мягко остановил его Илюшин. – Честное слово, мы не такие идиоты, какими кажемся. Грабители шли к вам четко за диадемами, они не взяли ничего, кроме них, хотя грех грабить ювелиров и не захватить хотя бы то, что в витринах. Им было известно, что именно лежит в вашем сейфе. И они знали, что вы не расскажете в полиции о его настоящем

содержимом. Вы говорили кому-нибудь о поддельной диадеме?

– Я что, по-вашему, похож на самоубийцу?

– Сема, а вы?

– Ни за что, – открестился Дворкин. – Мы тихо взяли заказ, сделали его без лишнего шума и пыли и собирались так же тихо вернуть. Только дурак будет кричать на всех углах, что он копирует украденную диадему.

– Отлично. – Макар обернулся к Бабкину. – Пока ты занимаешься голубями, я встречу с Курчатовой. По всему получается, что утечка была через нее.

– Она что, идиотка?

– Вот это мы и выясним, – сказал Макар.

– Никому! – Динара твердо выдержала взгляд Илюшина. – Я никому не рассказывала о диадеме!

Они сидели в небольшом кафе, где кроме них, не было ни одного посетителя. Если повезет, в таких заведениях царит тихое благожелательное равнодушие: посетителя обслуживают, но без лишних вопросов и уточнений. Никто не поведает интимным шепотом, что кондитеру сегодня особенно удался штрудель, никто не осведомится, желает ли он графин морса в этот жаркий летний день. Официант будет смотреть немножко мимо, и, кажется, забудет о существовании клиента, едва принесет заказ. Подходящее место для тех, кто любит почувствовать себя невидимкой.

Макар передвигался по Москве пешком и, в отличие от Бабкина, в любой толпе чувствовал себя как рыба в воде. Пешеход видит больше автомобилиста, а любопытный пешеход – в тысячу раз больше. Илюшин помнил все кофейни в пределах Садового кольца, мог не задумываясь назвать пять ресторанов любой национальной кухни и знал секретные места, где за проходной скрывается многолюдная столовая – в таких можно на сто рублей поесть ароматного рассыпчатого плова, запивая его компотом с курагой, или настоящего густого борща, или, если повезет, попасть на пельменный день, когда поварахи мечут из-за раздаточной линии, словно перетасованные карты, тарелки с горой пельменей под щедрой ложкой сметаны.

Динару Курчатову нужно было спрятать от случайных глаз. Он попросил ее покружиться по кварталу, проверил, нет ли слежки, и назвал адрес кафе.

– Я ни с кем не говорила о диадеме.

Девушка выглядела усталой, но не испуганной. Хотя стоило бы

бояться, подумал Макар: она вот-вот окажется подозреваемой в краже.

– Когда ваша свекровь собирается праздновать юбилей?

– В эти выходные. Диадему заберет, скорее всего, в пятницу.

– У нас четыре дня. – Макар отпил свой кофе. – Динара, четыре дня на поиски – это очень мало. Расклад очень простой: либо сами ювелиры навели грабителей, либо это сделали вы. Первый вариант исключать нельзя, хотя он кажется мне маловероятным. Возможным, да. От Вермана многого можно ожидать. Но им было выгоднее иметь дело с вами, не тратя силы на инсценировку. И вряд ли, провернув такой спектакль, они стали бы нанимать для расследования меня. Не говоря уже о том, что на диадему они планировали обменять Гройса.

– Я никому ни о чем не рассказывала, – сказала Динара и поджала губы.

Несколько секунд Макар смотрел на нее, затем отодвинул недопитый кофе и встал.

– Вы куда? – удивилась она.

– Домой, – так же удивленно отозвался он. – Наймите для расследования кого-нибудь другого. Я не имею дела с клиентами, которые мне лгут.

Динара поняла, что он сейчас уйдет. Этот обаятельный парень с его мягкой, насмешливой манерой разговора вдруг показался ей старше тех тридцати лет, которые она дала ему поначалу. Он смотрел на нее без улыбки, и теперь бросалось в глаза, какой у него жесткий взгляд.

– Подождите! – сказала она торопливо. – Пойдите, подождите минуту...

Илюшин не сел, как она надеялась, а остался стоять, и это тоже выбивало из колеи. Динара соображала быстро, но его взгляд давил, мешал ей принять решение.

А если он плохой сыщик, никудышный? Никому нельзя доверять, а он предлагает поделиться тайной с человеком, которого она едва знает.

Илюшин сделал легкое движение, и Динара сообразила, что он вот-вот уйдет, и она останется со своей бедой и двумя ювелирами, от которых больше вреда, чем пользы. Вчера, услышав, как Верман открыл грабителям сейф, она чуть не накричала на него: как ты мог, скотина? Ты должен был держаться до последнего! В твоём сейфе хранилась не какая-то побрякушка, а целая мечта, понимаешь ты это?!

Динара смолчала – жизнь с Борисом приучила ее обуздывать вспышки гнева – и заметила лишь, что никто не стал бы стрелять из автомата в центре Москвы. Верман тут же возразил, что они вовсе не в центре, хотя

когда он в очередной раз оплачивает аренду помещения, ему кажется, что собственник об этом не знает. На этом разговор и закончился.

Ювелиры не помогут ей. Им не под силу найти диадему за четыре дня и вернуть ей. Никому не под силу.

Но вдруг случится чудо?

– Сядьте, – попросила она. – Я расскажу.

Илюшин опустил на стул. Кофе остыл, официанта поблизости не было видно.

– Я промолчала, потому что была уверена, что это вас не касается, – поморщившись, сказала Динара. – Никто не знал, что я собираюсь скопировать диадему. Честное слово! Только один человек, но он здесь ни при чем.

– Кто? – спросил Макар.

– Он единственный, кому я доверяю. Он не мог пойти на ограбление!

– Кто?!

– Мой брат, – сказала Динара.

– Старший?

– Да, на двенадцать лет.

– Чем занимается?

– Безработный.

Илюшин начал смеяться. Сначала тихо, затем все громче.

– Потому я и молчала! Ты услышал, что у меня взрослый безработный брат, и вот пожалуйста – сходу назначил его подозреваемым! А это ложный след, он никуда тебя не приведет. Только зря потратишь время! – Динара рассердилась и незаметно для себя перешла на «ты».

– Кем ты работаешь? – спросил Макар, тоже отбросив церемонии.

– Никем, – сухо сказала Динара. – Женой. «Нежеланной женой, ненавистной невесткой, сексапильной мачехой, которую можно зажимать в углу, пока отец не смотрит».

– А я обычно разыскиваю пропавших людей. В некотором роде те, кто ограбил ювелиров и смылся – тоже пропавшие. Только они не хотят, чтобы их нашли, вот и вся разница.

– К чему ты это все?

– К тому, что мне виднее, – сказал Макар. – Выкладывай про своего брата. Как зовут, где живет, круг общения, когда в последний раз виделись... И не вздумай ничего скрывать.

Сергей Бабкин выяснил, что в Москве около восьмисот голубятен и нет базы, куда все они были бы занесены. Кроме того, существовали

частные питомники в Подмоскowie и просто фермы, владельцы которых, помимо разведения кроликов или собак, занимались еще и птицами. А главное – бесчисленное количество частных агентств, предлагающих голубей напрокат.

Как в этой неразберихе искать своих зеленых?

Сергей начал с простого: открыл поисковик, вбил «аренда голубей на праздник» и принялся методично обзванивать все номера.

– Простите, у вас голуби не пропадали? Что? Нет, я не находил. Два голубя не пропадали у вас? Понял. А зеленые не возвращались? Что? Нет! Зеленые! Зеленого цвета! Почему издеваюсь? Ну елки-палки...

Последние слова Бабкин с чувством произнес уже в пространство. Из трубки раздавались короткие гудки.

– Какие тут шутки... – пробормотал Сергей. – Ладно, поехали дальше. Биип. Биип.

– Здравствуйте. Скажите, у вас недавно пара голубей не пропала? Не было такого, чтобы взяли и не вернули? Кто? Я? Почему вор? Да никто не собирается красть ваших голубей! Наоборот!

Бабкин отодвинул трубку подальше от уха. Из нее доносился возмущенный крик и заверения, что ему переломают ноги, если он подойдет к вольерам.

– Не пропадали, значит, – флегматично сказал Бабкин, нажимая отбой.

Следующий час показал, что владельцы голубей – люди вспыльчивые и скорые на расправу. Сергею дважды пообещали выдернуть руки, один раз пристрелить, неоднократно попросили не отвлекать от дел и один раз зачем-то дали телефон московского зоопарка. С грустью подумав, что в вольере у белых медведей есть прохладный бассейн, Бабкин набрал следующий номер.

Биип. Биип.

«Надо сменить тактику».

– Здравствуйте. Инспектор Авдеев, занимаюсь делом о краже голубей. У вас птицы в последнюю неделю не пропадали?

– Как же, пропадали! – с неожиданной охотой отозвались в телефоне. – Приезжайте, я вам все подробно расскажу!

На севере Москвы Сергей отыскал строение, напоминавшее гибрид клетки для крупного хищника и избышки бабы Яги. Хозяин, юркий старичок с подвижным обезьяньим личиком, крутился рядом. Он сам налетел на Бабкина как голубь, заклекотал, ошеломил, взбил фонтанчиками пыль и принялся многословно излагать, как соседи воруют у него птиц и жарят на подсолнечном масле, которое, в свою очередь, воруют в магазине.

Прежде чем Сергей разобрался, что имеет дело с вдохновенным сумасшедшим, прошло не меньше десяти минут. «Воруют! – шептал старичок, тыча пальцев в сонных голубей на жердочках. – Павлиньюго голубя – съели! Николаевских – съели! Дутьша – и того не пожалели!» От его бормотания Сергей понемногу озверел. Но нельзя исключить, что у старичка потому и украли птиц, что знали о его болезни.

– Покажите голубятню, – попросил он.

Старичок с удивительной ловкостью вскарабкался по узкой лесенке и сделал приглашающий жест. Надеюсь, что ступеньки под ним не проломятся, Бабкин последовал за проводником и, забравшись на крышу, оказался перед небольшой зарешеченной дверью в вольер. На двери висел замок размером с гирию.

– Можно посмотреть, каких именно голубей украли?

Старичок, не умолкая ни на секунду, извлек из кармана ключ – подобный тому, какой жители осажденного города вручали победителю, – и дважды провернув его, с кряхтением снял замок с двери. Голуби внутри заволновались. До Бабкина донесся странный запах: звериный, тяжелый.

– Прощу! Ознакомьтесь, товарищ следователь, с похищенными экземплярами!

Сергей, пригнувшись, шагнул внутрь, в заполненный курлыканьем сумрак.

– Вот павлиний голубь, которого Савельевы украли, – старичок указал на красивую белую птицу с веероподобным хвостом. – Вон там николаевских восемь штук сидят, все самцы! А дутьш у меня был единственный. Полюбуйтесь! Пожарили в сметане! Такого красавца!

Прямо над головой Бабкина курлыкал длинноногий белый экземпляр с необычайно раздутым зобом, выглядевшим так, словно голубь проглотил клубок.

– Вы же говорите, украли его, – осторожно сказал Бабкин.

– Совершенно точно, товарищ следователь! Украли! – с готовностью закивал старичок.

– Единственный экземпляр?

– Одного лишь мог себе позволить! У Берковича купил! Знаете, сколько Беркович берет за дутьшей? А я пенсионер, хотя и воевал, и разведчиком был в тылу врага – оттуда и любовь моя к голубям, они почту разносили между нами, разведчиками, и никто не понимал, каким образом товарищ Жуков все узнает заранее, а это благодаря мне было, у меня и диплом имеется!

Бабкин почувствовал, что его вот-вот затянет в этот бредовый мир с

Жуковым, голубями и разведчиками и необходимо внести хоть какую-то ясность, чтобы скинуть морок.

– Как же вашего дутьша съели, когда вот он сидит?

Он ожидал простого ответа: завел нового, подарил Беркович, наградил маршал Жуков... Но старичок вдруг совершенно преобразился. В глазах его загорелся мистический огонь, плечи приподнялись и сам он стал как будто выше, пальцы затрепетали в воздухе. И подавшись к Бабкину, старичок шепнул:

– Они возвращаются!

Бабкин диковато посмотрел на него.

– Кто?

– Голуби! – старичок захихикал и потер руки. – Голубчики мои! Соседи, злодеи, думают, что они их съели... А птички-то вот где! Живые! Котяточки мои, детоньки мохноногие!

– О господи, – сказал Сергей.

Дутьш скосил круглый глаз, дернул хвостом, и Бабкину на плечо шмякнулась белая лепешка.

«Убью Макара».

– Ищи дальше, – безжалостно сказал Илюшин, выслушав по телефону краткий отчет напарника. Бабкин как раз закончил оттирать с куртки следы жизнедеятельности голубя и, прижав трубку ухом к плечу, понес салфетку в ближайший мусорный бак. От куртки пахло. От салфетки пахло, от рук пахло, а когда он сел в машину, ему показалось, что в салоне только что облегчились несколько крупных дутьшей.

Чертов запах вьелся и не собирався исчезать.

– А ты что делаешь? – подозрительно спросил он.

– Кофе пью. С пирожным «картошка». Очень, кстати, хорошо его здесь готовят, точно таким, какое должно быть. Даже коньяк не забыли!

– Как же я тебя ненавижу, – с тоской сказал Бабкин и нажал отбой.

Дутьши.

Но теперь, когда он сообразил представляться государственным лицом, дело пошло лучше. Больше никто не подозревал его в дурных намерениях, не угрожал и не кричал. Сергей вычеркивал из своего списка одну фирму за другой и уже начал думать, что все-таки бедных птиц украли из частной голубятни, как вдруг трубка ответила мягким баском:

– Птички цветные? Да, возвратились покрашенные, было дело. Буквально только что. Приезжайте, покажу.

Выруливая на Домодедовское шоссе, Сергей размышлял, много ли

коньяка добавляют в пирожное «картошка» там, где пьет кофе Илюшин.

Встретивший его предприниматель оказался до известной степени противоположностью сумасшедшему старичку: он был крепок, румян, убедительно нетороплив в движениях. На Бабкина глянул цепко и попросил предъявить корочки. Сергей невозмутимо сунул ему под нос удостоверение сотрудника метрополитена, наделенного полномочиями останавливать любые поезда, кроме скоростных, двигающихся по маршруту Кале-Фолкстон. Удостоверение это сто лет назад подарил ему Машин сын, купив его в метро, и Бабкин повсюду таскал его с собой – просто так, из хулиганства.

То, что солидный документ выдан на имя гражданина Гуттаперчевого И.В., предпринимателя не смутило. Бабкин давно подозревал, что часть его соотечественников не умеет читать. То ли разучилась, то ли никогда и не умела.

– Пойдемте, покажу наших красавцев.

Бабкина повели мимо небольшого зоопарка. В одной из клеток он увидел пуму, в другой сверкнул изумрудным хвостом павлин и вдруг издал такой отвратительный вопль, что Сергей вздрогнул. Он покосился на пуму – ей, кажется, тоже было не по себе.

– Голуби – они ведь не всякие годятся для свадьбы, – объяснял тем временем его провожатый. – Если выпускать, чтобы летали, это спортивные нужны. Они кружат красиво, а потом возвращаются домой. А если подержать в руках, снимки сделать, так это совсем другая порода. Мы иногда две разновидности привозим: с одной невеста фотографируется, а другую в воздух подбрасывает.

– А почему? – спросил, заинтересовавшись, Сергей.

– Вы что, декоративных голубей не видели? – рассмеялся его спутник. – У спортивного голубя лицо же – как у грузина! У него же – клюв! У него же выражение лица, как будто он с детства сын директора! Невесты видят, пугаются. Птичка должна быть милая, добродушная, чтобы не казалось, будто она сейчас жениха порвет на клочки.

Они свернули и теперь спускались к большим вольерам, где, как догадывался Сергей, обитали голуби.

– Свадебные птицы – это дело такое, тонкое. У них психика должна быть железобетонная. Кто бы их в руки ни брал, кто бы ни тискал, они сидят себе спокойненько и ждут одного – когда их выпустят. А потом сделают пару кругов для отчетности и торопятся домой. Раньше вот как бывало? Конфузы всякие, несуразности. Даже со мной случалось пару раз.

– Жениха обгадили? – понимающе спросил Бабкин, вспомнив дутьша.

– Да вы что! Никогда! Но вот невеста, допустим, заявляет при гостях: чем выше взлетишь, тем больше будет у меня счастья! А этот поганец крылом махнул пару раз, сел на ближайшую ветку и смотрит оттуда, головку наклонив. Мол, какое еще счастье? Радуйся, что тебя замуж взяли! А еще было, что подкинули голубя, а он испугался и шнырь под ближайшую лавку. Фотографы вокруг, камеры щелкают, а жених с невестой его, поганца, выковыривают – он же денег стоит!

– Вы отдаете голубей в чужие руки? – спросил Сергей.

– Привозим по адресу и там оставляем.

– Не боитесь?

– Пока инцидентов не было. Люди хорошие попадались. Кроме этих, которые лапушек моих покрасили. Вот же гады, а! Как их теперь отмывать?

– Птицы всегда возвращаются к вам? – спросил Сергей.

И невольно остановился. За решеткой расхаживал голубь размером с хорошего кота, яркий, словно сошедший с иллюстраций Сутеева. Длинные ноги со шпорами были так густо опушены перьями, что казалось, будто птица надела брюки. Взгляд у красавца был лихой и дерзкий. Сергей всю жизнь был равнодушен к птицам, но у него вырвалось само:

– Этот продается?

– Портос-то? – мельком глянул хозяин. – Продается, чего ж.

– А сколько стоит?

Услышав цену, Бабкин крикнул.

– А прокат голубей сколько стоит? – спросил он.

– По тысяче рублей штука, и за доставку до квартиры беру полторы. Бывает, у нас штук по сорок заказывают. Районные администрации очень это дело полюбили. Как открывают новую библиотеку или школу, обязательно моих голубей берут.

– И все сорок возвращаются к вам? – удивился Бабкин.

Проводник остановился и строго взглянул на него.

– Голубь – птица привязчивая, ее к дому как магнитом тянет. Да и не только их. Был у меня один знакомый прохвост. Ну такой артист! Он на Птичке по праздникам стоял с малюсенькой клеточкой, грязной, тесной... Сам в ватнике, с опухшей рожей. Сразу видно: забулдыга забулдыгой!

– А в клеточке кто?

– В клеточке снегирь. Яркий, нарядный – ну чисто матрешка! На что весь расчет был? Что непременно кто-нибудь остановится и давай птичку жалеть. Красивый же! В клетке! Тесно ему там, бедненькому, тяжело. По забулдыге сразу видно, что он его в ближайшем лесу поймал.

Сергей усмехнулся, поняв, к чему все идет.

– Вот и выкупали снегиря, – продолжал рассказчик. – Как раба из неволи. Эх и много у нас добрых людей, я вам скажу! Кто тысячу готов был отдать, кто пятьсот рублей выложить. Забирали птичку, и – фьюить ее на волю. Лети, мол! Будь свободен! Избавляли, значит, от жестокого владельца. А снегирь пару кругов сделает над рынком – и обратно к хозяину ныряет. Умный был, ласковый. Лет восемь хозяина кормил. А вы говорите, голуби!

Они остановились перед небольшим вольером, и у Сергея упало сердце. На ветке сидели рядышком две птицы: одна голубая, другая розовая.

«Твою мать».

Он понял, что произошло.

Когда-то Сергей снимал квартиру через агента. В объявлении, которое он дал, было указано: ищу однокомнатную, недорогую, в пределах МКАД, без соседей, меблированную.

Именно в те времена у него зародилось подозрение, что многие люди не умеют читать. Ему показывали двухкомнатные квартиры, приводили его в дизайнерские лофты, стоившие больше, чем он зарабатывал в месяц; он приезжал на встречу и обнаруживал, что в квартире нет ничего, кроме унитаза; дюжину раз отменял поездку, проверив адрес и убедившись, что ему вновь предлагают дальше Подмосковье.

Сергей так и не смог понять: зачем? Зачем ему пытались подсунуть то, что заведомо не могло подойти?

Однажды, взбешенный бессмысленной поездкой, он прижал к стенке риэлтора – молодого нагловатого парня – и внятно спросил, какого черта. Какого черта он отпрашивался с работы, потратил три часа и уйму сил, чтобы увидеть коммуналку, забитую разномастным сбродом.

– Я в объявлении ясно написал: однокомнатная. Без соседей. А ты меня куда привез?

– Да кто их читает, твои объявления? – прохрипел парень. – Больной ты что ли? Всем пофиг, что ты хочешь. Предлагают то, что есть. Не нравится – не бери, в чем проблема!

– А ты ведь и правда не понимаешь, в чем проблема, – с сожалением сказал Бабкин. – В этом корень твоей большой проблемы.

Он не гордился тем, что сделал потом, но иногда вспоминал с чувством легкого удовлетворения.

Сейчас, глядя на нежно-голубую и розовую птиц, явно перекрашенных из белых голубей, он понял, что произошло. Хозяин пропустил мимо ушей слово «зеленые». Его волновали собственные питомцы, а не чужие.

Сергей на секунду прикрыл глаза и представил, как в кондитерском цехе бисквитную крошку щедро поливают коньяком из гигантской бутылки. Когда все закончится, он съест три пирожных. Нет, пять.

– Видали извращенцев? – весело сказал хозяин. – Тоже для свадьбы. Захотели непременно парочку, чтобы один розовый, другой голубой. Вроде как жениха с невестой символизируют. Ну, мне несложно, если идет по тройному тарифу! Забабахал пищевым красителем – делов-то?

Он хохотнул.

– А мыть их как будете? – мрачно спросил Бабкин.

– Никак не буду. Оттенок светлый, сам со временем слезет. За это время, может, еще какие-нибудь придурки захотят цветных голубей. Разболтался я чего-то, – спохватился он. – Вы же хотите на своих зеленых глянуть?

– А они у вас есть? – изумился Сергей.

Хозяин фыркнул:

– Зачем же вы приехали?

Он свернул в узкий проход между вольерами и вывел Бабкина на стену из зарешеченных ящичков, стоящих друг на друге.

– Красавцы ваши на карантине. Вот они.

В клетке на уровне глаз Бабкин увидел двух птиц изумрудного оттенка. Вблизи было видно, что покрашены они небрежно: кое-где пробивались белые перья.

«Я их все-таки отыскал».

– Зеленкой ведь полили, варвары, – сокрушенно сказал хозяин. – Развели и полили. Я бы таких топил в зеленке, ей-богу. Теперь их и полетать-то толком не выпустишь.

– Почему?

– Хищник цветную птицу первой выцеливает. А у нас тут и коршуны, и ястребы водятся. Эти двое бедолаг теперь как мишень для них.

Сергей полез за блокнотом. «Повезло, – думал он, – все-таки повезло».

– Помните адрес, по которому вы отвозили птиц?

– Если бы! Нет у меня их адреса.

– Подождите, а как же?..

– Сами они приехали, – огорченно сказал хозяин. – Двое парней. Молодые совсем, но воспитанные, вежливые такие. Объяснили, что хотят у меня других голубей посмотреть, которые на продажу. Я уж позже допетрил, что адрес светить не хотели, поганцы.

– Машину запомнили? Марка, номер?

– Черная вроде, – он задумался. – Номер не скажу, далеко за воротами

стояла. Бээмвэшка, что ли...

– А ребята? Как выглядели? Приметы характерные, хоть что-нибудь?

– Один темный, коротко стриженный такой, вроде тебя. А другой обычный. Ну, русский. Роста среднего. Лохматый такой. Руки чистые, без татушек.

Бабкин подумал, что под это описание идеально подходят они с Макаром.

– Или с татушками? – с сомнением протянул мужчина.

– Ты уж, дружище, определись!

Тот почесал нос, кинул взгляд на зеленых голубей и вдруг просветлел:

– Вспомнил! Точно, была у одного татуировка. На запястье. Я ему показывал, как голубя держать. Вот же черт, как я про нее забыл... Старею что ли...

– Татуировка какая? – перебил Сергей. Ему хватило Илюшина с его неожиданными вопросами о старости. – Рисунок?

– Нет, не рисунок. Надпись. Я еще удивился. Нынешние молодые татушки бьют без всякого смысла, не то что раньше – ну знаешь, масть там, ходки...

Бабкин кивнул, не споря.

– ...а у этих где птичка, где волк, где вообще страхолюдина. Нет, я не против, только странно: вроде как собственное тело типа альбома с раскрасками...

– На парне что набито было? – вернул его Сергей к предмету разговора.

– Так я и говорю: слово! На английском.

– Ты его прочитал? Перевел?

Мужчина поднял прутик и старательно вывел на земле: «and destroy».

– Разрушение вроде? – неуверенно сказал он. – Только знаешь что, у него часть надписи закрыта была рукавом. Я только это смог разобрать.

Бабкин попросил его повторить шрифт как можно точнее, переписал два слова в блокнот и протянул хозяину свою визитку.

– Если вспомнишь что-нибудь еще, звони, – привычно попросил он.

Было ясно, что звонка не последует. Ниточка, казавшаяся прочной, как леска, обвисла порванной паутинкой. Но собеседник, уловив его разочарование, так сник, что Сергей покривил душой.

– Слушай, на самом деле ты нам очень помог, – со всей искренностью, на которую был способен, сказал он. – Большинство свидетелей вообще ничего не запоминает. А ты и парней описал, и цвет машины запомнил, и даже татуировку. Спасибо! Все бы были такими ответственными, жизнь в

нашей стране была бы гораздо счастливее.

Он не возлагал больших надежд на свою детскую хитрость, но голубиный хозяин внезапно залился краской и стал похож на мальчишку, которому симпатичная девочка позволила нести свой портфель.

– Это... – промямлил он. – Да ладно... Чего уж там... У меня вообще-то памяти никакой. Веришь – о птицах все помню! Где чьи птенцы, чем болели, у кого купил. А с людьми хуже. Вот для тебя, наверно, все голуби на одно лицо. А для меня люди. Приходят жених с невестой, курлычут что-то, а я думаю: господи, я ведь вас уже видел! Пару месяцев назад! Точно такие же – масть, порода... А главное – лица! Лица-то одинаковые! У всех одинаковые, вот где беда.

Он совсем сконфузился.

«Перестарался я с похвалой», – подумал Сергей.

– Я когда в банке работал, у нас в бухгалтерии тетки взяли моду парики носить, каждую неделю разные, – сказал он. – Веришь, я чуть не свихнулся. Вообще перестал их различать. Такое чувство, будто они с волосами и лица себе меняли. Маялся-маялся, потом сообразил: одежда! Ольга Петровна все время в черном, Лариса Игнатьевна в брюках, Ниночка в идиотских жилетках. И знаешь, ничего, наладилось!

– Точно! – хозяин приободрился. – Я так же делаю. И еще знаешь, хорошая привычка – на обувь смотреть. Я целую психологическую систему разработал!

Бабкин отключился. Они уже шли к выходу, и он погрузился в размышления о тату-салонах. Даже поверхностного знания об их работе хватало, чтобы понимать: ему и за полгода не выяснить, где набивали татуировку. Может, если найти спеца, который сориентируется по шрифту...

Очнулся он, когда понял, что его провожатый закончил излагать основы своей системы и говорит о чем-то другом.

– Вот, допустим, побывали у меня эти двое, которых ты ищешь, – размеренно говорил мужчина. – Рыла у них невыразительные. Одежда спортивная, почти одинаковая. А если на обувь глянуть? Один в кожаных тапочках на босу ногу, а второй в кедах, но с широченными салатовыми шнурками! На них удавиться можно! Никогда эту моду не пойму.

– Подожди-подожди. – Бабкин остановился. – Кто был в кедах со шнурками? Красильщик голубей?

Мужчина два раза мигнул.

– Да-а-а... – неуверенно протянул он.

– Тот, который с татуировкой? Или второй?

– Татуированный!

– Точно?

Хозяин закивал.

– Я сначала не помнил ничего, а как начал тебе рассказывать, оно само и всплыло.

Динара аккуратно сдала назад, и «мицубиси» встал идеально ровно посреди гаража. Водителем она была хорошим, умелым и хладнокровным. Машину воспринимала как свою скорлупу, как продолжение личного пространства, и, выходя из нее, всегда ощущала секундную беспомощность. Словно раздели и вытолкнули навстречу толпе.

Перед коттеджем зеленели молодые яблони, посаженные ею, когда она переехала к Борису. Тогда Динара еще думала, что вокруг со временем вырастет сад. Представляла, как станет ухаживать за ним. В то время она была крепко влюблена в своего мужа и не догадывалась о своей настоящей роли в этом большом доме с вечно пустыми гостевыми комнатами. Она – трофей. Косуля, или, скажем, антилопа. Ее голова, увенчанная рогами, могла бы украшать стену над камином. Никто не советуется с оленьей головой, где лучше посадить яблони.

Однажды она сказала брату, что ей тяжело. Кажется, единственный раз, когда она пожаловалась – не сама, а словно толкнуло изнутри.

Тимур пожал плечами.

– У тебя хорошая семья. Муж содержит, ты слушаешься. Надоест – уйдешь. Что не так?

– Давно уж надоело.

Тимур пожал плечами:

– Ну так уходи.

Динара тогда ответила: уйду, когда смогу забрать свое.

Брат не понял, конечно.

Она попыталась объяснить: меня обманули. Мне шептали о любви, обещали троих детей, рассказывали сказку о счастливом будущем. Я сделала выбор, основываясь на лжи. Скажи мне мой муж сразу – я не люблю тебя, ты нужна мне как аргумент в вечном споре самцов за главенство, ты тешишь мое самолюбие и никогда не станешь для меня чем-то большим – меня бы это не оскорбило. Я ценю откровенность. Возможно, я согласилась бы на предложение Бориса, и это была бы честная сделка.

Но никто не собирался играть со мной честно.

– Ты и так свое берешь, – сказал Тимур. – Хорошо одеваешься, вкусно кушаешь, едешь на хорошей машине. При деньгах! На что жаловаться?

Динара посмотрела на брата очень внимательно. Поразительно: он произнес эти слова с той же интонацией, с какой мог бы произнести их Борис.

– Я стою дорожке, – сухо сказала она, решив объясниться в понятных ему категориях.

Больше они об этом не заговаривали.

Едва открыв дверь, Динара учуяла знакомый запах. Василий обильно поливался «Фаренгейтом». Сейчас начнется...

– Динка явилась! – Пасынок широко ухмыльнулся и шагнул ей навстречу. – Где тебя носило?

– Динара, – поправила она, снимая туфли.

– Где шлялась, говорю?

Он обошел вокруг нее, принюхиваясь. Вид неестественно возбужденный, глаза блестят.

– Чем несет от тебя, Динка?

– Это от тебя. Одеколоном, который устарел лет на двести.

– Тебе виднее! – хохотнул он. – Это ведь ты у нас старая!

– Тогда дай старушке пройти, – спокойно сказала Динара.

Василий перегораживал проход: крепкий, широкоплечий, пышущий здоровьем и силой. В шестнадцать лет он начал толстеть, но вся их компания увлеклась скейтбордингом, и пухлый мальчик переродился в атлетичного юношу. Серо-зеленые глаза насмешливо щурились. Прядь влажных волос прилипла ко лбу и на солнце отсвечивала золотым.

В нем была известная привлекательность – привлекательность наглой, сокрушительной молодости. Динара знала, что он давно спит с однокурсницами.

«Я-то тебе зачем, дружок? Пошел по стопам папаши?»

– Дай пройти.

Василий молча ухмылялся, не двигаясь с места. Лихорадочный блеск в его глазах заставил Динару принюхаться. Нет, спиртным не пахло.

После развода родителей он остался с матерью и до пятнадцати лет жил у нее. Они отчаянно ссорились. Виной тому, подозревала Динара, был характер первой жены Бориса. Женщина истеричная и взбалмошная, она не знала, что делать с хмурым подростком, не желавшим слушаться ее нового друга. В конце концов она уговорила Бориса забрать мальчика, а сама вышла замуж и с облегчением переехала в новый дом. Теперь они созванивались по выходным, и знакомым она с гордостью рассказывала, какой у нее красивый взрослый сын. Виделись они не чаще раза в месяц.

Борис получил ожесточившегося парня, удачно притворявшегося ленивым оболтусом. От того, кто любит только свой скейтборд, девочек и пиво, многого не требуют. Это был не сын, а заготовка сына, бревно, из которого Борису предстояло выточить настоящую гордость семьи Курчатовых.

– Никаких денег, – сказал Борис. – На карманные будешь получать столько, чтоб на проезд хватило. Машина? Вася, в этом городе отличное метро. А от поселка, если ты не в курсе, автобус ходит. Выучишь расписание – не будешь опаздывать.

Он договорился в институте, что ему будут сообщать об успеваемости сына. Как только Василий хватал двойку, и без того скудное содержание урезалось еще сильнее.

– Мать тебя разбаловала. Я мужика сделаю. Ничего, поголодаешь, тебе полезно.

Пару раз Василий пытался огрызаться. В первый раз отец прикрикнул на него, второй раз ударил – не больно, но чувствительно, а на вскрикнувшую Динару глянул так, что она ушла в свою комнату. Это не ее ребенок. К тому времени она научилась понимать, что самым лучшим намерениям иногда стоит оставаться невоплощенными.

Представления мужа о воспитании полностью укладывались в схему иерархии у хищных животных. Щенку нужно вовремя дать взбучку, чтобы знал свое место в стае.

У самок права голоса нет вовсе.

Самое обидное, что ей нравился Василий. Нет, не так – мог бы понравиться, встретиться они в иной жизни, в другое время. Он был наглый, ленивый, требовательный и лживый, он скалил зубы при ее появлении, как обезьяна, и скользил в опасной близости, точно змея, нарушая ее границы и заставляя чувствовать себя неловко. Но иногда от него веяло необъяснимым отчаянием, словно внутри под оболочкой шута жил другой человек – скрытный, неприкаянный, болезненно уязвимый. В такие минуты ей хотелось если не обнять его, то хотя бы погладить. Но в следующий миг Василий со своей непроницаемой улыбочкой отвечивал очередную гадость, и ее мимолетный порыв исчезал. «Достойный сын Курчатова!»

Выпадали месяцы, когда Борис оставлял сына вовсе без содержания. Василий выкручивался как мог. Стрелял деньги у бабушки, подворовывал у отца – тот был небрежен и часто рассовывал купюры по карманам. Однажды Динара застала юношу в своей комнате – он рылся в шкафу, где у нее лежали наличные.

– Это называется крысятничать, – холодно сказала она, глядя в

широкую спину.

Растерянность на его лице, когда он обернулся, длилась не дольше секунды.

– Это называется выживать, – возразил Василий, глядя на нее с усмешкой.

– А если я отцу пожалуюсь?

– Давай. Он же меня и вынудил.

Динара пожала плечами. Она работала с шестнадцати лет, и конструкция «вынудил воровать» была ей непонятна.

– Устройся в «Макдональдс». Найди место, где тебе будут платить.

– А учиться когда? Я должен институт закончить. Если брошу сейчас, потеряю шанс.

– Ты не единственный парень с такими проблемами. Другие решают, и ты что-нибудь придумаешь.

Его улыбка стала шире.

– Тебе не кажется забавным, что содержанка моего отца советует мне устроиться на работу?

Он обошел ее, слегка толкнув плечом, и закрыл за собой дверь.

– Я его жена, – сказала Динара, оставшись одна.

Уверенности в голосе не было.

– ...Денег дашь? – протянул Василий. Аромат «Фаренгейта» усилился, к нему примешался запах пота. Иногда он пах как мальчишка, иногда от него начинало разить тяжелым мужским духом, и тогда Динара старалась держаться от него подальше.

– Деньги тебе выдает отец.

Он все-таки немного подвинулся, когда она пошла на него, глядя прямо в сощуренные глаза. Динара случайно задела рукой его обнаженное плечо с густой порослью светлых рыжих волосков, и Василий отшатнулся. Все его искусственное возбуждение исчезло, словно рукой сняло.

– Несправедливо, – глухо сказал он ей вслед.

Это было так неожиданно, что Динара обернулась.

– Что?

– Несправедливо!

– Ты о чем?

– У отца столько бабла! Почему он со мной не делится? Я ему роднее, чем ты! – В голосе парня звучала неподдельная обида.

– Чего смотришь? Я его сын, родной сын!

– Кто бы спорил.

– Живешь с ним как кошка! – Василия неудержимо несло. – Приходишь когда захочешь, уходишь когда вздумается! Ничего не делаешь, только трахаешься. За что он тебе платит? А? Ты же дрянь! От тебя один вред! Ты такое творишь...

Он вдруг схватил ее за плечи и, кажется, собирался встряхнуть, но так и застыл – покрасневший, несчастный и злой. Несколько секунд они стояли неподвижно: его ладони прожигали тонкую ткань платья. Затем одним плавным движением Динара скользнула в сторону. Василий не успел обернуться, как она оказалась у него за спиной.

– Схватишь еще раз, двину в пах, – вполголоса пообещала она.

Со второго этажа донесся резкий голос Альфии:

– Вася! Это ты? Подойди сюда! Ты мне нужен!

Переодеваясь в своей комнате, Динара пыталась понять, что не так. «Нытик. Нытик и придурок». Случалось, Василий хватал ее и раньше – то за руку, то будто в шутку щипал за плечо. Но сейчас в его возбужденности она улавливала отчетливый привкус ярости, и это ей не нравилось.

Наркотики? Этого еще не хватало.

– Включи мне телевизор! – потребовала Альфия, когда внук показался на пороге.

– Бабушка, вот же пульт...

Старуха мотнула головой, поджав губы. Глядела не на Василия, а в темный экран на стене, изломом губ – но только им! – выражая молчаливое страдание.

Новая забава, вспомнил Василий. Альфия придумала, что слепнет. Она видела в зеркале каждую новую морщину, распекала своего парикмахера, если мелированная прядь на оттенок отличалась от задуманного, но с некоторых пор не могла разобраться, где на ее пульте кнопка включения.

Отец говорил: она старая! Ты должен уважать бабушку!

Василий окончательно терял ориентиры. В глубине души он относился к бабке с теплотой. Она всю жизнь страдала от своего характера и мучила других. Но в ней была стойкость и веселая злость. И еще – она как будто ждала, чтобы ей дали отпор, и радовалась, когда это случалось.

Иногда при взгляде на лохматую старческую голову, выкрашенную в снежно-белый, Василия охватывала покровительственная нежность: ну смешная же она! Несчастливая и смешная!

Но какое-то смутное чувство подсказывало ему, что показывать этого нельзя. Это была слабость, а слабостей в его семье не прощают.

Отец говорил: относись к ней как к ребенку!

Однако дети не тратят десятки тысяч на косметические процедуры.

Василий был уверен, что это не проявление болезни, не симптомы возраста. Альфия всю жизнь создавала вокруг себя мощное поле агрессии, в разреженной атмосфере которой ей легко дышалось и жилось. С годами поводов для злости оставалось все меньше. Первая невестка давно сбежала. Когда отец привел вторую, старуха на время воспряла, но Динара вела себя тихо, в бои не вступала, оскорбления проглатывала. Альфия требовала от сына, чтобы они с Динарой родили ребенка. Василий подозревал, что в бабушке говорит не желание нянчить маленького внука, а точный стратегический расчет: малыш станет идеальным поводом для раздоров. Динара может сколько угодно притворяться молчуньей. Когда дело дойдет до воспитания малыша, в ее лице бабка обретет такого могучего соперника, что это надолго продлит ее годы.

Динара, Динара...

Василий сунулся на кухню, глотнул воды. Принюхался к себе – черт, и правда слишком надушился! Впору снова лезть в душ.

Чертова девка, проклятая бестия! – он с ума сходил по ней. Гибкая, сильная, с иногда вспыхивавшей на губах отрешенной улыбкой, – такой мимолетной, такой странно не идущей ее скуластому волевому лицу, что у него сердце стискивало от муки. Стоило представить, что вот так она улыбается ему... Хоть раз. Хоть однажды.

Василий ненавидел ее. Сучка, дрянь, вышедшая замуж за отца без любви, ради его денег. Он не маленький, он отлично все понимает. Видит, как она иногда взглядывает на Бориса своими непроницаемыми глазами. Стерва. Дешевая лимитчица, которой повезло окрутить состоятельного мужика.

Василий изо всех сил уминал, втискивал ее в сочиненный им образ. Потому что с ним было понятно, что делать. А что делать со своей тоской, с мучительной нежностью, охватывавшей его, когда она проходила утром мимо – сонная, босая, пахнувшая какой-то горькой травой, – что делать с желанием коснуться ее тонкой сильной руки, он не знал. Не было ни названия этим чувствам, ни осознания их – только боль.

Пытаясь избавиться от нее, Василий объяснил себе, что происходит. Он всего-навсего хочет ее. Он мужчина. Она женщина. Аппетитная телочка с крепкой попой, торгующая собой. Обслужила отца, обслужит и его. Вопрос лишь в цене.

Он сам не знал, насколько далеко готов зайти. «Если пожалуется отцу, скажу, что она меня спровоцировала», – он обдумывал эту мысль раз за разом, играл ею, вертел в голове, и за ней поднималось что-то смутное,

сладкое, запретное, невозможное и очень близкое, о чем сказать словами было нельзя. Нельзя.

Он молча подал пульт.

– Нажми!

Василий видел, что краем глаза бабка косится на него. Провоцирует. Ждет, не выйдет ли он из себя.

Прежде он бы так и сделал: швырнул бы пульт, хлопнул дверью и ушел кататься, чтобы вечером выслушать привычную проповедь отца. Впрочем, тот в последнее время тоже растерял кураж. Когда дело касается Альфии, распекает его без огонька. Скоро совсем перестанет с ней считаться. Василий пару раз подслушал, как они ссорятся – от тех слов, что отец наговорил бедной старухе, у него волосы встали дыбом.

Сейчас он все сделает так, как ей хочется.

С тихим щелчком экран загорелся.

– Может, тебе канал НТВ найти? – сочувственно спросил Василий. – Кнопки и правда маленькие.

Бабка хмыкнула – то ли удовлетворенно, то ли негодуя, он так и не понял – и королевским жестом указала на стол. Расщедрилась. Позволила взять пару тысяч. Василий молча сунул в карман купюры, чмокнул старуху в сухую щеку и выскользнул за дверь.

Забраться бы еще раз к Динаре... Однажды он не выдержал, зашел к ней в комнату и стал рыться в вещах, надеясь выудить хоть одну, пропажу которой она не заметит. Сам себя клял придурком-фетишистом, но остановиться не мог. Ее тонкий свитер, ее футболки, ее длинные платки... Когда ему показалось, что он почти нашел, Динара беззвучно возникла за его спиной.

На его счастье, она решила, что он пытался ее обокрасть. При одной мысли об этом Василия охватывал нервный смех. Знала бы она, зачем он приходил на самом деле! «Я хуже, чем вор, – думал он, но сразу исправлялся: – Нет, это она хуже!» Она хуже чем воровка, потому что украла у него любовь отца, которая без Динары принадлежала бы ему безраздельно.

Оставшись одна, Альфия прибавила звук. Встала, сбросила тапки. Она мечтательно улыбалась, и если бы Василий увидел эту улыбку, ему стало бы не по себе. В эту секунду старуха действительно походила на сумасшедшую – или на человека, у которого есть цель, что иногда одно и то же.

Она вышла в коридор и в одних носках, крадучись, направилась к комнате невестки, сжимая что-то в кармане халата.

– Брата зовут Тимур Садыков, – сказал Макар. – Женат, безработный, детей нет. В Москве живет лет десять, по профессии строитель. Слушай, ты пятое пирожное лопаешь. Тебе плохо не станет?

– Мне станет очень хорошо, – заверил Сергей. – Говори-говори, я слушаю.

Они устроились в том же кафе, где Илюшин встречался с Динарой Курчатовой. К вечеру посетителей не прибавилось, а единственный официант, принеся заказ, растворился за дверью с надписью «Для персонала». Сергей в который раз подумал, что у Макара нюх на странноватые места.

Но пирожное было выше всяких похвал.

– Да не о чем пока особо рассказывать. – Илюшин отпил кофе. – Курчатова встретила с братом накануне похода в банк. Говорит, волновалась, хотела пообщаться с родственной душой. Она не собиралась посвящать его в свой план, но он начал расспрашивать, и ей показалось, что вместе они могут увидеть слабые места плана.

– Значит, все-таки дура, – подытожил Сергей.

– Она клянется, что брат ее очень любит.

– Может у него и алиби есть на утро понедельника?

– Алиби надо уточнять. Есть адрес – его самого и любовницы. По-хорошему, надо бы на хвост ему сесть на пару недель, а телефон поставить на прослушку. Но у нас столько времени нету.

– А если он хоть немного умнее сестры, он просто затихарится, и все, – сказал Сергей. – Связи оборвет, будет вести обычный образ жизни. Слушай, а Курчатова платит за то, чтобы мы нашли грабителей или диадему?

Макар удивленно посмотрел на него.

– Диадему, конечно. Что она будет делать с грабителями?

– Тогда впору отказываться от дела. Ну установим мы, что все организовал ее брат? И как доберемся до диадемы? В лес его будем вывозить, с мусорным пакетом на голове?

– Почему сразу мусорным, – пробормотал Илюшин. – Мне из «Ашана» тоже нравятся, они плотные.

Сергей вздохнул.

– Что значит «Алиби надо уточнять»?

– Динара при мне позвонила брату и спросила, не могла ли она видеть

его вчера на Бережковской набережной в одиннадцать утра. Тот ей спокойно ответил, что был у любовницы, гулял с ее сыном.

– Она рассказывала ему об ограблении?

– Промолчала.

– Все-таки подозревала! – обрадовался Сергей.

– Не-а. Утверждает, что не хотела его волновать раньше времени. Я так понял, у них за решение проблем отвечает сестра, а не брат.

Бабкин не смог удержаться от смеха. Решение проблем? Украсть диадему, связаться с мошенниками, разболтать о своих намерениях... Дурочка она, что бы ни утверждал Илюшин. Молодая нахрапистая дурочка.

– Знаешь, что странно? – задумчиво сказал Макар. – Она все время говорила о нем как о младшем. Но я в самом начале разговора уточнил его возраст. Он старше то ли на двенадцать, то ли на тринадцать лет. Раньше приехал в Москву. Она призналась, что регулярно дает ему деньги.

– Что, алкаш?

– Почему алкаш? – не понял Макар.

– Ну как – свои пропивает, на ее лечится.

Теперь засмеялся Илюшин.

– Нормальная схема, у меня половина знакомых так живет, – обиделся за алкашей Бабкин.

– Если и алкоголик, ей об этом не известно. Он пару лет назад завел любовницу. А у нее оказался больной сын. Садыков, по словам Динары, сильно привязался к обоим. И она через него помогает той семье.

– Очень благородно с ее стороны, – усмехнулся Бабкин. – Только после знакомства с этой бешеной телкой я что-то не очень верю во всю эту святочную историю. Надо все проверить.

Звякнул колокольчик на входной двери. Макар и Сергей обернулись на звук, но в кафе никто не появился. И официанта по-прежнему не было. У Бабкина возникло чувство, что если заглянуть на кухню, его встретят стерильные белые поверхности без единого следа человеческого присутствия.

– А если я хочу еще мяса заказать, что делать? – пробормотал он.

– Смириться. Скоро за центнер перевалишь.

– Это мышцы. Ладно, давай к делу. Сегодня успеем с любовницей побеседовать, как думаешь?

– Надо бы. – Макар озабоченно взглянул на часы. – Расскажи быстренько про голубятню. Я так понял, никакого выхода на арендаторов птиц у нас нет?

– Ага. Только две приметы: татуировка и широкие шнурки на кедах.

Обувь я бы сразу отмел, она нам ничего не дает. Сейчас этих разновидностей кед – сотни. И половина с широкими шнурками. А вот насчет татушки можно поломать голову.

Он придвинул к Илюшину раскрытый блокнот.

– «Энд дестрой», – прочитал Макар. – Что-то знакомое...

Он защелкал пальцами, пытаясь уловить воспоминание. Тем временем Сергей подошел к барной стойке и постучал по ней ладонью, сперва деликатно, затем настойчивее. В такт ударам мелодично зазвенели бокалы над его головой.

– Эй! – крикнул Бабкин. – Шеф!

– ...дестрой, дестрой... – бормотал Макар. – Где же я это...

– Господа хорошие! – не унимался Сергей.

– ...буквально ведь недавно попадалось...

– Накормите страждущего!

– А, да какого черта! – Илюшин открыл на планшете поисковую программу.

– Хозяева, есть здесь кто-нибудь? – зывал Бабкин.

Макар застыл над строкой ввода. Он ненавидел забывать. Эта прореха в памяти, ощущаемая как вмешательство извне, эта когтистая лапа времени, выцарапывавшая из его мозгов мелкие камешки воспоминаний, вызывала острую досаду. Не смей лезть, не трогай! Это мое!

– Накормит меня сегодня кто-нибудь?

Энд дестрой, энд дестрой... Лозунг? Слоган? Воспоминание дрейфовало где-то на поверхности омота, недалеко от берега. Но длины сачка не хватало, чтобы выудить его.

«Вот как подступает старость. Ты еще в центре на снимке, но забыл, в какой день это снято».

Бабкин печально выстукивал кулаком по барной стойке «We Will Rock You». Он прошел стадии гнева, торга, отрицания и теперь находился на той ступени, когда человек лишь смиренно спрашивает, отчего именно ему довелось оказаться игрушкой в руках судьбы.

Слушая, как он хрипло подпевает Фредди Меркури, Макар вдруг вспомнил.

– «Металлика»! – он хлопнул по столу так, что подпрыгнула чашка. – «Seek and Destroy», одна из самых популярных песен! Эй, Серега! Наш парнишка фанат «Металлики».

– А я фанат бифштекса с жареной картошкой, – отозвался Бабкин.

Когда первая эйфория прошла, Илюшин огорчился. Он так отчаянно выживал это воспоминание, что приписал ему почти магические свойства.

Казалось, стоит вспомнить, откуда слова татуировки, и они поймут, где искать ее обладателя.

Но набить на руке название песни способен любой фанат.

«Мог бы и не мучиться, а сразу пойти в гугл».

– Да придет сюда кто-нибудь или нет? – безнадежно спросил Бабкин.

– Ты неправильно делаешь. – Макар поднялся. – Мы хотели бы рассчитаться, – вежливо сказал он в пустое пространство. – Если вас не затруднит, принесите счет.

Дверь подсобного помещения распахнулась. Женщина, туго обтянутая поварской курткой, шмякнула на стойку мятый чек, рявкнула «закрывается» и безвозвратно канула в черную глубину коридора.

Макар и Бабкин переглянулись. Помолчали.

– Недооценил я твою способность выбирать странные места, – сказал Сергей.

Глава 8

Позже Гройс не раз изумлялся тому, с каким невероятным хладнокровием действовала Ирма. словно на внутренней стенке черепа у нее был прописан план с подпунктами, как для школьного сочинения, и едва осознав, что произошло, она принялась следовать ему. Эта женщина потеряла душевное равновесие, когда он показал ей пару-тройку трюков, которым обучил ее пса. Но оказавшись с трупом убитого ею человека на руках, она повела себя как хорошо обученный солдат.

Правда, сначала были три минуты.

– Дура ты, дура, – сказал Гройс. – Он же мертвый.

Ирма недоверчиво взглянула на него. С легкостью сунула старика под изгородь, точно он был мешком, набитым соломой. Именно так он себя и ощущал, разве что внутри гремела не солома, а сухие кости. И толкнула несчастного таджика сильнее, так что он перевернулся и немного сполз вниз.

Что там увидела Ирма, Гройс из своего положения никак не мог разглядеть. Зато он видел ее лицо.

Она отступила на шаг, с губ сорвался короткий невнятный звук. И застыла с удивленно приподнятыми бровями и полуоткрытым ртом.

– Вызови «Скорую», – посоветовал снизу Гройс. – Может, я ошибся!

Ирма не ответила. Он попытался встать, озадаченный ее долгим молчанием, и обнаружил, что подвернул ногу.

– Эй ты! – он повысил голос. – Слышишь?

Очнись!

Ирма стояла неподвижно. Это была не окаменелость статуи, а нечто иное; женщина выглядела так, словно из электронной игрушки вынули батарейку. Руки свисали с пугающей расслабленностью.

Старик от души покрыл ее матом. Он чуть не сорвал голос. На это ушли его последние силы. Тяжело дыша, он откинулся на чертовы кусты, теперь царапавшие ему не живот, а спину, и стал ждать.

Определенно, что-то творилось в ее голове. Свет не был выключен. Скорее наоборот: там зажглись все лампы, и крысы в панике металась по рушащемуся лабиринту. А может быть, и нет. Может быть, они стройными организованными рядами двигались от надписи над входом «Я УБИЛА ЧЕЛОВЕКА» до переливающейся гирлянды над победительным «И МНЕ СОШЛО ЭТО С РУК».

Судя по тому, что произошло потом, Гройс поставил бы на стройные ряды.

В состоянии оцепенения Ирма провела около трех минут. Все это время он пытался докричаться до нее, уговорить помочь парню, хотя не сомневался, что тот мертв. Ему доводилось видеть достаточно покойников за свою жизнь. С таким же успехом он мог взывать к радиоприемнику, добиваясь от него смены волны. В конце концов Гройс исхитрился пнуть ее по ноге. Удар вышел на совесть – он потом видел синяк на лодыжке.

Ирма даже не дернулась.

Он уже начал думать, что их скульптурная группа застыла здесь навечно: мертвый таджик, больной старик и чокнувшаяся баба. Но тут одна из крыс добежала до выхода, и Ирма ожила.

Первым делом она столкнула труп на другую сторону изгороди, чтобы он не был виден за плотным переплетением ветвей. Огляделась. Схватила Гройса под руку и попыталась тащить в дом, но от боли в ноге старик завопил так, что Ирма была вынуждена его отпустить. Пару секунд она оценивающе глядела на него, а затем перевела взгляд на лопату.

Гройс не знал, верно ли он оценил этот взгляд. Возможно, Ирма собиралась избавить его от мучений. Или хотела привести в исполнение приговор о смертной казни за побег. Или же просто обдумывала, нельзя ли использовать черенок лопаты как костыль. Старик не взялся бы угадать, какие мысли бродили в ее голове. Он предположил самое простое: она только что убила одного человека, почему бы ей не присоединить к нему второго.

– За шею, – хрипло сказал он. – Если ты меня взвалишь на спину, а я обхватю тебя за шею, сможешь дотащить меня до дома.

Ирма поступила проще: закинула его руку к себе на плечо и поволокла, точно раненого солдата.

В комнате она тщательно обыскала старика, по-прежнему ни слова не говоря, и найдя кусочек проволоки, послуживший отмычкой, выкинула в окно. Защелкнула на левом запястье наручники и закрыла створки.

Хлопнула дверь, и Гройс оказался в том же положении, что и часом назад. Даже хуже. Ныла подвернутая нога, а еще он сорвал горло: мог только сипеть.

Через приоткрытую форточку он слышал шаги в саду. Несложно представить, что сейчас делает Ирма.

Во время своего короткого побега старик успел заметить, что за садом начинается лес. Узкая полоса луга разделяла их – луга, заросшего высокой травой. Должно быть, когда-то туда выпускали коз, но с тех пор поселок

давно опустел, в нем и людей-то почти не осталось.

Ирма накрыла ветошью, захваченной из сарая, тело убитого таджика. Смеркалось, а соседей вокруг не было, так что она действовала не скрываясь.

Затем она перешла через луг, углубилась в лес и начала рыть яму.

Это Гройс знал наверняка. Она переделалась, когда вернулась, и бросила испачканные землей вещи в стиральную машину. Но волдыри на ладонях от лопаты ни с чем не спутаешь.

Для неподготовленного человека вырыть яму в земле, да еще и в лесу, довольно тяжело. Без сомнения, она копала на границе поля и леса, углубившись в заросли, где от чужих глаз ее скрывали кусты, но не слишком далеко. Ей предстояло еще тащить тело, и она об этом помнила.

Тачка, подумал Гройс. Скорее всего, она использовала тачку. Взяла ее у соседа в сарае, ведь теперь все ключи были у нее. Погрузила туда тело. Закрыла ветошью на случай, если по дороге попадет свидетель. А он мог встретиться, она сама рассказывала старику о мальчишках, которые носятся на велосипедах как угорелые. Вряд ли кого-нибудь из них занесло бы вечером в лес, но Ирма предусмотрительна.

Конечно, она сочинила легенду. Может быть, о погибшем псе, которого хочет похоронить среди деревьев, или о декоративном можжевельнике, для которого нужна особая лесная земля. Но заготовки не понадобились. Ей никто не встретился.

Ирма выкопала яму. Перевезла тело сторожа на тачке. Сбросила его туда, как следует завалила и наверняка закрыла предусмотрительно снятым дерном: уж до этого человек, написавший уйму детективов, точно додумается. С той минуты, как она вернула тачку в сарай владельца и уничтожила все следы своего пребывания на участке, ей ничего не угрожало. Даже если бы труп раскопали собаки или нашли мальчишки, скромную приличную женщину никто бы не заподозрил.

– Его будут искать.

Это было первое, что сказал Гройс, когда Ирма вошла к нему в комнату. С подносом, как и раньше. На котором стояла тарелка теплой овсяной каши, сваренной на воде и без соли.

Она села в кресло, как обычно – теперь этим словом обозначалось все, что происходило до начала его голодовки, – а он осторожно взял тарелку и очень медленно, крошечными порциями начал есть. В приоткрытую дверь протиснулся Чарли. Оба сделали вид, что ничего не заметили.

– Не будут, – сказала Ирма.

Голос ее звучал ровно. За исключением усталого вида, ничего не выдавало в ней человека, который последние два часа копал могилу в лесу. С таким же успехом она могла все это время пересаживать тую в своем саду.

– Почему?

Первая ложечка каши растеклась по пищеводу. Вместо наслаждения Гройс почувствовал, что его сейчас стошнит. Он торопливо отпил воды.

– Я забрала кое-какие вещи из дома. Его теплую одежду. Все положила... к нему.

Гройс понял. Хозяин сначала будет звонить, потом придет и обнаружит, что двери заперты, таджик исчез, а с ним и то, что принадлежало владельцу. Что там было – оружие? Нет, скорее, инструменты. Вот сволочь, скажет сосед, так я и знал, что нельзя доверять этим... Спер у меня инструменты, скажет сосед, и смылся. Наверняка уже продал их и едет на свою малую родину.

Никто не хватится пропавшего таджика.

Гройс съел вторую ложечку. Ему показалось, что желудок сработал как капкан: клацнул стальными зубами и алчно сцапал жалкую подачку. Господи, еда. Наконец-то еда!

Только железная воля помешала старику опрокинуть всю чашку каши в рот. Он продолжал зачерпывать по чуть-чуть, иногда поглядывая на Ирму.

– Когда поужинаете, покажете мне вашу ногу, – сказала она. – У меня есть хорошая мазь. Через пару дней все пройдет.

Кое-что в ее поведении царапнуло Гройса. Помимо поразительной выдержки, с которой она держалась, – прямо-таки неестественной в ее положении, – была еще одна особенность.

Ирма все время к чему-то прислушивалась.

Сначала Гройс решил, что она все-таки свихнулась. Многие годы жить в своем уютном книжном мире и столкнуться с реальностью в одном из самых грубых ее проявлений – это и более здорового человека могло бы свести с ума. В первые дни его заключения старику казалось, что она женщина со странностями. Небольшими, но довольно распространенными, вроде тех, когда в подвыпившей компании кто-нибудь начинает делиться своими причудами и непременно выясняется, что из двадцати присутствующих еще восемь имеют такие же (причем каждый считает, что он уникален).

Возможно, потрясение оказалось слишком сильным. Она свалилась с гребня холма в ту сторону, где среди деревьев бегали механические кролики и летали хищные разъяренные воробы с глазами, светящимися

как день. Вот и прислушивается к шагам худого бородатого человечка с грустным лицом, который вот-вот постучит в дверь и жалобно спросит, зачем она ударила его лопатой.

Но чем дольше Гройс наблюдал за Ирмой, тем сильнее убеждался, что дело не в призраке. Она следила за мыслями в своей голове. Словно сотня крыс, которым надоело бегать, барабанила по пишущим машинкам своими маленькими пальчиками, похожими на человеческие, а одна выразительно зачитывала вслух, что получилось.

Ее напряженное внимание не ослабевало. Крысиный голосок нашептывал ей что-то, не замолкая. Гройс едва не спросил, что передают, но вовремя заткнулся и положил в рот очередную ложку теплой размазни.

После его скудной трапезы Ирма действительно принесла мазь. Они не говорили о его побеге, но, уходя, она напомнила, что завтра им предстоит плотно поработать весь день.

– Нужно наверстать упущенное, – сказала она.

Интонации ее были очень спокойными. Она теперь все время говорила размеренно, и это тоже очень не нравилось Гройсу. Просто образец уравновешенной женщины!

Но в том-то все и дело, что уравновешенной женщиной Ирма не была.

Гройс предпочел бы, чтобы она напилась, орала и била его бутылкой.

– Значит, наш договор остается в силе? – спросил он ей вслед.

Ирма обернулась. Круглые, как у морской свинки, глаза смотрели на него без удивления, и, кажется, вообще без всякого чувства.

– Конечно. Обдумайте, что вы будете рассказывать мне завтра.

– Свою лучшую историю, – пробормотал Гройс.

– Это будет отлично. Чарли, пойдем!

Как только захлопнулась дверь, Гройс откинулся на постель в полном изнеможении.

Ирма его не отпустит. Это было так же очевидно, как то, что крысы в ее голове безостановочно печатают брошюру для массового пользования «Стоит ли убивать людей, которые мешают, и почему да». Она избавилась от тела, теперь ей предстоит избавиться от свидетеля.

Вопрос в том, как она это осуществит.

«Подушкой задушит», – ответил самому себе старик. Он поступил бы именно так.

«А почему до сих пор не задушила?»

Она не знает, что делать с его телом. Вот в чем загвоздка. Ирма

допустила ошибку, не убив его сразу – тогда в одну могилу она опустила бы два трупа вместо одного и никто никогда ни в чем бы ее не заподозрил. Гройс был убежден, что она вырыла яму достаточной глубины, чтобы ее не разрыли бродячие собаки. У нее хватило на это терпения и сил.

Но она упустила шанс.

«Надо было ей бить меня лопатой».

С другой стороны, это крайне негигиенично. Кусты в крови, трава в крови. Возможно, она взвесила это в те несколько секунд, пока смотрела на его подвернутую ногу.

У нее нет совести, если понимать под совестью голос, который заставляет человека идти и каяться в преступлении. Зато есть инстинкт самосохранения, могучий, как у крысы, и он нашептывает ей что делать.

«Убей старика».

Итак, подушка, сказал себе Гройс. Подушка убивает чисто. Никакой крови. У каждого в доме найдется такое идеальное орудие убийства. Лучше взять перьевую, она плотная и тяжелая. К тому же Ирма уже опытный убийца. Оставим новомодные синтепоновые наполнители дилетантам!

Он представил Ирму, глядящую в камеру с рекламной улыбкой: «Консерватизм и традиции – вот мое кредо».

Она задушит его сегодня ночью?

Нет, исключено. Зачем ей дома скоропортящийся труп? А по нынешней погоде его мертвое тело начнет пахнуть очень быстро. Вдруг сюда заберется вор, или залезут хулиганящие мальчишки, или вломится полиция, по ошибке перепутавшая ее дом с соседским, где сторож-таджик хранил пять килограммов героина... Она детективщик, читавший десятки подобных историй. «Убила – вывезла» – вот ее схема действий.

Итак, ей нужно придумать, где спрятать его труп. Это не так просто, как может показаться. Ирма вырыла одну могилу, но очевидно, что рыть рядом вторую – плохое решение. Перекопанная земля, пожелтевшая трава – словно флажок для любопытствующих: посмотри, что здесь! может, среди деревьев спрятан клад!

К тому же сегодня ее силы подпитывала ярость. Но ладони у Ирмы сбиты, и копать вторую яму в плотной лесной земле окажется ей не по силам.

Сначала она попробует отыскать место.

На это у нее уйдет день. Завтра она поедет на разведку, захватив с собой лопату. Если повезет Ирме, она отыщет подходящий участок для могилы быстро, а если повезет Гройсу...

Тогда могилу она выкопает послезавтра.

А на третью ночь задушит его.

– Два дня, – прошептал Гройс, глядя в белеющий потолок.

М-да, на хромой ноге и в наручниках за это время далеко не убежишь.

Старик помрачнел. Он лежал в темноте, покусывая губы, и пытался понять, как можно удрать за сорок восемь часов от обезумевшей бабы.

«Хорошо хоть собаку снова стала пускать».

Но что проку от пса? За два дня его не натаскать кидаться на хозяйку, чтобы перегрызть ей горло. Сказать по правде, ему не удалось бы научить Чарли этому трюку даже за две тысячи дней. Выражение «умная собака» не означает, что вы можете вложить в ее голову все, что хочется. К людям это тоже относится.

Ну же, Миша, не будь бакланом, приказал себе Гройс. Ты всю жизнь кидал лохов. Вот перед тобой смерть, она очень близко, и по рассказам знающих людей, ее лохом не назовешь. Но тебе не привыкать мошенничать. Перехитри ее! Обмани, переиграй. Отвлеки внимание! Пусть глазееет на шарик и наперстки, пока за ее спиной удирает один небольшой тощий старикашка.

«А вот если она решит тебя расчленить, – сказал внутренний голос, – как ты и посоветовал, то двух дней не потребуется. Распилил, раскидал по пакетам и отвез на ближайшую свалку – из тех огромных мусорных городов, где свое население, свои дома и свои кладбища».

Старый ты кретин, Миша Гройс.

Вода смывает грязь. Ирма включила воду на кухне и просто смотрела, как течет струя – час или два, она не заметила времени.

План с похищением Гройса Ирма придумала как сюжет книги. Дала сама себе задание: представь, что нужно описать, как взрослая женщина крадет старика. И у нее все получилось! Конечно, Гройс порой относился к ней безобразно. Но в целом его поведение укладывалось *в рамки сюжета*.

А потом он сумел выбраться из комнаты.

Жизнь, которая почему-то не следует замыслу, грубо вторглась в ее планы. Колонны, державшие сюжет, рухнули, и Ирма осталась среди обломков.

Все, что было упорядочено, превратилось в хаос.

Ни на секунду после случившегося Ирме не пришла в голову мысль: «Что же я наделала». Во всем, что произошло, был один виновник – Гройс. Если бы старик не сбежал, все было бы в порядке. Соседский сторож погиб из-за него, и только из-за него.

Ирма выпрямилась и посмотрела в зеркало. Измученная, но

несгибаемая женщина ответила ей твердым взглядом.

Ты уже хорошо знаешь эту старую сову, напомнила ей женщина. Он лживая тварь с гнилым языком. Думаешь, он не попытается взвалить вину на тебя? Не сочинит историю, в которой не будет ни слова правды, но которой поверят, ведь она будет исходить от несчастного старичка? Его подлости хватит на это.

«Он с самого начала был настроен против тебя, – шепнул внутренний голос. – Ему невыносимы такие как ты: честные, хорошие люди. И вот теперь он не упустит своего шанса подстроить тебе гадость».

А главное, – Ирма взволнованно провела по смявшейся юбке, – главное, он сумеет уйти от наказания. Если в семьдесят четыре года после всех своих омерзительных дел старик не сидит в тюрьме, а наслаждается жизнью, ему и это преступление сойдет с рук. «Подумаешь, какой-то таджик!» – скажут люди. Но человеческая жизнь бесценна. Гройс нарушил законы не только людские, но и божеские.

Он должен ответить за это.

Ирма заварила себе чай, однако не смогла сделать ни глотка. В ее душе бурлило негодование. Бедный, бедный соседский парень! Незаметный как букашка, трудолюбивый как муравей. Жизнь бесчестна, нет в ней справедливости, и если оставить все на волю случая, Гройс уйдет от возмездия.

Она этого не позволит. Нет, не позволит!

– Своими руками, – бормотала Ирма, отмывая еле заметный налет с чашки. – Своими руками!

Она своими руками осуществит правосудие.

За окном стояла ночь. Ирма заглянула к Гройсу и обнаружила, что тот спит. Она постояла над стариком, пытаясь понять, как может подобная дрянь существовать на земле. Любой другой на его месте мучился бы от угрызений совести. Но только не он!

В эту минуту от смерти Гройса отделяло лишь одно: его необдуманно брошенная фраза, что завтра Ирму ждет интересная история. «Старика, безусловно, нужно наказать, – размышляла Ирма (она избегала слова «убить»). – Но будет справедливо, если перед смертью он хоть немного загладит свою вину. Не перед убитым. Перед обществом, перед читателями, которые ждут следующую мою книгу. В ее основу лягут воспоминания Гройса. Пусть хоть так он послужит людям».

Сначала рассказы, а потом... наказание.

Ирма тихонько прикрыла за собой дверь, задумчиво посмотрела на Чарли. Собака зарывает кость. А ей надо зарыть семьдесят кило костей.

Как это сделать?

Только не в лесу!

Если предположить, что таджика найдут, никто не обвинит Ирму. Такой же чурка пришел к нему в гости, они выпили, поссорились, один убил другого и закопал. Но если рядом отыщут труп старика, она неминуемо окажется под подозрением. Найдутся люди, которые видели, как Ирма приходила к нему. Достаточно тоненькой ниточки, связывающей ее с Гройсом, и эта ниточка превратится в веревку, затянутую на ее шее.

Нет, старик должен лежать в другом месте. Так, чтобы никто не сказал: слушайте, да ведь здесь неподалеку дом известной писательницы Елены Одинцовой, да-да, той самой, которая приходила к нему выпрашивать его воспоминания.

А если разделать его? Как курицу?

Ирма представила, что все будет залито кровью, и содрогнулась. Ей никогда в жизни не отмыть дом дочиста.

В сорока километрах отсюда есть одно место... Там почти никто не бывает. Завтра она съездит на разведку, и если ей все понравится, приведет приговор в исполнение.

С рассказом ничего не получилось: Гройс неожиданно уснул сразу после завтрака. Ирма положила ему чуть больше овсянки, чем накануне. Старик облизал ложку, посмотрел на женщину сонными глазами и вдруг начал заваливаться набок. Ирма так перепугалась, что едва не принялась делать ему искусственное дыхание.

– Да не помираю я, – пробормотал Гройс, пока она в ужасе тормошила его и умоляла дышать, что выглядело смехотворно, учитывая ее намерения. – Спать... хочется...

И уснул.

Ирма не знала, что когда ночью она вошла в его комнату, старик притворился спящим. Он лежал, ровно дыша и дожидаясь, когда на его лицо опустится подушка. Или лезвие ножа коснется шеи, если она недостаточно умна и не боится испачкать стены кровью. Но подушка оставляла ему шанс, а лезвие – нет.

Гройс ждал целую вечность, повторяя про себя: нащупать ее голову, схватить за горло, начать душить. Он слишком слаб, он бессилен против здоровой рослой женщины. Но ничего другого не остается.

Ирма постояла над ним и ушла.

Заснуть в эту ночь Гройс больше не смог. Он закрывал глаза и темнота сгущалась в женскую фигуру, возвышавшуюся у его постели. Под утро он

все же провалился в сон, и ему приснилось, что Ирма закапывает его заживо. Старик задергался, позвякивание цепочки разбудило его. В первый раз за все время он благословил свои наручники.

Когда Ирма принесла кашу, Гройс плохо соображал, что происходит. Измученный голодовкой, вчерашним побегом, бессонницей, болью в опухшей ноге, он машинально съел жидкую овсянку.

И крепко уснул.

Ирма мыла посуду, когда раздался стук в дверь. Звонок Ирма отключила: Чарли начинал лаять как бешеный, если звонили в дверь, а мальчишки с дальнего конца поселка часто хулиганили.

«Не буду открывать», – подумала она, мерно вода мочалкой по тарелке.

Постучали еще настойчивее.

«Возможно, это из страховой конторы, – спокойно сказала себе Ирма. – Или почтальон».

За дверью переминался с ноги на ногу симпатичный молодой парень с взъерошенными русыми волосами. В тени акации прятался пыльный черный джип. Если это и был почтальон, он доставлял очень дорогие письма.

Ирма вытерла руки полотенцем и приказала Чарли не лезть под ноги.

– Здравствуйте, – сказал парень. – Вы Елена Одинцова? Меня зовут Макар Илюшин. Я по поводу Михаила Степановича Гройса.

Глава 9

Ночью прошел дождь. Утро выдалось румяным и блестящим, как созревшее яблоко. Гуля катила коляску по парку, высматривая скамейку посуше. Пашка вертелся, дрыгал ногами, пару раз чуть не вывалился, и в конце концов она строго сказала, что так вести себя нельзя, иначе они вернуться домой.

Домой сын не хотел и сразу притих.

Гуля нашла место подальше от мокрых лип, сунула Пашке заранее припасенную новую игрушку. Сидела спокойная, почти умиротворенная, подставляя лицо лучам.

Рыжеволосую женщину она заметила издалека. Рыжих Гуля не любила: все они лгуны. Та несла в руках цветные коробки и рыскала взглядом.

Гуля помрачнела. Каждый день одно и то же!

– У меня денег нет, – неприязненно сказала она, когда женщина свернула с дорожки к ее скамье. Длинноногая, худая, джинсы в обтяжку. Футболка с совой, как у подростка. Противная.

– Я ничего не хотела вам продавать.

– Тогда идите куда шли. Занята скамейка. – Гуля начала сердиться. Отвлечет сейчас Пашку, и не угомонишь его потом.

Торговка не обиделась, улыбнулась. Пышные рыжие волосы стояли дыбом вокруг бледного лица, как будто она с утра забыла причесаться.

– Понимаете, наша фирма сегодня устраивает розыгрыш. Это беспроигрышная лотерея, вы в любом случае что-нибудь получите.

Гуля решительно мотнула головой. Дураков нет. Сначала говорят, что бесплатно, а потом начнут разводиться. Деньги она с собой не взяла, но противно же. Как в навозе испачкалась.

– Пожалуйста, – попросила женщина. – Нужно лишь вытянуть шарик с номером. А я выдам вам приз, и, если хотите, сразу же уйду.

Гуля недоверчиво покосилась на коробки. Красивые... Сразу видно, что с дорогими игрушками.

– А в чем подвох?

– Да нет никакого подвоха, – устало сказала рыжая. – Простите, можно я присяду на минутку? С восьми утра на ногах, никаких сил не осталось.

Вблизи стало видно, что лицо у нее и правда измученное, осунувшееся.

За синяки под глазами Гуля внезапно простила ей и длинноногость, и худобу, и дурацкую футболку.

– А чего бегаєте-то? – уже миролюбивее спросила она.

– Да начальство приказало сегодня разыграть все эти коробки до одиннадцати утра. Для них это вроде рекламной акции. А кто в такую рань будет гулять?

– Вы ж их, получается, на халяву отдаете! – удивилась Гуля.

– Да, но кому попало нельзя. Надо, чтобы ребенку досталось.

Гуля совсем подобрела.

– Ладно, давайте сюда вашу лотерею.

Вытащила из мешочка шарик с номером и получила перетянутую скотчем коробку с деревянной машинкой – новой, крепкой. Обрадовалась так, словно это она маленькая и ей вручили чудесную игрушку.

Пока женщина отдыхала, они незаметно разговорились.

Случайный прохожий, идущий мимо полчаса спустя, мог бы услышать обрывок диалога.

– ...хороший человек, ничего не скажу.

– Чем же хороший?

– Добрый, ни разу словом злым не обидел. От Пашки не морщится. Я же вижу, как у других от него морды сразу делаются перекошенные.

– А кем работает?

– Не знаю, не говорит. Но богатый. Машина своя, всегда при деньгах. Лекарства привозит, продуктами помогает.

Гуля помолчала.

– Мы ему, конечно, не нужны...

Она сказала это с удивительной простотой и каким-то величавым смирением.

– Откуда вы знаете?

Гуля улыбнулась ее наивности.

– Такое всегда видно. Плохо, что я сама прикипела к нему сильно. – Она вздохнула. – Тимур красивый очень. Ласковый. Я возле него отогреваюсь. Так-то все одна да одна, вон в парк выйти по солнышку – счастье. Лето кончится, начнется грязь да снег. Коляску не протолкнешь. Буду дома сидеть, в четырех стенах, как зверь. А я люблю тепло! – Она мечтательно сощурилась.

– Почему одна? – спросила женщина с какой-то странной тревогой. – У вас друзей разве нет? А семья, родители?

Гуля с улыбкой покачала головой. Про семью говорить не хотелось, она и не стала.

Пашка завозился, изломанными своими ручонками задергал в воздухе. Она поправила на нем сползшее одеяло.

– Знаете, мне самой такие дети прежде казались кем-то вроде инопланетян. Не отсюда. Я смотрела и не понимала: что с ними делать? как жить? Потом этот вот товарищ родился, – она кивнула на инвалидную коляску. – Оказалось, что я теперь тоже инопланетянин! Живет с тобой такое вот существо... И перетягивает тебя на свою сторону. Не в том смысле, что становишься больной. Но перестаешь быть с теми, кто здоровый. Понимаете?

– Кажется, да, – сказала рыжая.

Она очень внимательно смотрела на Пашку. Не понимает, подумала Гуля.

– В общем, стало так: вокруг люди, а мы – инопланетяне. Как с нами обычному человеку общаться? Да и зачем, когда вокруг столько своих. Вот еще какая беда: люди боятся чувствовать настоящее. Пашка ведь многим не нравится. Он неприятный. Нет, правда... что вы головой качаете? На калеку смотреть почти всем противно. И вот этой брезгливости люди в себе пугаются. Понимаете? Не Пашку пугаются, не болезни нашей. А себя. Теперь уже в них инопланетянин завелся – маленький, со щупальцами, покусывает. Вот.

Гуля нагнулась, сорвала травинку, сунула в рот. В лице ее, бледном, немного отрешенном проявилось вдохновение, как будто она рассказывала библейскую притчу маленькому ребенку.

– Помните фильм про Чужих? Американский, страшный такой.

– Помню, – сказала рыжая.

– Сначала Чужие – это все другие, непохожие. А потом раз! – и Чужой уже ты сам. Поживешь-поживешь, поплачешь-поплачешь, понемногу и привыкнешь к себе. В зеркало утром глядишься и думаешь: а ведь у меня и жвалы ничего, и эти, как их... присоски. Выйдешь на улицу, а Чужие-то снова вокруг! Так оно туда-сюда и раскачивается. Я раньше думала, что умнею. – Гуля улыбнулась. – Теперь думаю: нет, просто глупость моя из меня потихоньку вытекает.

Женщина покосилась на инвалидную коляску. Пашка дремал.

– Вы извините, что я на вас нагавкала поначалу, – стеснительно сказала Гуля. – Подходят всякие, начинают книжки дорогущие предлагать. Я сразу нищей себя чувствую.

– Это вы меня простите.

– За что?

Рыжая замешкалась с ответом.

– Я вас отвлекла, – сказала она наконец и отвела взгляд. – Вы отдыхали...

– Что вы! – горячо возразила Гуля. – Знаете, как приятно с хорошим человеком поговорить! Которому ничего от меня не надо. Чтоб не обманщик, не пройдоха какой...

Женщина встала. Щеки ее порозовели. Ну конечно, она ведь рыжая, а они сгорают махом. На солнышке посидела – и готово.

– Можно я вам это все оставлю? – скороговоркой проговорила она. – До свиданья!

Водрузила свои цветные коробки на скамейку – и быстро пошла прочь, Гуля даже попрощаться не успела.

Она немножко поудивлялась такому неожиданному бегству, а потом сообразила: рыжая решила, что ей сейчас в друзья будут навязываться! А у Гули совсем такой корысти не было. Она даже обиделась немного.

Но потом отогрелась на солнце, полюбовалась на неожиданные подарки, и обида ушла.

Рыжеволосая женщина пересекла парк, свернула в ближайший проулок и села в черный джип, припаркованный в тени.

– Получилось? – спросил Илюшин.

Бабкин, ни слова не говоря, поцеловал жену в лоб и протянул ей бутерброд. С утра они выскочили из дома без завтрака, боясь не застать Гулю: Динара предупредила, что та выходит гулять очень рано.

– Отвратительно себя чувствую. – Маша поежилась. – Как будто выманила тайну у ребенка. Бедная девочка...

– Что она рассказала?

– Никакого алиби на понедельник у вашего Садыкова нет. – Маша утвердительно кивнула, глядя на обрадованные лица напарников. – Вчера он не приезжал и даже не звонил. Кстати, вы знаете, что у него есть машина?

– Какая машина? – удивился Макар. – Сестра говорит, он бедняк-голодранец.

– «Тойота-Камри». И не подержанная, а новая.

Маша с аппетитом откусила от бутерброда. Искося поглядывая на жену, Бабкин подумал, что они правильно сделали, отправив на встречу именно ее. Ни ему, ни Макару, при всем его обаянии, не удалось бы разговорить любовницу Садыкова. А от Машки исходит ненавязчивый интерес, доброжелательное тепло, в лучах которого хочется согреться, и люди открываются ей легко.

– У тебя вид усталый, – с жалостью сказал он. – Доешь, потом рассказывать будешь.

– «Игру престолов» смотрела до утра. Слушайте, ваш красавец определенно врет сестре. У него есть деньги.

– Машину, допустим, он мог брать у приятелей, – задумчиво сказал Макар. – Пустить пыль в глаза.

Маша с сомнением покачала головой.

– Нищей девочке с сыном-инвалидом? Он дважды за год вывозил ее и мальчика в Подмоскowie на целую неделю. «Русские зори», дорогой пятизвездочный пансионат. Бассейн, уклон в экологический туризм, рядом поля для гольфа. Это стоит больших денег.

– Слушай, а она не врет? – озадачился Сергей.

– Вряд ли. Она мне с таким вдохновением рассказывала про шведский стол на завтрак, про то, как они с Тимуром и Пашей на лодке плавали по озеру... Кучу подробностей выложила. Говорит, никогда в жизни не бывала в таком красивом месте.

Бабкин быстро записывал.

– Маш, часто этот хмырь ее навещает?

– Раз в неделю, иногда реже.

– А Динара утверждает, что он через день у любовницы. – Макар коротко насвистел какую-то песенку. – В общем, братцы, как и предполагали, мы с вами имеем лжеца. Деньги у него есть. Где он их добывает, если не работает? Или ему жена подкидывает на отдых с любовницей?

– Я же говорил, сестра ничего о нем не знает! – гнул свое Сергей.

– Он солнечный парень, теплый, – вдруг сказала Маша. – Ничего не обещает, но ничего и не требует. И сквозь пальцы утекает, как вода. Гуля говорит, пыталась его расспрашивать о жизни, о семье, но он просто улыбался и молчал. От другого человека это было бы обидно, а от него нет.

На заднем сиденье Илюшин взмахнул рукой, выгоняя случайного комара.

– Отлично, наши догадки подтвердились. Что дальше?

Сергей полностью открыл свое окно, чтобы по салону свободно шлялись сквозняки. Ветер взъерошил светло-рыжие волосы его жены, и Бабкин с трудом удержался от ласкового жеста. Он стеснялся.

Временами ему казалось, что рецепт счастья найден. Женщина, которую любишь; друг, которому доверяешь; работа, которая в лучшие дни не кажется таковой. Он помнил те годы, когда работал в милиции. Оперативник из Сергея получился отличный, и дело было ему по душе. Но

в нем всегда жило понимание: это лишь занятие, которым ему повезло зарабатывать на жизнь. А рядом с Илюшиным как-то так хитро получалось, что их работа стала образом жизни, позволявшим зарабатывать на другие занятия. Например, скалолазание, которым он недавно увлекся (инструктор, кажется, боялся, что новый ученик обрушит ему стенку, но молчал).

Рядом с Илюшиным жить было легко. Непросто, но легко.

Задумавшись над этим противоречием, Сергей покосился на друга. Его занимал вопрос, как тот собирается изъять диадемы у Садыкова.

Но Илюшин думал о другом:

– У него были сообщники, минимум три человека. Где он их нашел, если не на работе?

– Кстати, о его тунеядстве мы тоже знаем от Курчатовой, – напомнил Сергей. – А ее словам доверять нельзя.

– Надо бы помотаться за ним денек-другой. Тачку быстро найдешь?

– Найду. «Реношечку» какую-нибудь серенькую.

– А эта вас чем не устраивает? – удивилась Маша.

В салон залетел то ли второй комар, то ли соскучившийся первый.

– Слишком приметная. – Илюшин снова замахал на него руками, но комар ловко уворачивался и пищал ругательное. – Даже очень ненаблюдательный человек быстро заметит, что за ним по пятам ездит здоровенная черная дура.

– Сам ты здоровенная черная дура, – обиделся Бабкин. – Нормальный паркетник. Не гони!

Илюшин уже не слушал. У него пискнул телефон: «Новое сообщение».

– У меня тут вопрос назрел, – сказал Сергей. – С чего ты взял, что удастся сесть Садыкову на хвост? Он вчера взял диадемы, сегодня запрется в квартире и станет бухать.

Илюшин молчал. Маша откинула сиденье и сонно возразила:

– Он непьющий.

– Ну просто в телевизор будет тупить, – не сдавался Сергей. – Зачем ему выходить из дома? За сигаретами жену пошлет.

Маша отыскала глазами часы.

– Садыков выйдет из дома через... дай сообразить... около двенадцати.

– Откуда ты знаешь?

– У него тренировки в «Бешеном гризли» три раза в неделю. В час дня.

Макар отложил телефон:

– В «Бешеном гризли»?

– Так Гуля сказала.

– Слышь, начальник, – растягивая слова, прогнусавил Бабкин. – Я вот не могу позволить себе такой дорогой спортклуб, да еще и трижды в неделю. Зарплату мне поднять не хочешь?

– Ты и без клуба бешеный, – думая о чем-то своем, сказал Илюшин. – Незачем усугублять. Маша, ты знаешь, что он вчера сделал?

– Что?

– Убью! – пригрозил Сергей.

– Убьет, – загрустил Илюшин. – Позже я тебе расскажу, как отличился твой супруг. Теперь к делу. Маш, номер «Тойоты» Садыкова случаем не известен?

Она с сожалением покачала головой.

– Даже для Машки это было бы чересчур, – хмыкнул Сергей. – Достаточно того, что знаем марку. Ты мне фото героя распечатал?

– Держи.

Фотографию брата Динара Курчатова сбросила Макару на телефон, но Бабкин, по его собственному выражению, был ретроград и всем электронным носителям информации предпочитал старые добрые бумажные.

– Поставь маячок на машину, – сказал Макар. – И если получится, пройди за ним в тренажерку. Парень занимается трижды в неделю, сообщников мог найти в зале.

– А сидеть за меня ты будешь? – флегматично поинтересовался Сергей. – Маячки у нас запрещены законом.

– Тебе это помешает?

Бабкин ухмыльнулся:

– Поставлю, черт с тобой. Что еще?

– С татуировкой след дохлый. Как мы и думали.

– Кто сказал?

– У меня есть знакомый, который держит свой салон, я надеялся, его мастера что-нибудь подскажут. Он мне только что написал. Все они в один голос твердят, что по нескольким словам из песни клиента отыскать невозможно. Вот если бы он все пять куплетов набил, тогда еще можно было на что-то надеяться.

– Значит, идем за Садыковым, – подытожил Бабкин. – А ты пока решай своим гениальным мозгом вторую часть задачи: где прячут Гройса.

Макар задумался. Обрадовавшийся комар подкрался к нему и стыдливо куснул за плечо.

– Черт! – Илюшин хлопнул по руке, но промахнулся.

Ветер закрутил на асфальте пылевой смерч. Комар, хохоча во все горло, выскочил наружу и умчался навстречу набирающему силы летнему дню.

Картошка, картошка... Грязная дешевле, чистая дороже. Гуля делала так: покупала ту, что в земле, отмывала, раскладывала по пакетам и клеила сверху ценник. Этот маленький самообман на следующий день дарил ей несколько приятных минут, пока она воображала себя разбогатевшей.

Ожидая, когда закипит вода, Гуля принесла на кухню подарки случайной знакомой.

Она распаковывала одну коробку за другой с доверчивым предвкушением ребенка, облагодетельствованного богатой родней. Деревянная машинка, так приглянувшаяся ей; конструктор, собрать который Пашке, конечно же, не под силу; алфавитные кубики; маленький пластиковый дракон с зубастой пастью. Дракон ее заворожил. Гуля погладила шипастую спину, перевернула его кверху брюхом.

На животе дракона было выцарапано ручкой «Фарамир».

Несколько секунд Гуля смотрела на него, не понимая, как на фабричной игрушке могла оказаться эта надпись. Но упаковка рассеяла ее недоумение. При внимательном рассмотрении Гуля заметила то, что не бросилось ей в глаза сразу: коробка была дракону великовата. Он продавался не в ней.

У этой вещицы прежде был владелец.

В комнате закричал сын. Гуля отошла, чтобы успокоить его, и вернулась сосредоточенная и хмурая.

Она внимательно осмотрела все коробки. Кроме первой, драконьей, остальные подходили. Но их открывали прежде. Гуля видела следы, замаскированные полосками скотча. Видела помятости, потертости.

Брезгливо отодвинув подарки, она вспомнила детали утренней встречи. Мелкие подробности, которым она не придала значения, теперь пульсировали перед глазами, взывая: «смотри на нас! смотри!»

Руки. У рыжей был безупречный маникюр. Салонный, с гелевым покрытием.

Одежда. Джинсы с майкой не показались Гуле дорогими, но яркие кроссовки запомнились. Она вбила в поисковик название – «Нью баланс» – и ахнула, увидев стоимость одной пары.

Запах. Чем-то пахло от рыжей тонким, нежным, цветочным, словно пион пронесли неподалеку.

«Какая же я дура».

Картошка требовательно булькала в кастрюле, но Гуле было не до нее. Она нашла в сумке телефон.

– Тимур? Да, знаю... знаю, прости. Послушай, кое-что случилось. Ко мне подходила женщина, расспрашивала о тебе. Худая такая, лицо бледное. Притворилась, будто продает игрушки. А сама старые мне подсунула, ими уже играл кто-то.

Она чутко уловила, как его раздражение сменилось тревогой.

– Волосы рыжеватые такие. Глаза? Не знаю... серые, кажется. Про работу твою, про нас... Как мы отдыхали...

Гуля сжалась, вспомнив, как много она выболтала этой лживой дряни. Ей захотелось плакать.

– Тимур, это из полиции? Они выслеживают тебя?

Он забормотал что-то утешительное. Нет, не из полиции. Он ничего не сделал. Это от одной старой знакомой... Мстительной знакомой... Он с ними разберется. Пусть она не переживает, она умница и молодец.

Ласковое журчание его голоса омывало ее, страх и тоска утекали.

– Они не навредят тебе? – уже спокойнее спросила Гуля.

Ни в коем случае, заверил Тимур. Это просто глупые и жадные люди, они могут навредить только самим себе.

– Когда ты будешь с ними разговаривать... – сказала Гуля. – Если тебе попадется эта рыжая... Ударь ее и скажи, что от меня. Пожалуйста.

В квартире Гройса было чисто и тихо. Уходя в прошлый раз, Илюшин прихватил с собой запасной комплект ключей – интуитивно, не рассуждая. Сегодня онигодились.

Он медленно обошел спальню, бездумно скользя взглядом по стенам, шкафам, кровати... Провел пальцем по прутьям клетки: тр-р-р-р!

«Где же ты, старый мошенник? Динара Курчатова солгала. Мы потеряли четыре дня, убежденные, что ты валяешься в какой-нибудь гнусной съемной хате под воздействием снотворного, но в безопасности. С каждым новым днем наши шансы найти тебя живым все меньше».

Макар заново прошерстил файлы, просмотрел записи старика. Он напоминал себе глупца, который ищет на безмятежной водной глади следы лодки, унесенной рекой. Надо бежать вниз по течению, а не рассматривать волны.

Но куда, куда бежать?

Он крутился в квартире, точно пес в пустом дворе, нюхающий воздух в надежде учуять забытую кость. Вот что я делаю, подумал Макар. Нюхаю воздух.

Он остановился перед книжным шкафом. Толстой, еще один Толстой, Лесков, Мельников-Печерский, историческая литература, мемуаристика... Все истрепанное, захватанное, потертое...

Интересно, порадовал бы Гройса ридер? Стал бы старик пользоваться им? Закачал бы туда две тысячи текстов, которых хватило бы до окончания века?

Нет, вряд ли. К его возрасту уже отбираешь книги, как людей. Десяток знакомых, дюжина приятелей, трое действительно близких, к которым можно прийти с любой бедой.

Где эти трое?

«Что ты чаще всего доставал из своего шкафа, старик?»

Илюшин всерьез задумался, что любил перечитывать Гройс. Он отвлекал себя, занимал голову пустяками, создавая ничего не значащий информационный фон, позволяя своим мыслям лениво скользить, не задерживаясь ни на одной идее всерьез.

Да у него и не было идей.

«Толстой?»

«Чехов?»

«А, вон Салтыков-Щедрин стоит, полное собрание сочинений».

Илюшин открыл стеклянную дверцу. Послышался шорох, словно десяток летучих мышей вырвался из пещеры, и с верхней полки на Макара посыпались журналы. Они планировали на пол, распахивая на лету страницы, с которых улыбались обнаженные девицы. Брюнетки, блондинки, азиатки, негритянки, кудрявые и стриженные, пышнотелые и худые – здесь были девушки на любой вкус. Гройс не отдавал предпочтения какому-то одному типу. Он ценил женскую красоту во всех ее проявлениях.

Макар присвистнул. Перед ним, призывно раскинувшись, поблескивали глянцевыми листами журналы «Плейбой». Восемьдесят девятый год... девяносто второй... две тысячи пятнадцатый...

«Похвальная верность традициям!»

Он захохотал и стал собирать журналы. Чехов, Чехов...

Пока Макар распахивал сокровища Гройса по полкам, взгляд его привлек красный корешок. Сперва он обратил внимание на цвет, затем прочел название и ошарашенно протянул: «Э-э-э-э».

«Высокая кулинария. Девяносто девять способов жарки рыбы в ее отсутствие».

Что за чушь?

Вытащив книгу, Илюшин обнаружил, что это дневник. Похоже, старик

заносил сюда всякие мелочи: стоимость продуктов, напоминание об именинах домработницы (внизу был перечень возможных подарков), отзыв о ресторане... Запись за четвертое июня: «Елена Одинцова. Спросить, откуда узнала телефон».

И под ней примитивный рисунок: женщина в юбке ниже колена, с овечьим выражением лица.

Он сфотографировал рисунок, сел за компьютер и быстро выяснил, что Елена Одинцова – известная писательница, работающая в детективном жанре. Фотография на обложках ее книг не оставляла сомнений: на рисунке была именно она.

– Спросить, откуда узнала телефон? – вслух протянул Макар.

Он запер квартиру, спустился к подъезду, где в палисаднике немолодая женщина вдохновенно рыхлила землю вокруг пышного розового куста.

– Эту даму? – женщина взгляделась в фотографию на экране смартфона. – Видела, да. Неделю назад, может и больше. Лицо знакомое, должно быть, актриса. К кому? Да откуда ж мне знать, милый.

Разузнать адрес оказалось сложнее, но Макар справился. Вскоре он вел машину Сергея по Киевскому шоссе.

Сотрудник издательства сказал, что Одинцова живет на два дома: квартира в Москве и дача в небольшой деревушке. «Километров сто от столицы. Но говорят, дыра дырой, фиг проедешь. Летом она обычно там».

Илюшин заехал в квартиру, предсказуемо никого не застал и попросил навигатор довести его до деревни под названием Гребешково. Уже на выезде из Москвы он сунул в ухо телефонную гарнитуру и позвонил напарнику.

– Серега, я у тебя тачку взял. Могу поцарапать.

– Я тебе тогда лицо поцарапаю, – пообещал Сергей. – Далеко намылился?

– За три часа обернусь. Поговорить надо с некоей Одинцовой. Потом расскажу. Что у тебя?

– В зал разовых абонементов нет, – голос Бабкина звучал устало. – Торчу снаружи как три тополя на Плющихе. Жрать хочу.

– А Садыков?

– А Садыков не хочет – у них там внутри два ресторана, у буржуев.

– Серега!

– Да там он, там. Не бойся, не пропущу я его.

– Он по дороге никуда не заезжал?

– Нет. Помахал жене, сел в «Тойоту» и напрямиком в клуб.

– Тебя не заметил?

– Ну если и заметил, здороваться не подошел.

Илюшин свернул с шоссе на двухполосную дорогу, ведущую мимо заброшенных деревень. Вдоль обочины торчали рекламные щиты, с которых улыбалась красавица в пеньюаре, и подпись под ней сообщала, что рекламное место свободно.

Илюшин вспомнил журналы Гройса в книжном шкафу и фыркнул.

– Ты чего там хрюкаешь? – подозрительно спросил Бабкин.

– Да так, потом расскажу. Слушай, а ты не хочешь попробовать свое искусство взломщика на двери Садыкова?

– Забудь! – отрезал Сергей. – Хватит того, что я маячок прилепил ему на брюхо. Исчерпал, так сказать, месячную порцию преступлений.

– Надеюсь, Садыкову хватит ума не прятать диадемы в шкафчике, – подумал вслух Илюшин.

– Да нет, вряд ли. В смысле, вряд ли спрячет. Диадемы или у него в квартире, или у подельников, если только они еще их не слили. Запросто!

Машина подпрыгнула на выбоине, и Макар чертыхнулся.

– Ты чего это там? – насторожился Бабкин.

– Да ерунда!

– Рули давай осторожнее!

– Серега, тут ямы.

– Тогда вылезай из тачки и топай пешком! – рявкнул Сергей. – Угровишь мне подвеску, я тебя сам подвешу за что-нибудь.

– Бездушная железяка тебе дороже моей задницы, – сокрушено сказал Макар.

– Бездушный – это ты. Надо было тебе со мной ехать. Чередовались бы. Желудок, блин, сводит от голода! А я даже за шаурмой не пошел. Хотя она тут неподалеку и пахнет, сволочь.

– В ресторан при клубе попроситься не пробовал?

– Пробовал. Сказали, рылом не вышел.

– Рыло у тебя гнусное, – согласился Илюшин. – Я бы тебя даже в «Крошку-картошку» не пустил, если честно.

Ему слышно было, как Бабкин мрачно сопит в трубку. Внезапно сопение оборвалось.

– Садыков вышел? – быстро спросил Макар.

– Да. С ним четверо. Все, отбой.

В телефоне раздались гудки.

– Интересно, что дальше, – пробормотал Илюшин.

– Через триста метров поверните налево, – предложил навигатор.

– Убедил.

Сорок минут спустя Макар вышел из машины.

– Вы приехали, – благосклонно сообщил нежный женский голос.

Илюшин задрал голову и окинул взглядом верхушки сосен.

Вокруг шелестел лес. Проселочная дорога, вилявшая последние пять километров так, словно ее прокладывал пьяный мул, привела его в сосновый бор, и здесь маршрут навигатора закончился. От развилки, где стоял Илюшин, расходились три колеи, неотличимые друг от друга.

– Да вы издеваетесь! – весело сказал Макар.

Он прошел вперед и остановился перед тремя дорожками.

«Направо пойдешь – коня потеряешь, себя спасешь. Налево пойдешь – себя потеряешь, коня спасешь. Прямо пойдешь – и себя, и коня потеряешь».

– За коня мне Серега башку оторвет.

Он сел за руль и свернул на левую дорогу.

Гребешково выскочило перед ним через пару километров. Макар ожидал руин и запустения, выбитых окон и сгнивших дверей. Но избышки, хоть и маленькие, смотрели на него сквозь чисто вымытые стекла, как старушки сквозь очки. Возле домов крутились дети и коты – верный признак, что деревня жива. По тропинкам стрижами гоняли мальчишки, сверкая спицами велосипедов. Две дачницы в соломенных шляпах болтали на ступеньках магазина с покосившейся вывеской «Продуктовый». У них Макар узнал, где нужный ему дом, и двинулся дальше, провожаемый любопытными взглядами.

Одинцова жила на дальнем конце деревни. «У них там свой квартал», – сказала одна из женщин. Свернув в проулок, Илюшин понял, о чем речь.

Когда-то Гребешково решило вторгнуться в лес. Оно выбросило длинное извилистое щупальце новой улицы и пыталось отвоевать территорию. Но что-то пошло не так, и участки вдоль дороги остались без хозяев. Кое-где виднелись разрушенные фундаменты. В паре мест из желтого ковра опилок поднимались банные срубы. Но жилых домов было всего два, и оба – в самом конце тупика.

«Скромно живет известная писательница Одинцова», – сказал себе Макар.

Белый домик, чистенький и аккуратный, соседствовал с двухэтажным кирпичным коттеджем. Перед ним зеленела ровная лужайка постриженной травы.

Илюшину вспомнился рисунок Гройса.

Женщина, открывшая дверь, оказалась милой, старомодно выглядящей дамой лет пятидесяти. Под ногами ее вертелся небольшой лохматый пес.

– Место, Чарли, место!

Пес не послушался.

Илюшин вкратце объяснил, в чем суть дела.

– Да-да, я приезжала к Михаилу Степановичу, – кивнула Одинцова. – Могу вам рассказать подробности. Вот только... – она как будто прислушалась. – Вы не против прогуляться? Чарли все утро сидит дома, он будет вам очень признателен.

Илюшин и сам с удовольствием размял бы ноги. Для человека, предпочитающего жизнь затворника, Одинцова вела себя исключительно любезно. Они пошли по дороге, заросшей травой, – верный признак, что здесь давно никто не ездил.

– Я собираюсь писать книгу о казино, – говорила писательница. – Никак не могла собрать материал. Обычно издательство подбирает для своих авторов консультантов, но тут они не смогли никого отыскать. И вдруг большая удача! У кого-то из редакторов нашелся телефон Михаила Гройса. Ничего серьезного – они вместе проворачивали какие-то дела, потом отмечали успех, и этот человек запомнил, что Михаил Степанович был частым посетителем игорных столов. Я позвонила ему, он согласился меня принять.

– Вы не заметили ничего странного во время этого визита?

Одинцова покачала головой.

– У нас был довольно короткий разговор. Михаил Степанович, оказывается, надеялся, что я приглашу его соавтором. Узнав, что мне всего лишь нужна консультация, он обиделся. Вида не подал. Но я же писатель, – она позволила себе скромную улыбку, – я чувствую любую перемену в отношениях. От него повеяло холодом, и я поспешила уйти.

– И все? – разочарованно спросил Макар.

– Боюсь что да. Чарли! Чарли, ко мне!

Пес притворился, что не слышит. Он исследовал куст репейника и собирался забраться в самую гущу.

– Что за невоспитанная собака! Сейчас же ко мне! Я накажу тебя, Чарли!

– Как он выглядел? – спросил Макар, наблюдая за ее тщетными попытками призвать пса к ответу.

– Честно говоря, мне показалось, что он болен. Я сама ухаживаю за старенькой родственницей, привыкла вглядываться в стариков. Возможно,

кто-то сказал бы, что Михаил Степанович бодр и полон сил. Но мне было видно иное.

– Что именно?

– У него дрожали руки. Я трижды называла свое имя, и трижды он его забывал. В конце концов ему пришлось записать его. Он постарался сделать это так, чтобы я не заметила, но... – Одинцова выразительно развела руками.

Илюшин в удивлении остановился.

– У него плохо работала голова? В самом деле?

– Я бы сказала, Михаил Степанович очень тщательно притворялся, что она работает хорошо. По-моему, он сам понимал, что с ним происходит что-то не то.

«Черт возьми! Моня с Семой клялись, что старик свеж как огурец!»

– Вы не заметили, что он чего-то боится?

Одинцова задумалась.

– Он дважды подходил к окну, – сказала она наконец. – Может быть, он действительно в эти минуты выглядел испуганным. Ах да! Вспомнила! Я попросила его рассказать какой-нибудь случай из жизни. Со слов нашего общего знакомого у меня сложилось впечатление, что у Михаила Степановича была довольно богатая биография.

Илюшин с трудом удержался от ухмылки.

– Он наотрез отказался, – продолжала Одинцова. – И произнес такую фразу: «Наше прошлое всегда догоняет нас, хотим мы того или нет». Мне кажется, именно тогда он в первый раз и подошел к окну.

Макар насторожился.

– Гройс что-нибудь добавил? Что-нибудь кроме этого?

Женщина в замешательстве потерла лоб.

– Не помню... Кажется, что-то про гостиницу... Он говорил не со мной, а бормотал себе под нос, это было такое типичное старческое дребезжание. На несколько секунд он вообще забыл о том, что я присутствую в комнате.

– Почему вы так решили?

Одинцова слегка покраснела.

– Он... м-м-м-м... расслабился.

– Простите?

Она вздохнула, и тогда Макар сообразил.

– Ясно, – в легком замешательстве протянул он.

Час от часу не легче. Старик чего-то опасался, забывал имя гостя, пугал и требовал соавторства.

«Черт бы побрал обоих ювелиров».

Он попытался разузнать другие подробности их встречи, но Одинцовой почти нечего было добавить.

– Он постоянно ежился, как будто ему холодно, – вспомнила она. – Хотя в комнате было тепло, да и на улице в тот день стояла прекрасная погода. Я была огорчена, что приехала напрасно, и боюсь, мы расстались довольно быстро.

Перед прощанием Одинцова очень мило извинилась, что не может пригласить Илюшина в дом.

– Я бы с радостью угостила вас морсом. Хотите домашнего морса?

Макар представил, чем отзовется ему домашний морс, когда он застрянет в пробке, искренне поблагодарил и отказался.

– Чарли, пойдем домой!

Пес заискивающе вильнул хвостом, словно извиняясь за непослушание, скакнул в сторону и скрылся в глубине сада.

На обратном пути Илюшин размышлял о новых фактах. Гройс не показался Одинцовой тем здоровым, разумным, бодрым, полным сил человеком, каким описывали его друзья. «Имя забыл... Соавторствовать желал...»

– Еще и гостиница!

Последние годы старик владел небольшим отелем, который, если верить ювелирам, он оставил внучке или племяннице. Если его бормотание о гостинице относилось именно к «Чайке», значит, дело могло тянуться в прошлое Гройса или было связано с его родственницей. А вот если он не чувствовал себя дома в безопасности и хотел смыться подальше, сняв где-нибудь номер...

Макар чертыхнулся и завел мотор.

Тимура Садыкова, выходящего из здания спортивного клуба, Сергей Бабкин узнал, как ни странно, не по фотографии, а по описанию Маши. Ни разу не встречаясь с ним прежде, она, поговорив с его любовницей, назвала Тимура «солнечным парнем». Услышав эту характеристику, Бабкин недоуменно усмехнулся, но едва Садыков показался на пороге, догадался, что имелось в виду.

Высокий черноволосый мужчина с мальчишеской улыбкой забросил сумку на плечо. Смуглый, белозубый, он походил на героя прерий с рекламных плакатов «Мальборо». «Мог бы быть актером», – подумал Сергей, но сразу понял, что для актера Садыков слишком зауряден. Он притягивал внимание именно жизнерадостностью, выражением какого-то

веселого ожидания на красивом лице, будто мир только и делал, что преподносил ему приятные сюрпризы.

За ним вышли еще четверо. Бабкин сразу подобрался.

Садыков был в этой компании своим, и если не руководил, то, во всяком случае, пользовался авторитетом – это было видно по тому, как к нему обращались, по улыбкам, появлявшимся на лицах, едва он начинал говорить, – по десятку мелких признаков, заметных внимательному наблюдателю.

Бабкин рассмотрел группу поддержки Тимура.

Один – боксер. Самый низкорослый из всех, сутулый, с носом затейливой конфигурации. Бабкин сам занимался боксом и своих узнавал с полувзгляда.

Еще двое – мускулистые молодые ребята лет двадцати пяти, неуловимо напоминающие пару агрессивных гусаков.

Четвертый – длинный, тощий, с дергаными движениями – навел Сергея на мысль, что перед ним наркоман. Лицо у него было отталкивающее – с очень длинным, будто прорезанным ртом, непропорционально большим для узкого вытянутого лица.

Он успел сфотографировать каждого, пока они разговаривали. Тощий закурил, Садыков недовольно разогнал ладонью дым и пожал руки приятелям. Шагнув на ступеньку вниз, он рассеянным взглядом обвел стоянку. Стекла у арендованной машины были не тонированные, прятаться Бабкину было негде, так что он притворился дремлющим. Скромный «Рено», который в уличном потоке был незаметен, как мышь среди собратьев, на парковке выглядел бедным родственником.

Следуя за Садыковым по проспекту, Бабкин пытался угадать, куда он едет. Не выбрал путь домой, проехал поворот к любовнице...

Белая «Тойота» свернула в переулок. Многоэтажки, высокие и безликие идола нового города, сменились хрущевками. Плескались листья, раскачивалось белье на ветру, монотонно громыхал трамвай на параллельной улице, и в этом было столько уюта, что на секунду Бабкин забыл, куда и зачем он едет.

Но тут у машины Садыкова замигал поворотник.

«Куда же ты, голубчик? Или у тебя здесь еще одна подружка?»

Сергей проехал мимо «Тойоты», и сердце у него забило чаще. На первом этаже дома он заметил неброскую вывеску «Ломбард».

Он резко затормозил – сзади возмущенно засигналили – и вильнул к бордюру. Черт, черт!

Беззвучно завибрировал телефон. Макар!

– Садыков возле комиссионки, – торопливо проговорил Бабкин, не отрывая взгляда от «Тойоты».

Илюшин соображал быстро.

– Сволочь! – в сердцах сказал он. – Уже идет к ней?

– Нет, торчит в машине.

– И у него с собой спортивная сумка.

– Ну еще бы! – с горечью сказал Сергей. – Он же, падла, как раз из клуба.

– Люди вокруг есть?

Бабкин огляделся. Улица тихая, но мимо время от времени проезжают машины, да и на балконах наверняка сидят старички, выползшие погреться. Он прекрасно понимал, о чем в действительности спрашивает его Илюшин. Возможно, они оказались правы в своем нелепом предположении. Садыков, похитив диадемы, не придумал ничего лучше, чем оставить их в клубе. В комиссионке его ждет «барахольщик» – скупщик краденого, от которого диадемы уйдут уже совсем в другие руки. Уплывут сверкающими золотыми рыбками с бриллиантовой чешуей.

Если так, Садыков выйдет из машины с сумкой. Их единственный шанс вернуть украденное клиенту – вырвать ее и сбежать.

– Грабителя из меня лепишь, – вздохнул Сергей. – Под монастырь подводишь, начальник.

– Так что с народом?

– Встречаются экземпляры... единичные...

– Тогда сиди, не дергайся.

Бабкин хмыкнул. Макар верно истолковал этот звук как намерение перейти к активным действиям.

– Слышь, дружище, не дури, – попросил он. – Ну не повезло в этот раз. Бывает. Ты с самого начала говорил, что дело провальное. Я ошибся.

– Что ж он, сука, затаился... – пробормотал Сергей.

– Засветишь номер тачки, тебя мигом отыщут. Все, отбой, черт с этими диадемами.

– Ну как же черт. Там сапфиры. Бриллианты! Эти... черные... как их...

– Серега, я сказал – отбой.

В голосе Макара зазвучал металл.

– Выходит! – встрепенулся Бабкин.

– Сиди на месте!

Садыков потянулся, покрутил головой, разминая шею. И двинулся к ломбарду.

– Не вздумай рвать сумку! – отчеканил Илюшин.

- Да нет у него никакой сумки, – усмехнулся Сергей.
- Нет?
- Не-а. Пустой идет. И руки на виду.
- А рюкзак? Борсетка? Портфель?
- Авоська? Кошелка? Саквояж? – передразнил Бабкин. – Макар, расслабься. Он отсюда как на ладони. Диадем у него точно при себе нет.
- Славно! – совсем другим тоном сказал Илюшин. – Сбрось мне пока адрес этого ломбарда. Попробую узнать, кто там сидит. Ты его случайно через окна не видишь?
- Нет, они в рекламных щитах. Зайти внутрь? Рожу светить не хочется.
- И не надо. Жди снаружи, потом аккуратно веди его дальше. И Серега!
- Чего? – спросил Бабкин, наблюдая за входом в магазин.
- Ключевое слово – аккуратно.

Дождаться Тимура Садыкова пришлось около получаса. За это время в ломбард не зашел ни один посетитель. Бабкину очень хотелось выбраться из машины, слишком маленькой для его габаритов, но он опасался, что Садыков выйдет именно в этот момент.

Нетерпеливый Илюшин позвонил снова.

- Что у тебя там?
- Тачка мне жмет, – мрачно сообщил Бабкин.
- Тесная?
- Как водолазный костюм.
- А мне, знаешь, просторно, – мечтательно протянул Илюшин. – Столько места! Есть куда ноги вытянуть.
- Угораздил же черт связаться с мелкой пакостью, – с тоской сказал Сергей.

Макар в ответ укоризненно заметил, что очень некрасиво с его стороны так говорить о своей жене, и нажал отбой, пока Бабкин не начал рычать.

– Ну где ты там? – проворчал Сергей, адресуясь Садыкову.

Он представил, как внутри Тимур договаривается о продаже диадем. «У меня тут две одинаковые штуковины... Не спрашивайте!» Хорошо бы взглянуть на эти диадемы. Интересно, определил бы он, где произведение ювелирного искусства, а где подделка?

За дверью мелькнул силуэт.

– Договорились что ли? – пробормотал Бабкин.

Садыков вышел, беззаботно крутя на пальце ключи от машины.

– Куда теперь, голубь ты наш?

Голубь поехал домой. Сергей проводил его до знакомого двора, убедился, что Садыков вошел в подъезд, и с облегчением выбрался наружу.

«Господи, как будто снял обувь, которая мала на размер!»

Он доковылял до ближайшей скамейки, вытащил сигарету. Подумал «Я не курю» – и закурил. Сидел, с наслаждением выпуская дым, и пытался вспомнить, зачем бросил когда-то. Тренировки и курение плохо сочетаются, это понятно. Может, надо было бросить тренировки?

Он докурил, посидел еще немного, чувствуя себя вараном, греющимся на скалах. Илюшин спрашивал про старость... Когда начинаешь ощущать себя не млекопитающим, а холоднокровным – это оно.

Дверь подъезда, в котором жил Садыков, приоткрылась, выпуская мальчишку на самокате. Сергей добежал прежде, чем она захлопнулась.

Пожилая консьержка воззрилась на него через окно своей комнатухи. Из учительского пучка торчали две длинных шпильки. Она напоминала муравья, который шевелит усиками, присматриваясь к залетевшему в муравейник майскому жуку.

Рука Бабкина нырнула в карман за удостоверением.

Консьержке, как и владельцу голубятни, оказалось достаточно обложки. Бабкин все ждал, прочтет ли кто-нибудь, что он имеет право тормозить поезда, спросит ли, пользовался ли он этой возможностью. Но пока таких не встречалось.

– Опять зеркала скрутили? – спросила женщина, едва открыв дверь. – Я ничего не видела!

– По зеркалам к Вакулину, – веско ответил Бабкин. – Я по другому вопросу. Вы вчера работали?

– Ну я...

– Садыков Тимур в какое время покинул квартиру?

– Да откуда ж я знаю...

Бабкин нахмурился.

– А журнал?

– Какой журнал?

– Вы записываете передвижения жильцов? Гостей, доставщиков, визитеров?

– Нет...

– Плохо! – отрезал он. – Что за безалаберность! С домоуправлением уже провели одну беседу. Теперь, значит, будем проводить *вторую*.

Он вытащил блокнот и с многозначительным видом поставил в нем галочку.

Консьержка заволновалась.

– Меня никто не предупредил! я не должна была!

– Ничего не знаю, – отмел возражение Бабкин. – Вы договор подписывали? Там все сказано. Черт знает что, – в пространство пожаловался он. – Пятого консьержа меняют за год, а все на те же грабли.

Бедная женщина вздрогнула и покраснела. Антенны в ее голове отчетливо завибрировали.

– Что ж, если вы ничем не можете мне помочь...

Бабкин с медлительностью башенного крана начал поворачиваться к двери.

– Да подождите вы! – отчаянно вскричали за его спиной.

Бабкин вопросительно шевельнул щекой.

– Зачем мне записи? Я и так все помню! У меня память – знаете? Как янтарь! Ни одна муха не проскочит.

Бабкин соизволил поднять бровь с видом скептика, которому обещают показать бородатую женщину.

– Кто вас интересовал? – заторопилась консьержка, пока зритель готов смотреть на арену. – Садыков? Да вот я вам сразу и скажу про Садыкова. Утром он уехал, с самого раннего утра, часов в восемь. Вернулся около трех.

– А потом?

– А потом все.

– Что – все?

– Не выходил.

– Как не выходил?

Консьержка ожесточенно помотала головой.

– Супруга его в магазин сходила. А сам – нет.

– Вы, должно быть, рано работать заканчиваете, – усомнился Бабкин.

Женщина обиженно возразила, что работать она заканчивает в одиннадцать вечера.

– Ну допустим, – согласился Сергей. – Но вы же днем отходили. В магазин там. Или с коллегой поболтать.

И снова его гнусные инсинуации были возмущенно отвергнуты. «Я на рабочем месте! Никаких магазинов! Вот тут кушаю, в подсобочке своей!»

И Бабкину действительно были продемонстрированы салат в пластиковой упаковке и порция холодной картошки с грустной рыбой, никогда не выдавшей ни моря, ни реки.

При виде рыбы Сергею стало стыдно. «Наехал на тетеньку как танк. А мог бы по-человечески спросить...»

Весь его предыдущий опыт подсказывал, что спроси он по-человечески, тетенька перевоплотилась бы в цербера, истово защищающего право своих жильцов на неприкосновенность частной жизни. В подобных делах кто первый назначил себя начальством, тот и прав.

Но рыба до того укоризненно глядела запеченным глазом, что Бабкин поблагодарил женщину, дошел до ближайшего магазинчика и купил конфет и, немного поколебавшись, маленький букет поздних тюльпанов.

При виде его подношений консьержка изменилась в лице так сильно, словно воочию увидела собственные похороны и Бабкина, стоящего с цветами у ее могилы. Определенно, тюльпаны были лишними, подумал Сергей. Можно было ограничиться шоколадом. Да что там, можно было просто уйти и не возвращаться – вот был бы лучший подарок бедной женщине.

Он неловко сунул ей цветы и сбежал.

– Что думаешь насчет диадем? – спросил Макар.

Он возвратился от Елены Одинцовой и сразу, не заезжая домой, отправился сменить напарника. Сергей за прошедший час успел перекусить и был настроен благодушно. Уезжать он отказался, и они сидели на той же скамейке, из которой просматривался подъезд Садыкова.

– Расклад видится мне таким, – сказал Бабкин. – Садыков вместе с дружками из спортзала грабанул ювелиров. А потом спрятал диадемы. Может, дома, а может и нет. Я думаю, второе.

– Почему?

– Консьержка сказала, он вернулся около трех. Вермана ограбили в полдень. Где Садыкова носило три часа?

– Мало ли где... – Илюшин пожал плечами. – Следы уничтожал. Попугаев пытался отмыть.

– Голубей? Голуби сразу улетели. Они домой возвращаются, когда их выпускают.

– А, точно. Ну, значит, машину мыл.

– Для этого достаточно послать одного водителя. Нет, Макар! Этот паршивец прятал диадемы. Тогда все складывается! Смотри: Садыков спокойно вернулся домой, зная, что он чист. Даже если полиция каким-то образом выйдет на него, у них нет главной улики. Сам он на следующий день подъезжает к скупщику, договаривается с ним о продаже и... Что? Правильно! Забирает диадемы из тайника.

Макар приставил ладонь ко лбу козырьком и посмотрел на солнце.

– Надеешься, скоро поедет?

– Надеюсь, – не стал лукавить Сергей. – Иначе зачем мы с тобой тут сидим как две бабки с семечками.

– А из окна не просматривается это место?

– Нет. Я проверил. Только с общего балкона, через который проходит черная лестница.

– Куда же он сунул диадемы? – Илюшин закинул руки за голову. – Самое простое, конечно – камера хранения. Какой тут ближайший вокзал?

– Курский. Или нет, погоди... Хотя да, Курский.

– Полчаса езды. Три – многовато.

– По пробкам-то? – усомнился Сергей. – По пробкам и в четыре мог не уложиться. Но я не думаю, что он сунулся на вокзал.

– Почему?

Сергей посмотрел на друга снисходительно.

– Восточный парень Тимур Садыков идет со спортивной сумкой по вокзалу. Как ты думаешь, сколько раз его тормознут с проверкой, прежде чем он доберется до камеры хранения?

Илюшин одобрительно хмыкнул.

– Ему нужно безлюдное место, – продолжал Сергей. – А вот где он его отыскал – это вопрос.

Он вдруг привстал и сразу сел обратно.

– Что там? – насторожился Макар.

– Тихо, не оборачивайся. Его четверка собралась.

– Где?

– Возле тачки Садыкова. Те же рожи, что были в спортзале. Боксер, двое качков и тощий.

– А знаешь что, Серега, – спокойно сказал Макар, – они ведь за диадемами собрались, как ты и предсказывал. Садыков договорился со скупщиком, теперь они привезут ему товар, сдадут и растворятся с деньгами.

– На ночь глядя поедут?

– Сейчас всего четыре. Может, им эти короны руки жгут. Быстрее избавишься, быстрее окажешься в безопасности. Что там происходит, рассказывай.

Сергей закурил и делая вид, что стряхивает пепел, наклонился вперед. Теперь ему была хорошо видна парковка, на которой отирались четверо типов.

– На месте топчутся. Тощий дымит, боксер по телефону треплется. Двое в нашу сторону смотрят.

– Внимательно смотрят?

– Нет. Уже отвернулись.

Компания Садыкова выглядела так, словно их маленький отряд готовился к набегу. «Макар прав, они отправляются за диадемами. Потому Садыков всех и привлек».

– Тимур вышел. Сейчас будут выдвигаться.

К Садыкову в «Тойоту» сел боксер, трое других разместились в небольшом корейском джипе.

– Надеюсь, они по дороге не разъедутся в разные стороны, – пробормотал Сергей. – И это не маневр для отвлечения внимания.

– Что? Какой маневр?

Илюшин, наконец, рискнул обернуться. Две белые машины выезжали из двора.

Бабкин достал телефон, включил программу. На экране замигала зеленая точка, удалявшаяся от их района.

– У нас есть два варианта, – спокойно сказал Макар. – Первый – отпускаем их за добычей, дожидаемся возвращения и перехватываем у ломбарда. Второй – едем за ними неведомо куда, рискуя засветиться. Выбирай.

– Нечего тут выбирать, – проворчал Бабкин. – Во-первых, не факт, что они будут передавать товар скупщику в том же ломбарде. Место встречи может быть другим, и мы о нем ничего не знаем. Во-вторых, там пять жлобов на двух тачках. Ты же хочешь эти диадемы... э-э-э... изъять?

– Было бы неплохо.

– С первым вариантом – без шансов. В городе они будут настороже. Побоятся, что их кинут свои же. Для нас с тобой единственный более-менее рабочий вариант – следовать за ними и надеяться, что выпадет удачный момент.

– Тогда чего мы ждем? – спросил Макар, поднимаясь.

– Пока я докурю, – ответил Сергей и метко бросил окурочек в урну.

Дорога все разматывалась и разматывалась бесконечной лентой, и Макар почувствовал, что его клонит в сон. Сергей вел осторожно, стараясь держаться вдалеке от тех, кого они преследовали.

– И не вокзал, – пробормотал Макар, когда стало ясно, что все вокзалы давно остались за спиной. – И не аэропорт...

Садыков уверенно ехал за город.

Закончилась промзона, и подмосковные многоэтажки, выстроившиеся друг за другом, точно приготовленные для падения костяшки домино, остались далеко позади. На двадцать пятом километре белая «Тойота»

свернула с трассы.

– Что у нас там дальше? – спросил Сергей.

Макар сверился с картой.

– Поселки. Один за другим.

– Хороши мы будем, если они собрались на шашлычок с девочками...

Когда вокруг замелькали села, пришлось отстать. Зеленая пульсирующая точка на экране неуклонно продвигалась в глубь широкого лесного массива, похожего на коробку, перетянутую узкой синей лентой реки.

– Свернули, – сказал Макар. – В Бурьяново едут.

– Уверен, что туда?

– На десять километров вокруг больше ничего нет, кроме заброшенной пионерской турбазы.

– А я бы на их месте на турбазу рванул, – пробормотал Бабкин, не отрывая взгляда от дороги. Он чертовски устал: весь день за рулем, на обратном пути нужно попросить Илюшина сменить его... Хотя еще неизвестно, что это будет за обратный путь. – Там надежнее.

– Это в книжках только надежнее. Там куча народу околачивается. От бомжей до фотографов, которым нужна подходящая натура.

– Закопал диадемы под памятником юному горнисту...

– Эй, юный горнист! – озабоченно позвал Макар. – Ты поворот пропустил.

Бабкин дернулся и затормозил.

Сквозь лес просачивались сумерки, словно земля источала чернильный туман. Зеленая точка на экране приблизилась к пиктограмме домика.

– Да, Бурьяново, – подтвердил Макар. – Сдай назад – и шуруем туда.

Сергей почесал в затылке.

– Слушай, большое оно, это Бурьяново?

– А что?

– Боюсь, мы там будем заметны, как вошь на лысине. Если поселок маленький, они все друг друга знают. Эти пятеро сейчас должны быть начеку, как сторожевые овчарки. У них товара на много миллионов. Я бы на их месте в каждую тачку вглядывался с лупой.

– Что ты предлагаешь?

– Подъедем ближе, «Рено» бросим где-нибудь в кустах. А сами прогуляемся. Поищем, где они.

– То есть тачку ты светить боишься, а рожи наши – нет!

– Почему это наши? – усмехнулся Бабкин. – Твою. Ты пойдешь, у тебя

морда неприметная. А я буду где-нибудь возле околицы ждать, как девица возлюбленного на свидании.

Он вырулил на дорогу, по которой уехал Садыков.

– А если они возьмут диадемы и сразу рванут в Москву? – сказал Макар. – А мы с тобой шарахаемся пешком по этому поселку как лохи? Нет, мой предусмотрительный друг, никакого разделения труда. Давай сразу в поселок, а там решим по ситуации.

Бабкин вздохнул, но подчинился.

Две белые машины бросились им в глаза сразу, едва въехали в Бурьяново. Они стояли на пригорке и выглядели так, словно были брошены владельцами. Рядом чернело старое пепелище, поросшее травой.

– Смылись что ли?

Но Илюшин, приглядевшись, обнаружил за пепелищем, в глубине яблоневого сада, небольшую постройку – подобие дачного дома с верандой, затянутой пленкой. Там горели окна и звучали голоса.

– Хозяйство кого-нибудь из этих пятерых, – вполголоса сказал Бабкин. – Пошли на разведку.

«Рено» отогнали к деревьям. И под тонкое пение комаров двинулись к цели, стараясь держаться в тени корявых стволов.

– Разведчики, блин, – про себя ругался Сергей. – Детский сад на выгуле.

Задняя стена дома поросла крапивой в человеческий рост высотой. Сергей присел на корточки, подбираясь ближе к окну.

– Ты телефон отключил? – над ухом у него спросил Макар. Бабкин шепотом выругался и переставил сотовый на беззвучный режим. «Вот так и палятся партизаны».

Он уже не разбирал, кто его кусает – комары или крапива. Осторожно привстал, заглянул в окно и сразу же присел.

– Что там? – шепнул Илюшин. Его комары почему-то облетали стороной, сосредоточившись вокруг Бабкина.

– Сидят. За столом. Все пятеро.

– А диадемы?

– Без понятия. За их спинами не видно.

Бабкин дал по шее озверевшему комару, пытавшемуся добраться до его сонной артерии, и тихо сказал:

– Вот мы и в логове бандитов. Какие будут распоряжения, командир?

Злорадства он скрыть не сумел. С самого начала план Илюшина вызывал у него сомнения, о чем он не забывал напоминать на каждом шагу. И вот результат: они сидят в крапиве, насмерть искусанные комарами, и

диадемы-то, конечно, в десяти метрах от них – но что с того проку? Садыков не зря взял с собой четверых друзей. Бабкин подозревал, что как минимум у двоих с собой стволы – судя по оттопыренным курткам.

– Для начала давай подождем, – невозмутимо отозвался Макар. За эту невозмутимость Бабкину временами хотелось его придушить. Вопреки распространенному мнению, хладнокровные люди не всегда вызывают восхищение. Пусть бы Илюшин растерялся, признал, что поражение близко, что замыслы его потерпели крах и теперь ему на что рассчитывать, кроме божьей помощи. Ну, или помощи друга.

Тут-то он бы и помог.

– А чего ждать? – проворчал Бабкин. – Я тебе предскажу лучше всякой гадалки. Они пять минут отдохнут, возьмут диадемы и тронутся в обратный путь. Их в Москве скупщик ждет, надо торопиться. А мы поплетемся за ними. Как муравьи за тлей, – зачем-то добавил он.

Илюшин заинтересованно взглянул на него.

– Муравьи? – переспросил он. – За тлей?

– Да не важно, за кем.

– Как ты себе представляешь тлю?

Бабкин прошипел неразборчивое.

– Нет, ты скажи, – не отставал Макар.

– Нас сейчас накروют, если ты не уймешься!

– А потом расскажешь про тлю?

– Нет!

– Когда все закончится?

– Да оно уже, считай, закончилось. Если только ты не хочешь ментов навести на диадемы. Я бы так и сделал.

– А я бы еще подождал, – пожал плечами Илюшин. – Здесь тепло и уютно. Комарики поют... Чисто соловьи!

Бабкин беззвучно, но быстро прижал ладонь к горлу и убил еще пятерых соловьев. Открыл рот, чтобы предложить вернуться к машине – там хоть не так кусают, но тут хлопнула дверь.

Оба вжались в стену.

– Слышь, народ. Может, искупаемся на дорожку?

– Я плавки не взял...

– А без плавков чего, не судьба?

– Да стремно как-то.

На крыльце затопали, до Бабкина донесся запах сигаретного дыма.

– Яйца полоскать боишься?

– Ага. Анекдот знаешь про «плюс два или минус два»?

– Не знаю. Расскажи!

Бабкин и Илюшин молча выслушали анекдот. Когда рассказчик умолк, на крыльце заржали так, что вздрогнула крапива.

– Не, у нас тут серьезной рыбы не водится.

– А девки водятся?

– Несерьезные девки! – сострил кто-то.

– Слышь, Олег! Как с девками-то?

– Проверить бы надо.

– Ну так чего, идем?

Бабкин не верил своим ушам. Они что, в самом деле собираются купаться, оставив диадемы в домишке? Или захватят их с собой? При мысли о том, что на берегу речушки кто-то бросит в рюкзаке украшения из бриллиантов, золота и сапфиров, его разобрал нервный смех. Черт возьми, да они просто идиоты, эти пятеро! Везучие идиоты!

Он толкнул Илюшина под руку. Тот приложил палец к губам.

– Топайте, я останусь! – послышался голос.

– Да брось, Тимур!

– Когда еще выберемся, так сказать, на природу!

– Не, не прет меня что-то. Посижу тут. Может, вздремну полчасика.

– Можешь и часок, – ответил кто-то. – Раньше все равно не вернемся.

– Часок еще лучше, – засмеялся Садыков. – Валите! Русалки ждут.

Кто-то отпустил шуточку насчет водяных дев, и под дружный смех компания пошла через сад. Бабкин выглянул из-за угла и пересчитал спины. Четверо!

Садыков остался в доме один.

– Нравятся мне эти ребята, – шепнул Макар. – Веселые, дружные!

– Тихо!

– Ты не заметил, на ком-нибудь из них были светящиеся кроссовки?

– Не было.

Серей извернулся змеей, привстал и снова заглянул в окно. Садыков в одних трусах сидел за столом, спиной к двери. Перед ним стояла пустая стеклянная кружка.

Издали донеслось хоровое исполнение «Черного бумера». Пели плохо, но вдохновенно. Макар и Бабкин переглянулись.

Обоим было ясно, что второго шанса не представится.

– Я найду, – одними губами сказал Сергей. – Прижму его тихонечко, чтобы он не заорал. А ты дверь закрой, ясно? Если кто-нибудь из этой братвы вернется раньше, придется через окно удирать.

Они торопливо обошли дом. Пленка, которой была затянута веранда,

кое-где порвалась и похлопывала на ветру, словно кто-то негромко им аплодировал. Бабкин встал на крыльце, прислушиваясь. Стало очень тихо, только боязливо шелестела листва. На сад опустились сумерки. Трава превратилась в сплошное темное волнующееся море.

Он очень аккуратно попробовал толкнуть дверь.

Садыков был так неосторожен, что даже не запер ее.

«Боже, благослови раздолбаев!» – мысленно сказал Сергей и кивнул Илюшину: поехали!

Как только ребята вышли, Тимур посмотрел на часы. Если он прав в своих предположениях, сюда придут через пять минут. Визитерам громко дали понять, что у них в запасе всего час. Они не станут тратить время зря.

И славно! Тимур сидел как на иголках. Скорей же, скорей! – подгонял он неизвестных. – Давайте, братцы! Мы вас уже заждались!

Если бы не Гуля, ему бы ни за что не заметить машину слежки. Умничка моя, девочка, с нежностью подумал он. Он выбрал ей в комиссионке классное колечко, с рубином – понятное дело, искусственным, да и само кольцо старое, но он слышал, что старье нынче в моде. Называется «винтаж». А Гуля девочка не капризная, ее любая цацка порадует. К тому же Тимур не просто так собирался колечко вручить, а с легендой. Мол, принадлежало моей бабушке, передавалось по наследству, пусть теперь хранится у тебя, ты единственная его достойна.

Женщины такое любят.

В сером «Рено», которое он заметил возле ломбарда, сидел какой-то тюфяк. Тимур не сомневался, что кроме него будет и еще кто-нибудь. Динарка предусмотрительная. Одним топтуном не ограничится.

И точно: возле дома Пашка срисовал второго. Сидели на скамейке, уроды, особо и не скрываясь: один тюфяк, второй шибздик. Его Тимур не успел рассмотреть. А на тюфяка время от времени поглядывал с балкона. Нарочно выходил на лестницу и в просвет между балконными панелями любовался. Сидит! Час сидит, два сидит, три. Булку с сосиской сожрал, на пять минут отошел – не иначе отлить – и снова на посту.

Упорный, тварюга.

Тогда у Тимура и родилась эта идея.

Олег сказал: «А если не клюнут?»

Тимур возразил: «Тогда вернемся. Что мы теряем?»

И все согласились.

Выезжали деловитые, молчаливые, словно ехали банк брать. Всю дорогу Тимур посматривал в зеркало и к концу пути уверился, что сотню

километров они отмахали зря. Никто их не преследовал.

Но потом вернулся Колька. Он сразу, как приехали, сел в низенькое кресло на террасе и рукой махнул остальным: идите, я потом. Снаружи его не было видно. И когда пять минут спустя он проскользнул в дверь, на лице его играла такая улыбочка, что все сразу все поняли.

«Здесь они?» – беззвучно спросил Тимур.

Колька кивнул. Острое лицо его лучилось предвкушением скорой потехи. Колька за развлечения готов пойти на что угодно. Говорит – с годами все меньше и меньше вещей, которые веселят. Так что ценить их надо, братцы!

Правда, от тех вещей, которые Кольку веселят, у Тимура мороз по коже. Но ведь все люди разные!

«Сколько?» – ткнул на улицу Тимур.

Колька показал на пальцах: двое.

«Те же?»

«Да, те же самые».

Тут заулыбался и Тимур, а за ним и все остальные. Славный вырисовывался вечерок. Многообещающий.

Они обо всем договорились еще по дороге. В эту минуту Коля с Пашей должны были тихо вернуться тем же путем, которым ушли, а Олег и Мурат – обойти участок сзади по укромной тропе. Ни тех, ни других с крыльца не увидать.

Добро пожаловать, гости дорогие!

Едва Тимур это подумал, гости как раз и пожаловали. Ахнула дверь, ударились об стену, отскочила и ударились еще раз, и не успел Тимур сказать «здрассте», как ему выкрутили руку и мягко опустили на стол мордой вниз.

Профессиональных исполнителей нашла его сестра. Годных.

– Договоримся по-хорошему, – дыхнули ему на ухо. – Ты внятно отвечаешь, где...

Второй раз дверь хлобыстнула так, что едва не слетела с петель. На минуту в комнате возникла неразбериха. Боковым зрением Тимур видел сцепившиеся силуэты. Задели лампочку, и она закачалась, разгоняя по стенам бешено несущиеся тени. Незнакомый голос вскрикнул приглушенно, выматерился Олег, что-то грохнуло, ухнуло, взвыло, слетела со стола стеклянная кружка, но не разбилась, а покатила по полу, подпрыгивая на стыках досок. Долетела до стены, остановилась.

И тогда наступила тишина.

Тимур выпрямился. Потер шею, на которой, кажется, остались

вмятины от чужих пальцев. Оглядел поле боя.

Расклад был такой: здоровый мужик – тот, что водил «Рено» – стоял на коленях, удерживаемый крепким Пашиным захватом с одной стороны и ручищами Олега с другой. В рот ему сунули первую попавшуюся тряпку. Ноги пленнику на всякий случай зафиксировал Мурат. При ближайшем рассмотрении тюфяк оказался мощным, что твой медведь. Мышцы у него ходили ходуном, так что, пожалуй, Мурат был не лишним.

На второго гостя хватило Коли. При взгляде на парнишку Тимур удрученно покачал головой. Ну что же ты, Динара! На одного денег не пожалела, на втором сэкономила? Хилый, слабый... Стыдно тебе должно быть, сестра!

Колька прижал паренька к стене. Лезвие его ножа подрагивало у горла бедняги. Смотрел Коля на Тимура преданно, как овчарка, которой на нос положили кусок колбасы. Дай только команду, хозяин!

– Здорово, уроды! – сказал Тимур и широко улыбнулся.

Подошел к тому, что стоял на коленях, и потрепал по щеке: хорош, зверюга! Здоровяк не дернулся, но зыркнул люто. Тимур наклонился и нежно так выдохнул:

– Теперь моя очередь предлагать. Договоримся по-хорошему. Слушаешь?

Тот исподлобья уставился на него.

– Тебя отпускаем, – объяснил Тимур. – Малец твой остается с нами. Поедешь к моей сестре, расскажешь, что ничего не нашел. Оклеветали ее братика злые люди. Понял? Кивни, миленький.

Здоровяк пожевал тряпку и что-то промычал. Кивать, похоже, не собирался.

Тимур вздохнул и вытащил кляп.

– Орать только не надо, – предупредил он.

Мужик густо сплюнул на пол.

– Невоспитанный ты, – грустно сказал Тимур.

Олег от души пнул коленом пленника под ребра. Тот охнул и выгнулся, как рыба на берегу. Тимур подумал, не вытереть ли для острастки плевок его собственной мордой, но передумал. Вытер тряпкой.

– У меня к тебе встречное предложение, – хрипло сказал мужик, отдышавшись. – Ты отпускаешь нас обоих. Отдаешь то, что должен. И тогда мы тебя оставляем в покое. Никакой полиции. Идет?

Они засмеялись. Коля захихикал тоненько, как девчонка. Олег гоготал, Пашка, самый старший из всех, сдержанно улыбался.

Тимур хотел было попросить Олежку еще раз пнуть этого дурака. Но

подумал, что со сломанным ребром тот не будет смотреться убедительно перед Динаркой. Сестра – женщина наблюдательная, может заподозрить неладное.

Он, в общем-то, не хотел плохого этим двоим. Что с них взять? Они люди наемные. Но сейчас, когда все так удачно получилось, – в точности по его слову – им овладела эйфория. Внутри бурлило и кипело, словно по жилам текла не кровь, а пузырящееся шампанское. Восхищенные взгляды друзей подталкивали его: покажи, кто здесь хозяин! Растопчи его! Дави до конца!

Тимур медленно, красуясь перед своими, перевел взгляд на Колю. У того бешеные чертики плясали в глазах. Происходящее нравилось ему больше, чем всем остальным. Развлечение!

– Поучи его немножко, – попросил Тимур и подбородком указал на паренька. Хиляк держался на удивление спокойно, хоть и побледнел.

Тимур никак не ожидал, что произойдет потом. Коля улыбнулся во весь свой лягушачий рот, словно щель разошлась. И ткнул ножом в плечо пленника. Тот заорал от боли, трепыхнулся, пытаясь отскочить, но Коля уже выдернул оружие и снова прижимал его к горлу паренька. Рубашка бедолаги окрасилась кровью.

«Мудак!» – только и успел подумать Тимур. А следом здоровяк пришел в движение.

В спортивном клубе Садыкову встречались сильные люди. По-настоящему сильные: не просто те, кто занимался своим телом, а бойцы вроде Пашки-боксера. Тимур с восторгом наблюдал за единоборствами, прекрасно понимая, что сам для подобного не годится. Слишком ленив, слишком расслаблен. Слишком ценит и бережет себя. Есть те, кто рожден для драки. Их переполняет веселое жаркое бешенство или холодная жажда победы, пусть они и сходятся в рукопашных.

Но такого яростного боя Садыков не видел никогда. Едва рубашка парня окрасилась кровью, мужик издал глухой рев, рванулся – Тимур удивился, что он услышал хруст ломающихся костей – и каким-то немислимым образом расшвырял в стороны Олега, Мурата и Пашку.

Это походило на пробуждение стихии. Казалось, пол вот-вот треснет и вздыбится, получив импульс от этой расвирепевшей махины, а следом волной пойдет земля, перекатывая, как игрушки, машины и с треском взрывая стены домов.

Первый удар пришелся на Олега. Его отбросило назад, как в фильмах – до сих пор Тимур был уверен, что в реальной жизни так не бывает. Несчастный Олег отлетел на единственную в комнате кровать и остался

лежать, хватая воздух ртом. Мурату здоровяк нанес два удара в корпус, рванул к стене, возле которой застыли Колька с пленником, но тут ему помешали.

Сзади на него набросился Пашка.

С яростным рычанием медведицы, у которой отняли медвежонка, мужик обернулся и замолотил кулаками. Он двигался с ошеломляющей скоростью. Уклонялся, парировал удары и все время наступал, наступал, наступал, не переставая глухо рычать. Паша был опытным боксером, но и он ничего не мог противопоставить этой неукротимой силе. Очередной удар пришелся ему в челюсть. Он покачнулся и рухнул навзничь. Его противник на секунду наклонился над ним – кажется, чтобы проверить пульс.

Затем выпрямился и обернулся. Темные, глубоко посаженные глаза остановились на Коле.

– Не подходи! – заверещал тот, правильно поняв этот взгляд. – Полосну его, слышь! Полосну! Шейку ему распашу, возьму грех на душу! И ты возьмешь!

Он блажил, дергая ножом возле горла пленника, и Тимур с обреченной тоской подумал, что если сейчас во время очередного рывка лезвие действительно вонзится в артерию парню, им всем конец. Здоровяк их прикончит. Нельзя было трогать мелкого, вообще никак нельзя было, ни ножом, ни рукой.

– Коля, – слабо позвал он. – Не надо, Коля!

Его как будто и не слышали.

– А то давай, иди сюда! – выкрикивал Колька, пританцовывая. – Ножичек от крови облизать – хочешь? Лизнешь красненького? Тепленького?

Тимур видел, как взгляды здоровяка и парня встретились. Пленник вдруг заговорил. Это были первые слова, которые он сказал с того момента, как их схватили.

– Об одном прошу, Серега, – сказал этот странный тип, и на его побледневшем от боли лице – Тимур мог бы поклясться – возникла легкая усмешечка. – Не убей этого гондона.

Он еще не успел закончить, как в воздухе что-то просвистело. Тимуру показалось, что мимо него пролетел кусок льда. Лед врезался в лоб Кольки, тот закатил глаза, выронил нож и сполз по стене.

– Я ж тебя просил, – поморщился парень, глядя сверху вниз на неподвижное тело.

Стеклянная кружка откатилась под ноги Тимуру.

Вскоре любопытный прохожий, заглянувший в окна маленького домика в яблонево́м саду, мог стать свидетелем странной сцены. На полу, связанные, лежали в ряд пятеро. Четверо – лицом вниз, один на спине. На кровати сидел молодой парень, которому рослый мужчина с мрачным лицом бинтовал плечо. На бинт ушла лучшая рубашка Тимура.

– Он точно жив? – в третий раз спросил Макар.

– Еще раз спросишь, убью, – пообещал Бабкин. К кому относилась угроза, было не понятно, и Илюшин умолк.

Тимур испуганно покосился на тело Кольки. Тот дышал, и даже слюну пускал из угла рта. «Если в себя придет, останется дебилом, – подумал Садыков. – Да и хрен с ним».

Гораздо больше его волновала собственная судьба.

– Я истекаю кровью, – слабым голосом сказал Макар. – Только глоток бензина может спасти...

– У тебя там царапина, – оборвал его Бабкин. – Сиди и не выпендривайся.

Он обернулся к лежащим на полу и обвел их взглядом. Олег что-то замычал. У него единственного рот был забит тряпкой – той самой, которой Тимур вытер пол. Все остальные послушно молчали сами.

– А ну не мешать мне, – угрожающе сказал Бабкин.

В комнате наступила благоговейная тишина.

Сергей обыскал сумки всех пятерых, сходил к машинам и перерыл багажники. Вернувшись, прошелся по дому. Но большая комната была пуста, а в маленькой, использовавшейся в качестве кладовки, не нашлось ничего, кроме древних подшивок журнала «Новый мир», лежавших на полках аккуратными бело-голубыми стопками, точно выглаженное белье.

На всякий случай он посмотрел за подшивками. Одна лишь дощатая стена и мышинный помет.

– Ладно, – сказал Сергей. – Надоело.

Он присел на корточки над Тимуром, и тот вжался в пол. Нависавшая над ним рожа в таком ракурсе была особенно страшна.

– Где диадемы? – внятно спросил Бабкин.

– Что?

– Если ответишь быстро, есть шанс остаться с целыми руками.

– Какие диадемы? – выдавил Тимур.

– Понятно...

Бабкин взял со стола нож, изъятый у Коли, наклонился над Садыковым. Вскрикнули сразу трое, Тимур громче всех.

- Мужик, мужик, ты чего!
- Какие диадемы?
- Он не знает!
- А кто знает? – рыкнул Сергей.

Все смотрели на него.

– Слышь, братан, – наконец очень осторожно начал Паша. Говорить, лежа лицом в пол, было неудобно – слова выходили гулкими, а в нос дуло из щели. – Ты объясни, чего тебе надо-то.

Сергей взял Тимура за грудки, пересадил к стене, как куклу, и объяснил. Тимур замигал.

– Ты постой, постой, – заволновался он. – Откуда у нас такое? Братцы, вы нас с кем-то перепутали!

– Тимур Садыков, – лениво сказал Сергей. – Брат Динары Курчатовой. Сегодня был в ломбарде, где договорился о передаче двух диадем...

Тимур взвыл, как будто его резали. И торопливо заговорил: нет, он не знает ни о каких диадемах, в ломбарде он был, потому что покупал кольцо своей подруге, той самой, которая предупредила его о слежке. Они хотели всего лишь проучить их и передать через них Динаре ложную информацию. Это ведь она наняла их!

Бабкин окончательно перестал что-либо понимать. Он беспомощно обернулся на Илюшина. Тот пересел на край постели, сведя брови, и внимательно смотрел на Садыкова.

– Макар, можно их поучить маленько? – попросил Бабкин. – Они же нам мозги полощут!

Дружный хор умоляющих голосов заставил его поморщиться.

– Подожди-ка, подожди... – медленно сказал Илюшин. – Как тебя... Тимур. Где ты был в понедельник утром?

Здесь и был, дрожащим голосом заверил Тимур, разбирали старое шмотье Мурата. Его дача, они погорельцы, пожар был в прошлом году, как раз в это же время...

Он понес про пожар, но Бабкин движением брови заставил его умолкнуть.

– И в ломбард ты заезжал за кольцом своей Гуле, – утвердительно сказал Макар.

Тимур поклялся своей жизнью, что именно так.

– Тогда объясни мне, товарищ Садыков, – мягко сказал Макар, не сводя с него глаз, – зачем ты устроил весь этот цирк с захватом заложников? И уговаривал моего друга наговорить твоей сестре три короба вранья? А?

Тимур сглотнул под их взглядами и объяснил.

С каждым его словом гипотеза, возведенная Илюшиным и Бабкиным, вздрагивала, как от землетрясения. И с последней фразой рухнула, разлетевшись на кирпичи.

Глава 10

Гройс сказал, что замерз. Ирма, преодолевая брезгливость, прикоснулась к его лбу. Температуры не было, но старика тряс озноб.

– На улице двадцать градусов!

Ей казалось, он притворяется. Он постоянно обманывает ее! Лжец!

– Я старый, – жалобно сказал Гройс. – Я мерзну. Когда вы станете старой, вам тоже будет холодно летом.

«Я никогда не стану старой», – подумала Ирма.

Ей вспомнилось, что бабки всегда кутаются в тулупы, и она принесла ему с чердака плед, связанный, кажется, еще матерью – из собачьей шерсти, такой теплый и душный, что спать под ним было невозможно. Гройс закутался в него и стал похож на осиное гнездо, которое однажды она нашла под крышей. Оно тоже было серое – вытянутый кокон, в котором гудело и копошилось. Ирма опрыскала его истребителем ос, и гудение вскоре прекратилось.

Словно ему было мало предыдущих мерзостей, гнусный старик начал портить воздух. Он как будто подслушал ее недавний рассказ о визите к нему домой! Ирма была крайне чувствительна к запахам. Она не удержалась и сделала ему замечание.

– Я слишком долго не ел! – оправдывался Гройс. – Желудок разладился. Мне нужен врач!

Сложил губки бантиком и снова пукнул, сволочь.

Если бы существовал истребитель Гройса, Ирма не задумываясь обработала бы и его вместе с пледом. Она открыла форточки настежь на обоих окнах, стараясь не дышать, и поспешно вышла.

Точно ил, поднятый со дна души, в ней расплывалось отвращение. Как он мог казаться ей милым джентельменом? Что за слепота охватила ее? От него разит мертвечиной. «Совы – предвестники смерти или больших неприятностей, – читала Ирма в сборнике примет и кивала: да! правда! все сбылось! – Если сова влетела в дом и вы выгнали ее через дверь, помните, что дверь после этого должна оставаться запертой в течение трех дней. Не открывайте ее! Нарисуйте углем по кресту на каждой стене на высоте своего роста и рассыпьте под ними и вдоль двери немного золы».

Ирма всегда полагала себя современной женщиной, чуждой суеверий. Никаких крестов и золы.

А Чарли три дня ходит на пленку, ничего страшного.

– Вы согрелись?

– Согрелся, – кивнул Гройс. – Благодарю вас. Разрешите просьбу...

Ирма поморщилась. Он нарочно обращается к ней так, словно она тюремный надзиратель? Намекает на свое бедственное положение? Грязная, низкая игра, господин Гройс! Хотя кто ожидал иного от мошенника...

– У меня нет очков для чтения, а здесь темно. Вас не затруднит вкрутить еще одну лампочку?

Под потолком был лишь один рожок, и Ирма так ему и сказала.

– Может быть, торшер? – умоляюще попросил Гройс. – Хоть что-нибудь! Мне, знаете ли, мои глаза еще пригодятся. Не хотелось бы их портить.

Несколько секунд Ирма смотрела на него, борясь со смехом. Его глаза ему еще пригодятся, ха-ха! Наконец отдернула край шторы на дальнем окне, за которым сияло солнце, и быстро вышла.

– Спасительница! – крикнул ей вслед старик.

И взял «Графа Монте-Кристо».

Таким его и застала Ирма, вернувшись через полчаса – мирно перелистывающим страницы.

– Я уезжаю. Хотите сходить в туалет?

– Хочу! – привстал старик. – Очень хочу!

Он заметил, что она поднесла к носу платок, от которого разило духами. Прежде обходилось без ароматизаторов. Ее брезгливость растет с каждым часом. Скоро она будет обмахивать веером его задницу, пока он восседает на ведре.

– Над чем вы смеетесь? – подозрительно спросила Ирма.

– Знаете, один мой знакомый бухгалтер перенес операцию на мочевом пузыре. И на вопросы коллег о состоянии самочувствия полюбил отвечать «Струя крепчает!» Я просто вспомнил этого славного человека.

– Вы находите это смешным? – не удержалась Ирма.

– Не только это, – потупился Гройс. – Еще более смешным я нахожу то, что его жена, услышав однажды этот смелый ответ, прошипела «Ну хоть что-то у тебя крепчает» и отбила у бедолаги всякую охоту шутить.

Ирма побагровела.

– Вы... вы вульгарны! Неужели вам самому от себя не противно?

– В основном я себе нравлюсь, – скромно сказал Гройс.

– Кто бы сомневался!

Она выскочила с ведром так быстро, словно в нем была кислота, которая вот-вот растворит дно.

Гройс услышал, как щелкнул замок входной двери. В последнее время он заметил, что слух у него невероятно обострился. Замок, а еще шум движка, а еще шаги пса за стеной. Чарли прошлепал в кухню, и до Гройса донесся тяжелый собачий вздох.

Или он выдумывает это все. Сочиняет себе чувствительный слух, изобретательность, хитрость, лишь бы скрыть от себя правду: он беспомощен здесь, как жук в стеклянной банке. Старый жук с дряблыми крыльями.

«Послушай, Миша, – ласково сказал Гройс самому себе. Нет, не себе, а тому крошечному сморщенному старичку, который трусливо мотал головой и подслеповато щурился на свет. – У тебя уже есть один враг. Зачем ты добавляешь к нему второго? Не будь себе врагом, Миша».

Он раскрыл «Графа Монте-Кристо». Согнул страницу и аккуратно оторвал по сгибу чистую полоску бумаги.

Куриная косточка была припасена со вчерашнего вечера. Она не годилась для того, чтобы служить оружием. Но вполне подходила на роль иглы.

Старик стащил наволочку с подушки и из дырки, которую проковырял ночью, вытащил перышко. Хвала его хозяйке, по старинке пользующейся перьевыми подушками!

– Спорим, у нее и ковер висит в той комнате, – сказал Гройс. – С оленями и водопадом.

К нему стремительно возвращалась бодрость духа, которой он почти лишился после убийства несчастного сторожа и страшной бессонной ночи.

Это были самые тяжелые сутки за все время его заключения. Сколько Гройс ни пытался придумать план побега, все упиралось в наручники. Ему больше нечем их снять. Впору отгрызть себе лапу, как песцу, попавшему в капкан – но он подозревал, что его искусственные зубы не справятся с этой задачей.

«В задницу эстетику! Надо было ставить железные».

Он продолжал по привычке шутить, но отчаяние вцепилось в него и не отпускало. Ему не победить. Не спастись. Он проиграл – так глупо, так жалко! Смерть в трех днях пути от него, она пахнет химической земляникой и пудрит лицо, чтобы скрыть трупные пятна. Он видит ее улыбку, он чувствует ее запах, и ничего, абсолютно ничего не может поделать. Он – шут, аферист, веселый пройдоха, уверенный, что скончается с бутылкой коньяка в одной руке и фотографией аппетитной шлюхи в другой, будет убит самой тоскливой в мире ханжой.

Гройс не умел плакать. Он просто сидел, глядя без выражения, как сквозняк гоняет по полу клочок собачьей шерсти.

И тогда раздался звонок.

Дребезжащий, нахальный, противный велосипедный звонок.

Гройс не любил мальчишек на велосипедах. Допустим, в деревне они всего лишь поднимают пыль и распугивают кур. Но в городе велосипедисты – это демонические существа, сеющие страх и ужас. Это посыльные дьявола, разносящие повестки в ад. Они пролетают так близко, словно хотят укусить тебя за ухо на полном ходу. Они виляют, точно сбрендившая лошадь, ужаленная пчелой, и траектория их движения непредсказуема и смертоносна. Михаил Степанович всерьез опасался, что однажды окажется в новостях как пострадавший от наезда велосипедиста. «Попал под лошадь!» Нет уж. Один из Гройсов много лет назад был сбит спортивным автомобилем (после чего хромал до конца жизни), другой во время купания столкнулся с катером, на его счастье, двигавшимся с выключенным мотором. Он не уронит честь рода, опустившись до велосипеда.

Но услышав звонок, Гройс разом пробудился от своего сонного оцепенения. Он застыл, уставившись в пространство круглыми от изумления глазами, и если бы в этот момент Ирма вошла в комнату, у нее не осталось бы сомнений, что старик в прошлой жизни был совой.

Почудилось?

Прошла мучительная минута, показавшаяся ему бесконечной.

А затем звонок тренькнул снова. И еще. И еще!

Кто-то гонял на велосипеде под окнами.

Старик едва не вскрикнул от радости. «Она говорила! Она говорила!» Ирма упоминала, что мальчишки дразнят собаку, а он, старый кретин, не сделал из этого правильных выводов.

Они приезжают сюда! Носятся возле дома! Изредка, не каждый день, но все-таки появляются. А значит, у него есть шанс.

Только этого топлива Гройсу и не хватало, чтобы бесперебойный прежде механизм его воображения заработал вновь. Ему открылся второй путь к спасению.

Он не может снять наручники. Какой отсюда вывод?

«Хер с ними, с наручниками».

...Гройс действовал неторопливо, взвешивая каждый шаг. Сначала – записка. Перышко крошечное, однако выбирать не приходится.

Он уколол большой палец острой куриной костью, выдавил каплю. Бумажную полоску расстелил на книге и стал медленно выводить буквы,

макая перо в собственную кровь.

«Одинцова держит меня здесь насильно. Позвоните в полицию. Обещаю вознаграждение. Михаил Гройс».

Первый вариант письма, который он придумал, был куда короче и напоминал телеграфное сообщение. Писать его было бы куда проще. Но старик исходил из того, что послание попадет в руки мальчишки. Он должен прочитать его – и не выкинуть. Нужны исчерпывающие данные: его имя, имя похитительницы, косвенное указание на адрес и обещание награды.

Должно сработать.

Он написал пять записок. Пять маленьких посланий «sos», сигналы бедствия от того, кто заточен в стеклянной бутылке, уплывающей все дальше от берегов. Скатал их в комочки и достал из-под матраса припрятанный хлебный мякиш.

На этот раз Гройс не собирался кормить пса. Каждый бумажный ком он облепил мякишем, предварительно размочив его собственной слюной, и положил сушиться на холодную батарею.

Пять ядер, готовых к запуску!

Дело за пушкой.

На дуло пошли две страницы с оглавлением. Граф Монте-Кристо осуждающе глядел с обложки. «Ты и не такое творил, братец», – подмигнул ему старик. Из страниц он свернул трубки, вставил одну в другую и выровнял диаметр.

В это подобие подозрительной трубы он устоял на окне, выходящее на улицу.

Хорошо, что открыта форточка.

Славно, что отдернута штора.

Его выдумка о том, что не хватает света, и якобы охватившая его слабость кишечника предназначались лишь для того, чтобы Ирма открыла форточку и отдернула штору.

Он взял пробный комочек, чистый, без записей, положил в рот, приставил к губам трубку и изо всех сил дунул.

Тот брякнулся на пол, не долетев даже до подоконника.

– Недолет, – сказал Гройс.

Второй снаряд застрял высоко в шторе.

– Перелет.

Третьим он зарядил отвердевший ком. Бумага слишком легка. Ей необходим утяжелитель, если только он хочет, чтобы его послание вылетело за пределы комнаты.

Гройс еще бы потренировался, но он помнил, что Ирма прибирается каждый день. Она найдет на полу комочки и запихает их ему в горло.

– С богом!

Легкие, конечно, у него были не те, что прежде. Вместо бумажной трубки куда лучше подошел бы тростник. Но как говаривал приятель, ты жарь, а рыба будет. И этим девизом, смысла которого он до конца не понимал, но который все время крутился у него в голове, Гройс собирался руководствоваться и впредь.

Снаряд вылетел через форточку и брякнулся где-то за окном.

– Есть! – заорал Гройс, забыв о своем горле. – Твою мать! Летит!

У него вырвался не крик, а хрип.

– Да! – сипел старик, тряся в воздухе сжатыми кулаками. Цепочка раскачивалась и звенела.

Но ему отчаянно не хватало громкости звука, соответствующей моменту: он схватил колокольчик и заколошматил им, словно лупя невидимую Ирму по лбу. Бац! Бац!

Динь! Дон! – отзывался колокольчик.

Гройс не сразу угомонился. От избытка эмоций его бросило в пот. Он откинулся на подушки, закрыл глаза, пытаясь унять сердцебиение.

Чему ты так обрадовался, спросил он. Где-то в траве валяется твоя записка. Она не долетела до дороги. Ни один мальчуган не найдет ее.

И в эту секунду снова затренькал звонок.

Старик вскочил, словно под ним взорвалась мина, схватил трубку и принялся дуть. Из оставшихся четырех снарядов три вылетели в форточку, а один ударился о раму и отскочил. Он остался лежать прямо посреди комнаты, бросающийся в глаза, как прыщ на носу красавицы. Гройс не мог отвести взгляда от этого белого шарика.

Ирма сразу увидит его.

Он заставил себя прислушаться к звукам снаружи. Весь его расчет был на то, что он привлечет внимание мальчишек. Кто-то из них заметит, что из окна швыряются хлебными драже, и подойдет рассмотреть их.

Но треньканье не повторялось. Гройс облизал пересохшие губы. Ну же, братцы, ну! Вы же маленькие любопытные бесенята! Вы не можете проехать мимо!

Тишина давала ему надежду, и некоторое время старик представлял, как в эту минуту грязные ручонки выколупывают из мякиша записку, передают ее друг другу, а затем три пары глаз устремляются на его окно. Или две пары. Хватит и двоих пацанов, чтобы поднять шухер.

– Отвезите ее родителям, ребятки, – просипел Гройс.

Затренькало где-то вдалеке. Дзинь! Дзинь! Все тише и тише.

Они уехали. У него ничего не получилось.

Спокойно, сказал Гройс.

Я придумаю что-нибудь еще, сказал Гройс.

Нужно только немного времени, сказал Гройс.

Самое главное он понял – ему необходимо привлечь внимание. Дурацкая была затея с хлебом и шариками, теперь уж можно признать. Но для первой – сойдет.

Вот только как теперь избавиться от последнего комка?

Набросить на него плед и подтянуть, как неводом, не получилось. Чертова тряпка оказалась мала.

– Не могла подлиннее связать, лентяйка! – в сердцах адресовал Гройс Ирме.

Он сполз с постели, насколько хватало длины цепочки, перевернулся на живот и пытался придвинуть шарик ногой. Брюхо его ерзало по краю кровати, браслет больно впился в ладонь. Подошвой он загребал по полу. Но до проклятого шарика оставалось не меньше полуметра.

– Твою мать!

Он вдруг представил, как выглядит со стороны. Обратите внимание, почтеннейшая публика! Впервые на арене – Михаил Степанович Гройс! Джентльмен! Авантюрист! Любитель хорошо пошитых костюмов и итальянской обуви! Только для вас – он раскорячился на пузе и нервно сучит копытами. Цирковой номер! Маэстро, урежьте марш!

Оркестр грянул «Сползает по крыше старик Козлодоев».

Гройс услышал эту музыку и хихикнул.

Гройс засмеялся.

Гройс захохотал.

Смех распирал его, как гелий воздушный шарик, и кажется, был способен поднять его в воздух, если бы не наручники. Гройс смеялся до слез, до икоты, смеялся так, что вконец обессилел и не способен был даже заползти на кровать. Смех омывал его изнутри, и вместе с ним выплескивались черные хлопья страха и отчаяния.

– Фух, – сказал Гройс, отсмеявшись, и вытер слезы. – Господи, твою мать, это будет лучше секса.

Он ждал Ирму, насвистывая себе под нос. Смерть придет, и у нее будут твои глаза. Сначала ты увидишь комок на полу. Поднимешь его, развернешь, прочтешь записку. Искажится ли яростью твое лицо? Осыплется ли пудра с дергающихся щек? Станешь ли ты визжать или

просто молча бросишься на меня, вкладывая все бешенство в удары твоих довольно крупных – уж прости за правду – кулаков?

Смерть придет, и у нее будут твои глаза, твоё дыхание, твоё обувы и твоё старомодная юбка с воланом. По правде говоря, я не знаю рожи отвратительнее. А я видел много гнусных рож, можешь мне поверить.

Когда хлопнула входная дверь, Гройс даже не вздрогнул. После приступа все его чувства притупились. Он был невозмутим, как каменная стена, как море, как буддийский монах.

Смерть – значит, смерть. Он сделал все что мог.

Придушит она его подушкой или выберет удавку?

Старик свистел мотивчик, популярный в годы его юности. За дверью бесновался Чарли – привык, подлец ушастый, что свист предшествует некоторым командам.

– Тихо, тихо! – раздался голос Ирмы. – Уже открываю!

Гройс засвистел громче. Помирать так с музыкой.

Дверь распахнулась. Первым ворвался Чарли. Кривоногий нескладный пес кинулся к Гройсу, загребая лапами и поскользываясь, мотая лохматой башкой от избытка чувств и яростно пуча глаза. Поравнявшись с комком, он молниеносно втянул его в себя и побежал дальше.

– Гав! Гав!

У Гройса отвалилась челюсть.

– Гав!

Море вздрогнуло. Каменная стена раскрошилась и рухнула. Буддийский монах встретился взглядом с девушкой, чья улыбка цвела ярче лотоса, и понял, что предыдущие сорок лет молился не о том.

Гройс хотел что-то сказать собаке, тычущейся в него носом, но лишь бессильно шевелил губами.

– Я разогрею вам суп! – сказала Ирма. – А потом будете мне диктовать.

Старик погладил пса и почувствовал, как дрожит его ладонь.

После визита Макара Илюшина Ирма полезла в нижний кухонный ящик, отведенный под квитанции, и достала разрешение на хранение огнестрельного оружия. Она оформила его полгода назад, когда прошел слух, что в соседней деревне орудуют наркоманы. «Одинокая женщина должна уметь защитить себя». Ей нравился этот образ, несколько кинематографический и очень выразительный: мужественная писательница против отпетых мерзавцев.

К тому же это был бы прекрасный пиар.

Однако к тому времени, как она закончила бумажную волокиту, слухи

схлынули, а ей надоело бояться. Никакого оружия Ирма так и не купила. Разрешение хранилось в ящичке, и вот, наконец, настала пора им воспользоваться.

Ирма поехала в город, выбрав на карте самый крупный магазин с оружием. Илюшин увидел бы некую иронию в том, что после встречи с ним писательница Одинцова хотела выбрать пистолет Макарова. Ирма ориентировалась не на характеристики оружия. Просто его название звучало веско и мужественно, а она всегда придавала большое значение словам.

Илюшин – не частный сыщик, это ей было ясно с первой минуты их разговора. Шестерки рыщут, ищут своего босса. Вряд ли они появятся еще раз. Но если придут, она будет готова.

Однако Ирму ждало разочарование. Погрузившись в упоительные сцены воображаемого сражения с приспешниками Гройса, она упустила из виду, что боевой пистолет в России купить нельзя. Продавец, сообщивший ей об этом, был вознагражден яростным взглядом и короткой проповедью о гражданских свободах. «Нельзя, – флегматично повторил он. – Но можете приобрести историческое».

У Ирмы загорелись глаза. Она вдруг ощутила в себе вкус к настоящему старинному оружию, к тускло сияющей стали, вороненому прикладу, гравировке, которой так приятно касаться пальцем. Ее револьвер будет овеян магией имени – несомненно, аристократического – которому он принадлежал.

«Без патронов, – добавил консультант. – Хотите обычный ствол, получайте спортивную лицензию. Ну или если вас президент наградит...»

Она вышла из магазина, с трудом сдерживая бешенство. Что за страна, где добропорядочная женщина не может купить оружие для защиты от всякой швали!

Но вскоре к ней вернулась способность мыслить рационально. Она зашла в интернет-кафе и погрузилась в изучение сайтов, официально считающихся заблокированными.

Час спустя она в полном изумлении оторвала взгляд от экрана. Легкость, с которой обычный законопослушный гражданин мог стать владельцем хоть нагана, хоть пистолета-пулемета, ошеломляла.

«Возможно, это обман, – сказала себе Ирма. – Рано радоваться».

Сетевой рынок нелегального оружия был огромен, а способы приобретения давно отлажены. Расчет осуществлялся в биткоинах – цифровой валюте. Приглянувшаяся ей модель была доступна для получения уже сегодня – при условии внесения полной оплаты.

«Возможно, я сошла с ума», – сказала себе Ирма, обменивая рубли на биткоины.

«Я только что отдала свои деньги незнакомым людям», – сказала себе Ирма, переведя продавцу оружия требуемую сумму – чуть меньше шестидесяти тысяч.

«В лучшем случае меня обманут. В худшем сдадут полиции».

Старый Гройс со своими методами мошенничества давно стал раритетом. Кистеперая рыба, древняя, почти вымершая. Будущее за цифровыми преступниками, думала Ирма, глядя на потемневший экран и мысленно прощаясь со своими деньгами.

Экран проснулся. В углу замелькал квадратик нового сообщения. Ирма с забившимся сердцем подвела к нему курсор и прочитала адрес, по которому находилась закладка с оружием. Это оказались всего лишь координаты GPS. И лаконичная подпись: «Уборная. Сзади».

«Это полиция, – думала она, расплачиваясь с официантом. – Они регистрируют сайт, а потом следят за такими, как я. Возле закладки меня возьмут». Но какая-то сила влекла ее, заставляя сесть за руль, поставить навигатор, вбить в него указанные координаты и проложить маршрут.

«Я только посмотрю издалека».

Место оказалось заброшенной автозаправкой на выезде из города. Вокруг клубилась сухая пыль, обочины покрывал равномерный слой окурков. Ирма встала на обочине и огляделась. Мимо пронеслась фура, словно торопясь сбежать из города, и от потока воздуха Ирму качнуло вместе с машиной.

Она посидела, кусая губы.

Решительно вышла из машины и пошла к синей будке туалета, стоявшей в отдалении. Ей пришлось преодолеть заросли высокой колючей травы, уже сухой, несмотря на начало июня. Потрепанная обувная коробка стояла возле задней стенки и выглядела так, словно брошена тут по меньшей мере месяц назад.

Ирма сдвинула носком туфли крышку и без всякого удивления обнаружила внутри небольшой пистолет.

«Пока я до него не дотронулась, меня не за что брать!»

Она наклонилась и с бьющимся сердцем взялась за ствол.

Ничего не произошло. Из кустов не выскочили оперативники, не раздался голос из громкоговорителя, призывающий ее немедленно положить оружие и лечь вниз лицом. Только к подолу прицепились еще три репья, пока она выбиралась из зарослей.

К тому времени, когда она подошла к машине, ей стало совсем

спокойно. Все у нее получилось. Разумеется! Так Бог показывает тем, кого любит, что они выбрали правильный путь.

По пути домой Ирма положила пистолет на пассажирское сиденье и время от времени поглядывала на него. Этот предмет обладал магической силой. Он умел превращать живое в мертвое. «Почти как лопата», – подумала она и засмеялась. Она смеялась, заезжая на заправку, смеялась, покупая воду у девушек в мини-маркете. Девушки уговорили ее взять еще шоколадку и чистосердечно пожелали легкой дороги этой милой смешливой даме. Заправщик, старый молчаливый узбек, посмотрел ей вслед с ужасом и до конца дня не мог забыть белое напудренное лицо с мертвым оскалом.

Ирма вошла в гараж. В углу пылилась складная инвалидная коляска, когда-то купленная для матери. Женщина разложила ее, выкатила на середину гаража и удовлетворенно вздохнула.

Старик был прав в своих предположениях: она действительно искала место для могилы. И почти нашла. Осталось вырыть ее, а затем доставить Гройса до места назначения.

Но здесь возникала загвоздка. Подумав, Ирма признала, что везти труп в машине – не лучшая идея. Ее могут остановить полицейские. Или лопнет колесо. Такие вещи всегда случаются некстати. Кто-нибудь заметит неподвижного старика на заднем сиденье, начнет задавать вопросы, и все пойдет наперекосяк.

Ирма обдумывала свое положение, как будто писала сюжет для персонажа, который выходил целым из всех передряг. Ценного персонажа, сквозного. Главного!

Эта отстраненность помогала ей сохранять присутствие духа. Утром, чистя зубы, она поймала себя на том, что хихикает, произнося про себя «место назначения». Самые обыденные словосочетания приобретали сладкий привкус абсурда. Ей это ужасно нравилось.

Но подняв глаза, Ирма увидела в зеркале незнакомое лицо.

Оно ее испугало.

Чужая женщина ухмылялась и подмигивала, размахивая ее зубной щеткой. Даже глаза у нее были другого оттенка!

Это раздвоение заставило Ирму осознать, что она в опасности. Нельзя давать себе волю. Она порадуетя потом, когда все закончится. «Милая, ты писатель, – строго напомнила она себе. – Заканчиваешь самую важную свою книгу. Не вздумай срывать сроки!»

Дописать пару сцен – и материал можно сдавать редактору.

Едва Ирма переключила внутренний тумблер на обдумывание сюжета, ее озарило. Везти Гройса нужно живым. Вот когда пригодится вторая ампула, которую она хранила в аптечке на крайний случай.

И все выстроилось в стройную линию.

Инвалидная коляска.

Старые вещи бабушки, оставшиеся на чердаке.

Бритва.

Она сделает ему укол, переоденет в женскую одежду. Никто не смотрит на лица стариков. Что там можно увидеть? Морщины? Подглазные мешки? Гройс сам научил ее этому! Время – словно ластик, стирающий индивидуальность: чем старше человек, тем меньше в нем признаков его пола; в конце концов остается просто особь, – не он и не она, а человек. Существо. Разве мало встречается бородатых старух или стариков с оплывшими бабьими лицами? Их не отличить друг от друга, если обрядить в одинаковую мешковатую одежду.

Она превратит Гройса в женщину. Славную старушку, дремлющую в машине. Сложенная коляска помещается на заднем сиденье, и даже если ей встретится дотошный полицейский, у него не вызовет сомнений ее объяснение: она везет бабушку в больницу. Бабушка давно в деменции, только спит, ест и ходит под себя.

Никто не захочет проверять, правда ли это.

Всем плевать на стариков.

Ирма завезла коляску в дом. На чердаке среди старья, помнится, были юбки, вязаные кофты и несколько платков унылой расцветки. Они ей пригодятся.

Да, но чем убить?

Застрелить? Но зачем поднимать шум?

«Молотком для отбивания мяса, – шепнул внутренний писательский голос. – Положить ему на затылок пакет, чтобы не разбрызгалась кровь. Ударить молотком. Кости хрупкие, сразу треснут».

Ирма почувствовала прилив вдохновения. Как замечательно она все придумала! До чего жаль, что нельзя описать все это в книжке. Она вдруг осознала, что больше всего ей хотелось бы похвастаться не перед абстрактными читателями, а перед самим Гройсом. Он бы оценил ее план.

На той же волне светлой радости Ирма приготовила для пленника овощной суп. Хотелось сделать ему приятное, позаботиться о старом

дурне. Сперва ей показалось, что суп пересолен, но Михаил Степанович съел две тарелки, нахваливая ее стряпню, и Ирма снова расцвела.

Потом он диктовал свою очередную историю, она слушала, посмеивалась и не могла отделаться от мысли, какой он все-таки милый. Это непреодолимое обаяние смерти... Даже такую тварь, как Гройс, оно делает симпатичнее.

«Умрет – будет выглядеть совершенно как святой».

Какой-то частью своего сознания она понимала, что этот маятник, раскачивающийся от ненависти к умилению, отсчитывает очень странное время. Но часы уже были заведены, а прочее не имело значения.

С ней творилось что-то ненормальное. Ее рот то и дело съезжал на одну сторону – Гройс был уверен, что это тик, пока не осознал, что это улыбка и адресована она ему. Его продрал озноб.

– Сладкого хочется, – внезапно сказал он. – У вас есть шоколад?

Ирма сказала, что шоколада нет.

Старик надулся.

– Есть печенье, – предложила она.

– Печенье ешьте сами!

– А вы не грубите!

Он обиженно закутался в плед и сообщил, что на сегодня с историями покончено. Он устал. Ему не дают самой простой еды, высмеивают и не относятся к его желаниям всерьез. Он думал, они партнеры. Он думал, она его уважает.

Ирме стало смешно. Господи, ну в самом деле – капризный ребенок! Ноет, хочет сладкого и пытается брать ее измором.

– Принесу я вам шоколад. Какой вы любите?

Гройс поскреб ногтем отросшую щетину и сказал, что любит «Вдохновение».

Плитка нашлась в местном магазине. На Ирму поглядывали с интересом – она редко появлялась в поселке.

– Вас тут молодой человек искал. – Продавщица кокетливо повела плечом. – Симпатичный!

Ирма кивнула и указала на кефир:

– Срок годности не истек?

– Ну что вы! А пряников не хотите?

Ирма взяла и пряники, и даже подсохшую помадку. Уже вручив ей пакет, девушка спохватилась:

– Так нашел он вас? Парнишка-то?

– Ах, какой прок в моем возрасте от парнишек, – вздохнула Ирма.

– Ну что вы! Вы прекрасно выглядите! – запротестовала девушка. Хотя в глубине души, конечно, полагала, что сероглазым мужчинам подходят молодые красавицы, а не пятидесятилетние тетки. Они с Ирмой обменялись комплиментами, мило распрощались, и только после ее ухода продавщица сообразила, что на вопрос ей так и не ответили.

– Держите ваше «Вдохновение»!

Гройс так обрадовался шоколаду, что Ирма растрогалась.

– Хотите, я вам чаю сделаю?

– Хочу!

В благодарность Гройс рассказал, что значит «разгон на вынос» и поделился историей о том, как он сбывал телефоны «Верту» всем желающим по двадцать тысяч. Ирма смеялась и аплодировала.

– В конце концов, продал же Виктор Люстиг целую Эйфелеву башню, – скромно закончил Гройс. – Я не достиг его высот, но мне есть к чему стремиться.

Уходя, она забрала чашку, но оставила шоколад. Гройс незаметно сдвинул его под одеяло. Ему нужна была вся плитка, а не отдельные дольки.

Действовать предстояло быстро. Судя по всему, ему отпущено не больше суток.

«Я должен успеть».

Раньше закрытая дверь выводила его из себя, теперь же он благословлял ее. Прекрасная дверь, замечательная дверь! Главное – слепая. В ней не было стекла.

Еще днем он оторвал внутреннюю сторону обложки от многострадального Монте-Кристо и сложил из нее коробочку. Если знать, как правильно складывать, в тару из плотной бумаги можно наливать воду и она не протечет минимум пару часов. А если бумага с хорошей пропиткой клеем, то и дольше.

У Гройса не было воды. У него был хлебный мякиш, заваренный чаем.

Эту бурду он замешал еще в обед и спрятал под кроватью. Если бы Ирма вздумала прибраться в комнате или Чарли сунулся бы к заманчиво пахнущей площадке, все бы провалилось. Но ему повезло.

«Да, повезло, – думал старик, с усилием отрывая небольшой кусок простыни. – Должно же и мне в конце концов повезти».

За пару часов хлеб разбух, превратился в густую клеклую массу. Хлеб, особенно второсортный белый с правильной текстурой – удивительный

материал. Гройс, по молодости лет неоднократно сидевший в тюрьме, кроме четок и шахмат, которые способен *изобразить* любой уважающий себя заключенный, пару раз мастерил обоюдоострые кинжалы. Резать таким кинжалом нельзя, но в качестве колющего оружия он незаменим в тюремных драках (и в отличие от настоящего ножа, без труда растворяется горячей водой).

Для ножа, допустим, требовалась цементная пыль, которой у него не было.

Но для клея достаточно хлеба и чая.

Гройс дважды протер размякшую пахучую массу через обрывок простыни, собирая то, что получилось, в ту же коробочку. Больше всего он боялся, что Ирма зайдет в комнату – ему не удалось бы скрыть следы своего преступления. Но она возилась на чердаке. Он слышал ее шаги над головой.

Интересно, что она там делает?

Мокрый кусок ткани он скомкал и сунул под подушку. Взял «Мизери» Стивена Кинга – она была больше по формату. Вырвал десять листов, разложил перед собой на кровати и принялся методично, зачерпывая пальцами, наносить на них импровизированный клейстер.

Хорошо, что Ирма не жалела хлеба. Если бы он съедал все, что она ему приносила, у него давно бы случилось несварение.

Смочив листы, Гройс сложил их внахлест и очень ловко свернул в длинную трубку небольшого диаметра. Для верности еще раз промазал стыки остатками клейстера. Теперь нужно время, чтобы пропитка затвердела.

Он немного сдвинул матрас и положил трубку на край кровати возле стены. Гройс обращался с влажной бумагой исключительно бережно.

– Только бы не смять, – бормотал он. – Только бы не смять...

Все. Пара часов – и будет готово.

Теперь второй этап. Здесь ему не обойтись без помощи Ирмы.

Гройс дважды отрепетировал, что предстоит сделать. Каждое движение, каждое слово.

«С Богом!»

Из комнаты донесся слабый, но требовательный звон колокольчика. Ирма расчихалась от пыли, но вниз спустилась ликующая, с целой стопкой вещей. Здесь были тонкие хлопковые косынки, пестрые платки, нашлась даже оренбургская шаль из козьего пуха.

– Что случилось, Михаил Степанович?

В комнате висел отчетливый кисловатый запах. Проклятый вонючка!
– Я хочу писать, – виновато сказал Гройс.

Ирма ногой придвинула ведро.

Старик поднялся, пошатываясь. Зашуршала одежда. Закончив свое дело, Гройс почему-то застыл на месте.

Ирма обернулась. Старик стоял со спущенными штанами, словно впад в забытие. Внезапно он лягнул ведро и пошел вокруг постели, покачиваясь, точно сомнамбула, глядя перед собой невидящими глазами и вытянув свободную руку.

Длины цепочки хватило на три шага. Целеустремленное движение Гройса закончилось, когда его дернул наручник. Старик рухнул и, уже упав, задел ногой кадку с фикусом.

Ирме было не до растения.

Выпучив глаза, она смотрела на зловонную желтую лужицу, разливающуюся по полу. Отвращение пригвоздило ее к месту. Тревожная лампочка мигала красным, отчаянно надрывались сирены: «Опасность химического заражения! Опасность химического заражения!»

Моча на ее линолеуме!

Она бросила короткий взгляд на старика, закатившего глаза, и рванула на кухню. Перчатки, где перчатки? Тряпка, моющее средство, хлорка... Маска для лица! Ирма металась, охваченная паникой.

Вернувшись в комнату, она кинулась вытирать лужу. Маска не спасала от вони. Ирме казалось, что моча успела впитаться в линолеум, и она ожесточенно терла его, пока не заныли плечи.

Лишь тогда она вспомнила про Гройса.

Старик лежал без сознания, ногами прижимая несчастный поваленный фикус. Ирма хотела всего лишь похлопать его по щекам, но от злости влепила такую пощечину, что бедняга дернулся и пришел в себя. В открытых глазах мелькнуло непонимание.

– Что? Где я? Что случилось?

– Вставайте! – Она с силой вздернула его за шкуру. – Вы что, с ума сошли? Не могли предупредить меня, что плохо себя чувствуете?

– Я сам не сразу понял, – оправдывался Гройс. – Это из-за голодовки...

– Лежите и не смейте вставать. С сегодняшнего дня будете писать в утку!

Она яростно скомкала грязные тряпки. Выкинуть, выкинуть немедленно вместе с ведром!

– Только не в утку! – заныл старик. – Больше не повторится, обещаю!

Ирма его не слушала. Залить мочой ее пол! Дрянь какая!

Если бы она не была в таком бешенстве, то обязательно задала бы себе вопрос: как могло случиться, что фикус, который должен был опрокинуться в другую сторону, оказался под ногой Гройса.

Но ярость на время лишила ее способности соображать. А потом Ирма об этом просто забыла.

...Оставшись один, Гройс неторопливо размотал с запястья длинный шнур с шариком на конце. Он плел его с самого утра, выдергивая нитки из шерстяного пледа. Шнур получился прочным. Старик утяжелил его засохшим хлебным мякишем и два часа тренировался попадать в цель.

У южноамериканских индейцев есть оружие – бола. К веревке длиной около метра охотники привязывали камни на обоих концах. Метко брошенная раскрученная бола обвивает ноги жертвы, и та оказывается стреноженной.

Этот принцип использовал и Гройс.

Остальное было делом техники: падая, кинуть шнур так, чтобы хлебный шарик обвился вокруг ствола фикуса. Дернуть на себя. Как только Ирма выбежит из комнаты, распутать веревку.

Быстро, просто, эффективно. Вздумай он заарканить деревце в ее отсутствие, Ирма примчалась бы, привлеченная грохотом. И как бы он объяснил охоту на фикус?

Но самая удачная идея, конечно, была с ведром. Гройс вспомнил выпученные глаза Ирмы и удовлетворенно хмыкнул. Ей так ненавистно все, связанное с физиологией, что в это время он мог бы утащить фикус хоть в постель – она бы не заметила.

Он вытащил из-под пижамы то, ради чего все затевалось – обломанную ветку фикуса. «Ровная, прямая... Загляденье». Оборвал листья, с сожалением подумал, как не хватает ножа. Заточить бы... Но сойдет и так. Он удачно отломил ее – кончик оказался заострен.

Последняя записка с тем же текстом, что и предыдущие, лежала под подушкой. Гройс вытащил из пледа еще одну нитку, разложил перед собой пучок перьев. К толстому концу будущей стрелы примотал перышки. «Покрасить их нечем... Жаль».

Затем настал черед шоколадной плитки. Гройс аккуратно снял фольгу с каждого брусочка. Чередуя фольгу с бумагой, плотно обернул палочку, не оставляя просветов. Чтобы не съехала, закрепил ниткой – на этот раз тонкой, выдернутой из простыни. Полюбовался на свое творение и, подумав, все-таки пожертвовал еще тремя каплями крови. Перышки окрасились бурым, и старик обрадованно кивнул.

Вот так будет заметно!

Стрела у него лишь одна. Он торопился снять шнурок и не смог отломить больше веточек. Значит, будет единственный выстрел.

Духовая труба вышла отличной. В тюрьмах с незапамятных времен используется «воздушная дорога»: газета промазывается хлебным клейстером, а затем сворачивается в длинный «ствол». Специальная утяжеленная бумажная пуля из такого ружья может пролететь метров пятьдесят.

«Мне хватит и сорока».

Пусть завтра будет хорошая погода, подумал Гройс. Мне нужно солнце. Мне обязательно нужно солнце, чтобы мальчишки поехали кататься, я услышал дребезжание велосипедного звонка, выпустил стрелу и она упала на дорогу. Фольга блестящая, она привлечет их внимание. Пацаны не заметили хлебные шарики. Но мимо стрелы они точно не проедут.

Покажите мне такого мальчишку, который не поднимет стрелу!

Глава 11

Было раннее утро, когда Динара Курчатова вышла из машины и направилась к кафе. Плечо оттягивала сумка с ноутбуком. Динара не понимала, зачем везти компьютер с собой, но Илюшин настаивал, и пришлось подчиниться.

Кроме двух частных сыщиков, за столиком сидел невзрачный лысый человек с плоским личиком.

– Динара, можно компьютер?

Все трое были молчаливы и напряжены.

– А если не подтвердится? – спросил Сергей.

– Подтвердится. – Илюшин передал ноутбук третьему. – Сеня, проверь, пожалуйста.

– Эй, эй! – запротестовала Динара. – А если у меня там секретные материалы?

– Тогда ты влипла, – серьезно сказал Макар.

Тот, кого он назвал Сеней, открыл ноутбук и занес руки над клавиатурой, точно пианист. Пару секунд он хранил неподвижность, а потом ударил по клавишам.

Что за музыку он извлекал из ее старой машины? Динара недоверчиво наблюдала за ним.

– Ты мне ничего не объяснил, – зло сказала она Макару. – С диадемами, как я понимаю, можно распрощаться?

– Это будет ясно через пару минут.

Динара замолчала.

– Вот она, красавица! – Сеня потянул Илюшина за рукав, как мальчишка, делящийся находкой со взрослым. – Никто ее не прятал.

– О чем вы?

– Он нас сейчас видит? – спросил Макар.

– Нет, что ты.

Илюшин отодвинулся, давая место Динаре.

– Смотри: вот программа. Название тебе что-нибудь говорит?

Она покачала головой.

– Этих программ десятки...

– Такой на компьютере прежде не было. Она позволяет подключиться к твоей камере с чужого девайса. Это шпион, понимаешь?

Динара очень медленно дотронулась пальцем до глазка на верхней

панели.

– Ты хочешь сказать...

– Все, что ты делаешь, транслировалось кому-то в вашем доме. У тебя часто открыт ноут?

– Почти постоянно. Я слушаю музыку.

– Гримировалась ты тоже перед ним?

Динара кивнула.

Она чувствовала себя так, словно посреди многолюдной площади с нее рывком сдернули всю одежду. Камера... Программа-шпион...

Борис следил за ней. Кого не любят, тому не доверяют.

– Давно эта программа... там стоит? – слабым голосом спросила она.

– Сень, можем выяснить?

– Можем. Только время займет.

– А это имеет значение? – спросил ее Илюшин.

Она пыталась понять, имеет или нет, но не могла. Ей показалось, во взгляде Макара промелькнула тень сочувствия.

– Сначала мы думали, что на ювелиров напал твой брат, – сказал он. – Все на это указывало. Он знал о твоих замыслах, ему не составило бы труда найти подельников для ограбления. Вчера достоверно выяснилось, что это не он, – Макар потер плечо и поморщился, – и вдруг до меня дошло. У одного из грабителей на руке была татуировка. «...and destroy». Я был так уверен, что это название сингла «Металлики», что не проверил другие варианты. А они есть. «Skate and destroy» – вот что было написано у этого парня.

– Что это значит? – без всякого интереса спросила Динара.

– Это лозунг скейтбордистов. И еще есть песня с таким названием. Тоже про скейтеров.

Она подняла голову. В застывшем лице что-то дрогнуло.

– Готов спорить, что в компании твоего пасынка найдутся ребята, которые носят светящиеся кроссовки. Это молодежная обувь. Твой брат и его друзья для нее староваты. А для скейтеров производитель делает кеды с очень широкими шнурками. Фишка у них такая, понимаешь?

Динара расширенными глазами смотрела на Илюшина.

– Василий! – выдохнула она.

Илюшин кивнул.

– Мы знаем, кто украл диадемы. Но мы не можем их тебе вернуть. Я думаю, они где-то в доме, вряд ли он отдал их приятелям.

Динара схватилась за виски. Василий! Господи, она слепая курица!

– Он за мной подглядывал!

– Расскажи ей все, – проворчал Серей Бабкин.

Все? Что значит все? Что еще они могут ей рассказать? Ее фотографии в нижнем белье выложены на порнографические сайты?

Динара не удержалась от сухого смешка. Такого рода внимание ее не пугало. Она только хотела бы, чтобы с нею поделились процентом от дохода.

Вот в чем беда со всеми Курчатовыми. Они играют нечестно.

– Так мне разбираться, когда установили программу, или нет? – недовольно спросил человечек.

– Не нужно, – ответила Динара за Илюшина. Она почти пришла в себя. – Будь добр...

Она забрала ноутбук и захлопнула крышку.

– Спасибо, Сень. Ты очень помог.

Парень без слов взял протянутый конверт, шутливо поклонился и исчез. Они остались втроем.

Смятение, парализовавшее Динару, едва она узнала о слезке, рассеялось. Ее острый изобретательный ум уже подыскивал способы вывернуться из ловушки, не оставляя противнику ни клочка шерсти. О Василии она думала без всякой ненависти, скорее с оттенком восхищения. Мальчику удалось ее удивить. Она недооценила его.

Рассказал ли он отцу о диадемах? Что за игру затеяли Курчатовы? Как бы там ни было, на ее стороне есть одно преимущество: они не знают, что ей известна их роль в этом деле. Для них она – несчастное, мечущееся в панике животное. Охотник не боится лису, не ждет, что она прыгнет на шею его лошади с оскаленной пастью.

«Тебе не до лошади, милая, – сказала себе Динара. – Ты в капкане всеми четырьмя лапами. Думай, думай, как выбраться!»

Она вспомнила про Илюшина, подняла на него взгляд и вздрогнула. Сыщик смотрел с насмешливой проницательностью.

– Хочешь, чтобы мы помогли тебе найти диадемы?

Динара кивнула.

– Забудь, – вмешался Бабкин. – Макар, ты же не собираешься в этом участвовать?

К облегчению Сергея и разочарованию Динары, Илюшин покачал головой.

– Мы сделали для тебя все, что могли. Не стану врать, что меня не развлекает твое положение. Вор у вора дубинку украл!

– Тебя это веселит? – прищурилась Динара.

Вместо ответа Илюшин расплылся в широкой ухмылке. Несколько

секунд она смотрела на него – и вдруг рассмеялась.

Бабкин недоумевающе покачал головой. Во дает девка! То сидела пришибленная, то разозлилась, а теперь вон хохочет во все горло. Была бледненькая, несчастная – обнять и плакать. И ведь не обнял никто, не утешил. А все равно глаза сверкают, разругалась, словно они выложили перед ней на бархатной подушечке эти диадемы, из-за которых столько шума. И хороша же, чертовка! Только очень уж непредсказуемая. Сергей таких женщин побаивался: никогда не знаешь, что они сделают в следующую минуту – то ли в огонь за тебя пойдут, то ли по горлу полоснут. И сиди думай, чем заслужил.

Динара сунула ноутбук в сумку и поднялась, глядя на них сверху вниз. Черные глаза весело поблескивали.

– Спасибо. Я оплачу работу полностью.

– Половина, – сказал Макар. – Договоренность была о возвращении украшений.

Сергей под столом двинул его пяткой. Сбрендил? Кто по доброй воле лишает себя гонорара?

Девушка покачала головой.

– Мне виднее. – Лицо ее внезапно смягчилось. – Вы правда помогли. Очень.

– Сядь, пожалуйста, – попросил Макар. – Я тебе не все рассказал.

– В чем дело?

– Это уже не относится к диадемам. Но нам с Сергеем кажется, что ты должна об этом знать.

Тимур не собирался ехать на тренировку. После вчерашнего ему вообще ничего не хотелось, только лечь под одеяло и спать, спать, чтобы не вспоминалось всякое. Но Надежда объявила, что планирует уборку, и выгнала его без всяких церемоний: чистота важнее спокойствия мужа.

Пришлось собрать сумку и плестись в зал.

Возле «Тойоты» стояла Динара. Тимур ей виновато улыбнулся и ускорил шаг, словно был рад встрече. Рассказали все-таки, уроды, беззлобно подумал он. Что за мужики пошли... Никакой солидарности со своими.

– Хорошая у тебя машина. – Динара сбросила с бокового зеркала прилипший березовый листочек. – Давно купил?

– Пару месяцев. Слушай, Динарка...

– А деньги ты у меня брал последние два года.

– Ну, брал! Но это все не так, как тебе кажется!

– Я все понимаю, – спокойно сказала сестра. Она вглядывалась в него, как будто за прошедшую ночь он сильно изменился. Хотя чему там меняться – ну, синяк на скуле, которой его приложили об стол, да и тот замаскировала Надежда какой-то своей женской косметикой. – Ты решил, что это несправедливо – у меня много денег, а у тебя нет. Я же замужем за олигархом... И рассказал мне сказку о несчастном больном мальчугане, которому требуются деньги на лечение.

– Мальчуган-то и правда больной, – криво усмехнулся Тимур.

– Да, только деньги ты ему не передавал.

– Кое-что передавал...

Динара еще раз взглянула на машину.

Тимур испытывал не стыд, а лишь обиду на дурацкие обстоятельства, лишившие его надежного источника дохода.

– Ты забудь о том, что я тебя обманул, – попросил он. – Просто скажи: что я такого плохого сделал? Я же вижу, у тебя лицо такое, будто я тебе чужой.

– Что плохого? – изумленно переспросила Динара.

– Для тебя эти деньги – тьфу, мелочь. Они у тебя из рук летят, ты даже не замечаешь. Здесь туфли за сорок тысяч, там маникюр за четыре. Ваше семейство от этого не обеднело. А я... я жил!

Тимур выпрямился, поднял подбородок.

– Эта работа – она же в гроб меня вгоняла! – горячо сказал он. – На чужих людей батрачишь, света белого не видишь, получаешь гроши. А ты меня осчастливила, Динарка! Что ты смеешься? Я два года жил как хотел! Клуб дорогой – пожалуйста! Тачку – ради бога! Ты пойми, мне ведь не так много надо. Я парень скромный.

Не переставая смеяться, она дотронулась до отворота его спортивного костюма. Ее почему-то смехила мысль, что все, что на нем, куплено за деньги Курчатова. И кроссовки. И трусы. И носки.

– Хорошо ты устроился, Тимур! Сел на шею двум бабам, ножки свесил и сидишь довольный! Слушай! – лицо ее изменилось, словно ей пришла в голову внезапная идея. – А у Гули своей ты тоже брал? Ну признайся! Хотя немножко-то стрелял, а? Тут пару тысяч, там пятихатку. Она же все равно с инвалидом мучается. Жизнь ее пропащая. Зачем ей деньги?

Тимур оскорбился. До этих ее слов он старался щадить сестру. Все-таки ей неприятно было узнать о его небольшой лжи. Хотя он на ее месте радовался бы. Не чужого человека поддерживала – родного брата!

А она его, значит, беречь не собирается. Обижает и обвиняет в гадостях.

Тогда разговор с ней пойдет как со взрослой.

Он присел на заборчик, достал сигарету.

– Ты куришь? – удивилась сестра.

– Не на свои же! – он подмигнул. – Что ж не курить!

Пока брат чиркал зажигалкой, Динара думала, что он совершенно такой же, как был. Веселый, легкий... Красивый! Даже синяк, неумело замаскированный консилером, ему идет.

– А теперь я тебе кое-что объясню. – Он выпустил дым, хозяйски поставил ногу на сумку. – Ты мне эти деньги не просто так давала, милая моя. Ты меня покупала.

Брови Динары полезли вверх.

– Не кривись, – улыбнулся Тимур. – Я на тебя зла не держу. Ты мне покупала судьбу, которая бы тебя устроила. Я должен был с Надей развестись, а сам жениться на Гуле. И воспитывать ее мальчика. Правильно?

– Но ты же сам... – растерялась Динара. – Ты же ее обожал! Сбегал к ней постоянно от этой своей...

– Да не от Нади я сбегал, дурочка, – рассмеялся Тимур. – Ну нравится мне, когда меня бабы любят. Вот такой я, что ж поделать! А тут девочка, нищая, несчастная, смотрит на меня как на бога... Кто же от такого откажется? Да и в постели... старательная!

– Ты хотел к ней уйти! – шепотом закричала Динара.

– Это ты хотела, чтобы я к ней ушел. А я тебя не разубеждал.

Она собиралась возразить – и промолчала. Это была правда. Она надеялась, что в один прекрасный день Тимур придет к ней с известием о разводе. Молодая, нежная, ласковая Гуля будет любить ее брата как надо. И Динара сможет приезжать к ним в дом, а не прятаться по дешевым забегаловкам. Тимур будет растить чужого мальчика, а потом они родят своего, и у нее появится племянник, которого она станет баловать. Надежде уже за сорок, она не желает детей. А Гуля немногим старше самой Динары.

Она действительно распределила роли для всех и мягко, но неуклонно подталкивала брата туда, где ему было бы хорошо.

Где им всем было бы хорошо.

Если можно купить за деньги влюбленность, благодарность, счастье – почему бы этого не сделать?

– Я старалась ради тебя, – сказала она наконец. – Вы с Гулей... Вы были бы отличной парой! Надежда тебя обижает...

Тимур захохотал. Он так смеялся, что у него даже сигарета выпала. Две школьницы, бредущие мимо, засмотрелись на него, и Динара с трудом

удержалась, чтобы не шугануть их: а ну брысь! Прочь, мелюзга! Нечего тарашиться! Это мой брат, а не чужой красивый мужчина, не смейте поедать его глазами!

– Ты ж моя маленькая сестренка! – Отсмеявшись, он погладил ее по руке. – Наивная совсем, глупенькая... Надежда на меня орет, но она же меня обстирывает, обхаживает, носки мне гладит, на рынок с утра бежит, к обеду харчо уже в кастрюльке булькает, котлетки шкворчат. Может, конечно, и полотенцем огреть, – он подмигнул, как будто его это веселило («Так и есть», – подумала Динара). – Но я у нее как у Христа за пазухой? Если, не дай бог, заболею, Надька надо мной в лепешку расшибется. А у Гули что?

– Гуля добрая. Ты сам мне рассказывал!

– У нее сын-инвалид! Какое там харчо, какие котлетки. Никогда она за мной так ухаживать не станет, как Надежда. Ребенок из нее все силы вытягивает, все соки высасывает. А мне что останется? Нет, сестренка, я на такое не согласен. Роман покрутить пару лет, да хоть десять – это всегда с радостью. А семейная жизнь – дело такое, ответственное. Жену надо не по симпатиям подбирать, а с умом.

Он досадливо щелкнул языком. Все-таки с мужиками проще, они такие вещи сами с полуслова понимают. А женщины глуповаты. Даже сестра – хоть и хорошая девчонка, но видно, что ей не по нраву его объяснение. Взгляд пустой, лицо потемнело. Что-то кипит у нее в голове – детский супчик из грязи, песка, листьев и дождевой воды. Получается несъедобное варево, только куклам разливать в игрушечные тарелки. А здесь взрослая жизнь, не игра в песочнице.

До чего же жаль, что эти двое, устроившие вчера такую заварушку, все ей рассказали.

– Я вот думаю, – медленно сказал Тимур. – Кому нужна правда? Зачем ее в культ возводят? От правды только хуже. Не узнала бы ты моих секретов, все были бы счастливы. Ты бы считала, что твои деньги идут на благородное дело. Тебе от этого приятно: вроде не впустишь небо коптишь, содержишь инвалида... Сразу появлялся смысл у твоего брака! Ты не отпирайся, я же понимаю! И Гульке было хорошо: я им лекарства привозил, баловал ее... Про себя я тебе уже рассказал. А теперь что? Ты ведь мне больше ни копейки не дашь?

– Не дам.

Он с сожалением вздохнул.

– Вот видишь. Я об этом и говорю. У всех все рухнуло. Всем плохо, только твоим двоим правдорубам хорошо.

У него оставалась надежда, что она передумает. Во взгляде ее что-то мелькнуло... И лицо как будто ожило.

– Какая же ты сволочь, – почти спокойно сказала Динара. – Лживый, ленивый альфонс.

– Зачем обзываешься? – огорчился Тимур. – Грубостей не хочу слышать. Ты женщина, тебе нельзя!

Вместо того чтобы извиниться, Динара вполголоса произнесла несколько фраз. Тимур вскочил. Даже от мужчин на стройке он не слышал такой грязной брани и никогда не думал, что его маленькая сестра может произнести вслух подобные слова. Динара уже ушла, а он все топтал растерянно окурков, думая о том, что следующий месяц в клубе у него не оплачен.

Василий уже четыре часа рубился в старый добрый «Мортал комбат», изредка отвлекаясь на пиво. Хорошая вещь игра – забиваешь ей голову, как коробку пенопластом: вроде и легкая, и внутри не осталось свободного места. Ни одна дурацкая мысль не поместится.

В дверь постучали, и прежде чем он успел крикнуть «открыто», вошла Динара.

Сразу выяснилось, что пенопласту на то, чтобы сжаться в микроскопический шарик, хватает пары секунд.

Василий закрыл игру и поднялся.

Уезжала она в джинсах и короткой кожаной курточке – он следил за ней в окно, – а сейчас переделалась в платье. Легкое, тонкое, в мелкий цветочек. Оно ей и шло, и не шло. Она в нем была какая-то другая, непривычная... И босоногая!

Василий заставил себя не смотреть на ее маленькие ступни.

– Чего тебе?

Получилось грубо, но это даже хорошо. Чего с воровкой церемониться.

Он так радовался своей идее запустить ей на компьютере «шпиона»! Представлял, как она танцует, как раздевается... Может, даже ласкает себя! При одной мысли об этом пересыхало во рту. «Я же ничего плохого не делаю, – успокаивал себя Василий. – Пару дней понаблюдаю... Вдруг она отцу изменяет!»

Предположение отдавало бредом. К Динаре никто не приходил, да и не мог прийти: Альфия бдительно следила за моральным обликом невестки. «Она же хитрая. Мало ли что придумала!»

Он приник к экрану компьютера как раз в тот момент, когда Динара

вернулась к себе с паспортом свекрови.

Следующий час Василий, онемев, наблюдал за ее перевоплощением. Он не сразу понял, что делает Динара, а поняв, долго не мог поверить. И лишь увидев, как она выкладывает на стол диадему, выругался. Офигеть! Динарка ее украла!

Проследить за ней оказалось несложно. Самоуверенность Динары поубавилась бы, узнай она о том, что попала в ту же ловушку, что и Гройс. Василий видел, кому она отнесла украшение. Он не был дураком, и вспомнив, что у бабки приближается юбилей, сообразил, что затеяла мачеха.

Его разбирало бешенство пополам с восхищением. Хитрая стерва! Первой мыслью было рассказать все отцу, но внезапно Василий осознал, что теперь он полноправный участник игры.

И может выиграть кучу денег.

Отец контролирует его. Даже карманные приходится кланчить, унижаясь и ползая на брюхе. Бабка гоняет его, Динара вообще не дает ни рубля... И вот у него появился шанс разбогатеть!

Он продаст диадему, а виноватой останется Динара.

Никто никогда не узнает, что именно он ограбил ювелиров.

Позже Василий сам изумлялся той необычайной легкости, с которой им удалось повернуть все дело. Как будто они вновь стали мальчишками и играли в гангстеров.

Игрушечные автоматы купили в детском магазине и дома вынули оранжевые заглушки. Пластиковые, шершавые, с зазубринами на стволах, они смотрелись страшнее, чем настоящие. Только видно было, что очень легкие. Один из друзей придумал утяжелить их гречкой, и стало хорошо.

Голубей обработали зеленкой из пульверизатора. Хохотали так, что чуть не довели бедных птиц до сердечного приступа. Василий их сначала жалел, а потом подумал: зато красиво! Вернутся в свою голубятню, будут рассказывать, как в Африку летали. В провинцию Замбезия.

Машину взяли у Вадима, его же и обрядили в платье невесты, позаимствованное втихомолку у старшей сестры. Снова хохотали так, что чуть не описались, пока закрывали фатой его усатую морду.

Василий до самого конца не верил, что у них получится. Все это было... не всерьез. Понарошку. И только когда остался один с двумя узкими коронами, совершенно одинаково сверкающими под настольной лампой, понял, что ему удалось совершить.

«Продам их, – думал он, не отрывая взгляда от синих камней. – Елки, куча денег! С пацанами поделюсь. А потом уеду. Буду сам по себе жить, в

Новую Зеландию сметаюсь, там «Властелина колец» снимали... На Кубу рвану. Там девки! С задницами, и все танцуют, и дают за копейки...»

Будущее пьянило.

В будущем он был свободен и богат.

А главное, никто не станет его подозревать.

Разве он украл диадему из банка?

Разве он принес ее мошенникам в ювелирном?

Оставалось решить серьезный вопрос – как сбыть драгоценности. Василий не раз слышал от бабки об Антуане Турне и догадывался, что не сможет продать диадемы в ближайшем ломбарде. Нужно разломать их, вытащить камни. Пусть в итоге выйдет дешевле, зато безопасно.

Он договорился с приятелем, нечистым на руку, что тот наведет справки насчет скупщика, не задающего лишних вопросов.

Сегодня тот должен был известить о результате. Вася ждал его звонка с минуты на минуту, а пока забивал голову «Мортал Комбатом».

И тут пришла Динара.

– Чего тебе?

Она молча шагнула вперед. На губах ее заиграла странная полуулыбка. Глаза эти... черные, в которых зрачок сливается с радужкой, и из-за этого возникает странный эффект – как будто она всматривается в тебя, но не видит.

Динара сделала еще шаг.

Маленькая, прелестная, грациозная как зверек. Платье ей чертовски шло. Отчего ему могло показаться, что это не так?

– Это моя комната, – слегка охрипшим голосом сказал Василий. – Ты дверь не ошиблась?

Молчит, смотрит, улыбается. Не высокомерно, как всегда, не усталой понимающей улыбкой взрослой женщины, вынужденной терпеть рядом такую вонючую тварь как он. А как девчонка – нежно, лукаво, призывно.

– Говорить-то будем? – сделал еще одну попытку Василий.

Шаг, другой, третий. Легко, словно она невесомая. И вот уже стоит совсем рядом, смотрит на него снизу вверх, и пахнет от нее горькой полынью, луговыми травами, звездами в черном небе и талой водой, пахнет сладким грехом и пьяным медом, диким зверем и нежным шиповником.

Василий застыл, не в силах шевельнуться.

Тонкие сильные руки обхватили его, горячие губы прижались к его губам, и его закружило, уволокло в темную глубину, на дно омута.

Он целовал ее так, как ни одну девчонку до нее. Кажется, исцарапал своей отросшей рыжей щетиной, а еще сдавил слишком сильно, так что

косточки хрустнули, но она не отстранилась, а только рассмеялась, и он снова прижался к ее губам. Его охватило безумие, счастливое помешательство, в котором не было никакого отца, никакого его брака, а были только они вдвоем, не разделенные ни долгой ненавистью, ни презрением, ни кражей.

Когда он оторвался от нее, у него кружилась голова.

– Где диадемы? – мягко спросила Динара.

Он не понимал, о чем она спрашивает. Потянулся снова поцеловать ее, но она выставила ладонь.

– Ты взял диадемы. Верни.

Это была не просьба, не требование. Просто она сделала так, что слово «нет» больше ему не принадлежало. Он утратил способность отвечать отказом.

Василий безропотно выдвинул ящик стола и из-под конспектов достал непрозрачный пакет.

– Ты же только за этим пришла, да?

Слова давались ему тяжело.

– Отдай, – ласково сказала Динара.

Конечно, за этим. Василий понимал, что она дрянь, бесчувственная сука; она воспользовалась тем, что он хочет ее до безумия, и выманила у него свое сокровище. Ее надо прогнать и обо всем рассказать отцу... Черт с деньгами. Но так же нельзя... Он же живой, он человек!

– Так нельзя, – с тоской сказал Вася.

Она притянула его к себе, шепнула:

– А вот так можно?

Но когда, совсем потеряв голову, он сгреб ее в охапку и пытался донести до постели, она с поразительной ловкостью вывернулась и отскочила на шаг:

– Диадемы!

Василий точно под гипнозом протянул ей пакет.

Она даже не заглянула туда. Несколько секунд с насмешливой жалостью смотрела на него – красного, потного, измученного, растерянного – и вышла из комнаты.

Василий рухнул на кровать.

В себя он пришел, когда за окном стало темнеть. Поднялся, пошатываясь, глотнул теплого пива, не чувствуя его вкуса. Застонал: кретин, боже, какой кретин! Зачем отдал ей украшения? Она сунет подделку в банк, сама продаст оригинал и сбежит.

Надо предупредить отца. Сказать бабушке!

Но тогда и с нее станется выложить правду. Об ограблении и о том, что произошло сегодня...

Василий сел на кровать, прижал ладонь к потному лбу. Он бы отдал все за то, чтобы Динара пришла. А если бы она пришла, свернул бы ей шею. Сейчас ему было совершенно ясно, что его использовали, как втюрившегося мальчишку, как последнего простака. Никогда она его не хотела, все это ложь, чтобы выманить диадемы.

Динара этого даже не скрывала.

Вот что самое чудовищное. «Ты хочешь меня, – безмолвно сказала она, – я знаю об этом. Я твоя слабость, и тебе меня не обыграть». В вечной схватке между мужчиной и женщиной она использовала самое мощное оружие, и ему хватило одного несчастного поцелуя, чтобы сдаться и встать на колени.

Какой же он тупица!

Как он мог отдать ей диадемы?!

А она!.. Зачем она так с ним? Он бы все для нее сделал... То есть нет, он не сделал бы! Он не вернул бы ей диадемы! Но как же не вернул, когда они уже у нее, и он все сломал своими собственными руками?

Василий уткнулся лицом в подушку и глухо завыл.

Глава 12

– Ты мрачный, – сказал Бабкин. – Надеюсь, это потому, что тебя мучает совесть?

Илюшин озадаченно взглянул на него:

– С чего бы вдруг?

– Ну, мы фактически стали пособниками преступления. Узнали, у кого похищенное, и сообщили об этом не владельцу, а вору.

– Да начхать, – отмахнулся Макар.

Маша рассмеялась и поставила перед ним тарелку с омлетом.

Илюшин приехал к Сергею с утра, когда тот еще завтракал. Его усадили за стол, налили кофе, сделали бутерброд. Он молча сжевал его, глядя перед собой, и взял вместо своей чашку Бабкина.

Сергей чашку отобрал, на друга посмотрел скептически.

– Выкладывай. С чего ты не в себе?

– Маша, когда человек начинает ощущать себя взрослым? – вместо ответа обратился Илюшин к его жене.

Маша, казалось, не удивилась.

– Взрослым?

– Ну... скажем, задумывается о старости. О своей старости.

– Когда умирают родители, – спокойно сказала Маша.

– Серега говорит о семье, ты говоришь о семье... Вне контекста родственных отношений что же, старости не существует?

– Почему, существует. Просто точка отсчета для старости – это всегда то, что тебе дорого. Если ты всю жизнь бегал кроссы, а в пятьдесят не смог, твоя старость начнется с хромоты. Для Сережи значение имеет семья. Для меня – способность удивляться. Пока удивляешься мелочам, чувствуешь себя вне возраста.

– А, ну с этим у меня все в порядке, – думая о чем-то своем, сказал Макар.

Сергей озадаченно склонил голову, не понимая, шутит он или нет.

– Э, да ты чего? Опять скрипит потертое седло? Ветер холодит былую рану? – Он легонько дотронулся до плеча Илюшина.

– Рана – ерунда! Меня беспокоит Гройс.

– Всех беспокоит Гройс. Он исчез.

– Это понятно... Но у меня из головы не выходит рассказ Одинцовой. Видишь ли, из ее слов получается, что он был немного не в себе, когда она

приходила к нему. Час назад я разговаривал с Верманом... Думал, он признает, что они с Семой преувеличили способности старика. Может, боялись, что иначе мы не станем братья за расследование...

– И что Верман?

– Божится, что ничего подобного не замечал. И вот понимаешь, я никак не могу найти внятное объяснение, почему Одинцовой Гройс показался старым и больным, а Верман и Сема уверенно считали его бодрым и здоровым.

– У меня есть объяснение. – Маша налила себе кофе и села за стол. – Можно версию?

– Нужно!

– Ты сказал, эта женщина... Одинцова, да? – была у Гройса в гостях. Тебе не кажется, что он выпроваживал ее таким экстравагантным способом?

– Хм...

– Допустим, она ему надоела. Старикан решил пошутить. Он хулиган и артист. Изобразил дряхлую развалину. Или она его подруга?

– Да какая там подруга! – Илюшин усмехнулся, вспомнив портрет с овечьим лицом. – Хотела набрать у него материал для новой книги. Слушай, а ведь правда, хорошее объяснение!

– Материал для книги? – недоуменно переспросила Маша. – Подожди, это какая Одинцова? Писательница?

– Ну да, а что. Ты ее знаешь?

Маша рассмеялась.

– Моя подруга переводила ее книги на английский. И советовалась со мной. Я прочитала, кажется, все, что написала Одинцова, может, кроме самой последней.

– И как оно? – заинтересовался Сергей. – А мне ты не говорила!

– Говорила! Помнишь, мы обсуждали тему с ватиканскими камнями?

– А как же! – сказал Бабкин, понятия не имея, о чем речь. – Они, кажется, сильно пахнут.

– Кто?

– Камей.

Илюшин засмеялся. Маша вздохнула.

– Это камелии, Сережа. Да и те не имеют аромата. А я тебе говорю про ватиканские камей. Камей, понимаешь? Барельеф такой на драгоценном камне.

– А почему ватиканские?

– Рассказывай, Маш, с самого начала, – попросил Илюшин. – Мне

тоже интересно.

Бабкин подлил всем троим кофе.

– «Ватиканские камеи» – это выражение из «Шерлока», – сказала Маша. – Не тот, который книжный, а английский сериал с Бенедиктом Кэмбербэтчем. Кэмбербэтча-то вы хоть знаете? Не вздумайте шутить про сыр.

– Еще бы мне не знать, когда ты первый сезон пять раз смотрела, – ласково сказал Сергей. – И мелодия у тебя на телефоне стоит из заставки. Па-рам! парам-пам-пам-пам-парам! Тыбыдым! тыбыдым! тыбыдым! тыбыдым-тыц-тыц!

– В одной из серий Шерлок понимает, что сейф, который они вот-вот откроют, заминирован. И кричит Ватсону – «Ватиканские камеи!». Джон тотчас пригибается и остается цел. Я потом нашла, что эта фраза впервые использовалась во время Первой мировой – как сигнал солдатам уходить с линии огня. Ватсон военный, а Шерлок нет, но он использовал понятный обоим шифр.

– А при чем здесь Одинцова?

– Выражение «ватиканские камеи» стало условным обозначением пароля или приказа, понятного только двоим. У Одинцовой в одной из первых книг тоже есть ее собственные «камеи». Расследование ведут две сестры. Они приезжают в загородный дом, который оказывается логовом бандитов. Одна сестра замечает, что хозяин вооружен, и понимает, что их обманывают. Все не так, как кажется. Ей нужно предупредить вторую невинной с виду фразой. И она говорит: «Не знаю, как вы, но я уже зарядилась кислородом для нашей ужасной городской жизни». Эта фраза – цитата из «Семнадцати мгновений весны». Ее произносит фрау Заурих, когда гуляет со Штирлицем. Обе сестры знают фильм наизусть, и вторая понимает, что дело нечисто.

– Странный какой-то пароль, – заметил Бабкин.

– Уж не хуже, чем орать «ватиканские камеи», – сказал Макар. – С ними выглядишь полным идиотом.

– Моя подруга не знала, как перевести эту фразу. Ведь ее подтекст понятен только тем, кто видел фильм. Не помню, как она вышла из положения...

– Книжки-то хоть хорошие? – спросил Сергей.

– Ужасные! Подруга мучилась над ними и делилась со мной многочисленными перлами. Там много напыщенности, и люди говорят так, как никогда не общаются в реальной жизни. Очень многословно, цветисто... И все положительные герои – идеальны. А героини обязательно

красавицы в расцвете зрелой женственности. Макар, еще хочешь бутерброд?

– Нет, спасибо.

– Я хочу, – сказал Сергей. – Сам и сделаю.

Макар, как тебе показалась Одинцова в личном общении?

– Любезная дама. Гройс ей не понравился, это было заметно. Но мы очень недолго проговорили. Она все пыталась собаку свою призвать к порядку...

Илюшин замолчал. Бабкин придвинул салфетку и изобразил машину и рядом с ней двух человечков. Маша бездумно следила за движениями карандашного грифеля, штриховавшего дорогу, и вдруг ее охватило волнение.

– Сережа!

– М-м?

– Сережа!

Бабкин оторвался от рисунка.

– Ась?

– Как был похищен ваш старик?

– Я же тебе рассказывал.

– Нет, ты мне не рассказывал. Ты только говорил, что он пропал.

– У нас единственный свидетель, и тот мальчишка. Правда, дельный пацаненок. Он сказал, что видел, как старику на дороге стало плохо, и его посадила в машину женщина-врач. А что?

Маша потеряла переносицу. Макар перестал в задумчивости постукивать чайной ложечкой по столу и насторожился.

– Маша?

Она взглянула на друзей.

– У Одинцовой есть детектив, «Беги или умри». Написан лет десять назад, если не больше. У героини похищают пожилого отца. Так вот, для похищения используется следующая схема: на вполне оживленной улице к старику подходит женщина в белом халате, якобы спросить дорогу. В руке у нее зажат шприц. Пока он отвечает, она быстро, притворяясь, что просто дотрагивается до его плеча, делает ему укол. Старик моментально теряет сознание. Она подхватывает его и тащит к машине. Никто не обращает на это внимания, потому что на лобовом стекле пропуск с красным крестом, а сама она в белом халате. Для окружающих все выглядит как врачебная помощь.

Макар и Бабкин переглянулись.

– Конечно, мало ли кто читал книгу Одинцовой, – извиняющимся

тоном сказала Маша. – Но просто удивительное совпадение.

Сонливость Илюшина как ветром сдуло.

– Ты можешь найти ее, эту книгу? А еще лучше саму сцену.

Пять минут спустя загудел принтер, выбрасывая один лист за другим.

– Вот, держи. – Маша протянула ему распечатку. – В конце первой страницы и в начале второй.

Все трое склонились над текстом.

– Черт. Как с нашего дела списывали! – Бабкин выпрямился и посмотрел на друга. – Макар, я тебе скажу, с кем мы имеем дело.

– С кем?

– С сумасшедшим поклонником Одинцовой, решившим отомстить ее обидчику.

– Очень похоже... Не сама же она его похитила.

– Точно тебе говорю! – горячился Сергей. – Это с тобой она была сдержана. А кому-то из близких выложила в красках, как было дело. «Он отказался со мной разговаривать! Он забыл мое имя!» О! Идея! А вдруг Гройс начал к ней приставать?

– Ему за семьдесят! – сказала Маша.

– Ей к пятидесяти! – напомнил Илюшин.

Оба возмущенно посмотрели друг на друга.

– Пятьдесят – это расцвет зрелой женственности!

– А семьдесят – это вторые пятьдесят!

– Не отвлекайтесь, – попросил Сергей. – Свои отношения с возрастом будете выяснять потом. Но слушайте, тогда все складывается! Одинцова уходит от Гройса расстроенная и оскорбленная. Встречается с читателем – или, допустим, с друзьями. Рассказывает им про мерзкого старикашку.

– И что дальше? – насмешливо спросил Илюшин. – Ее поклонник резво спрыгивает с ума и решает отомстить? И для этого похищает бедного больного старца?

– В твоём пересказе это выглядит как-то менее убедительно, – пробормотал Сергей.

– В любом случае – собираемся.

– Куда?

– Как куда? К Одинцовой. Надо расспросить ее, кому она говорила о встрече с Гройсом.

Стрела получилась отличная. Возможно, кто-то назвал бы ее аляповатой – с этими серебряными полосками, поблескивающими на солнце, с пучком крошечных белых перьев и тремя грязно-бурыми. Но сам

Гройс остался очень доволен.

Он боялся, что Ирма вздумает поменять белье, но опасения были напрасны. Когда утром она вошла к нему в комнату с зеркалом и бритвенным станком, старик понял, что сегодня все закончится.

– Раньше приговоренным к смерти обязательно давали побриться, – сказал он, с усмешкой глядя на нее. – Возвращаем традицию?

И подмигнул, давая понять, что не всерьез.

Все-таки она прекрасно владела собой. Он ожидал метнувшегося в сторону взгляда, румянца, смущения – хоть какого-нибудь признака, что удар достиг цели. Но Ирма сложила губы в недовольную скобочку:

– Я просто не могу больше выносить вашей неряшливости. Вы видели себя со стороны?

– Откуда! Вы же не даете мне зеркала.

– Так полюбуйте.

Гройс взглянул на свое отражение и вздрогнул.

Сколько он здесь? Неделю? Чуть больше? Эти дни смыли с его лица наносное благообразие и смирение, обнажив жесткое волевое лицо с саркастическим изломом губ. Щетина придавала ему сходство с измученным хищным зверем. «Хорек в капкане».

Ирма протянула ему помазок и поставила рядом мыло.

Гройс неторопливо брился, пока она сидела рядом. Лезвие скользило по коже, и он испытывал почти забытое чувство удовольствия от того, как чисто и ровно оно бреет. Как будто он много лет не испытывал этого ощущения!

Он промокнул остатки крема влажным полотенцем и спросил про одеколон.

– Одеколону нет. Могу предложить увлажняющий крем.

– Черт с вами, тащите, – согласился Гройс.

Похлопал себя по щекам, принюхался к ладоням – не завоняет ли земляникой? Но пахло приятно, какой-то свежей травкой и, почти неувелимо, детским мылом.

– Вы прекрасно выглядите, Михаил Степанович! – искренне сказала Ирма. Кажется, она была чем-то очень довольна.

– Только благодаря вам, – галантно поклонился Гройс.

Как только за ней закрылась дверь, он вытащил из-под одеяла бумажную трубку. За ночь клейстер отвердел. Трубка лежала в его руках – длинная, легкая как бамбук, и по ней бежали буквы. Из этих букв складывались слова, из слов – история о том, как искалеченный писатель пытался сбежать от психопатки Энни Уилкс. «Прекрасная рифма, просто

прекрасная!» – одобрил Гройс.

Давай, товарищ Кинг, не подведи.

Стрела блеснула в его руках. Гройс оценил комизм положения и хмыкнул. Не каждый старикан смастерил бы из подручных материалов такую штуквину!

Он перехватил трубу поудобнее, и с лица его исчезло всякое подобие ухмылки.

Один шанс.

У него только один шанс.

Что-то случилось за ночь с окном. Оно сжалось, оно стянуло проклятые рамы и дало усадку. Светлый прямоугольник форточки показался ему в пять раз меньше, чем накануне.

Гройс покрутил хрустнувшей шеей. Несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, проверяя работу легких. Даже спортсменам на олимпиаде дают две попытки! А у него всего одна.

Нечестно. Он ведь теряет больше чем спортсмен. И выигрывает больше.

Гройс выкинул из головы все посторонние мысли. Во всем свете остались только открытая форточка, за которой трепетала, билась, шумела жизнь, и серебряная стрела, покрытая фольгой. Он умирает, он уже почти умер. Если есть вещь, способная проложить путь отсюда – туда, из смерти к жизни, то это ветка фикуса, обвязанная нелепым пучком перьев.

Удивительно, от каких дурацких предметов подчас зависит наше существование.

Старик вложил стрелу в трубку, поднял ее, прицелился – и дунул.

Она пролетела в нижем углу форточки, едва не чиркнув по раме.

– Пожарил я, дружище, все что мог, – тихо сказал Гройс. – Гони уже твою рыбу.

Выстрел его был исключительно удачен. Старик не мог об этом знать, но стрела перелетела полосу ярко-золотой календулы, которую выращивала Ирма, преодолела два метра травы и упала на дорогу, воткнувшись в плотный песок. Трепетали перышки, играли блики на фольге. Стрела была заметна издалека.

Компания мальчишек сидела на ступеньках перед магазином, ожидая, пока привезут хлеб.

– Эй! Может, в тупичок сгоняем! – Младший из мальчиков проверил цепь и деловито поправил катафотку.

– Да ну! Там пес придурошный.

- Так он в доме!
- Все равно... Лучше до озера!
- До озера меня бабка не пускает, – помрачнел первый.
- А в тупике чего интересного?

Мальчик стеснялся сказать, что в кирпичном коттедже живет сторож восточной национальности – он не разбирался в них – плохо говорящий по-русски, но несколько раз угощавший его курагой и какими-то сладкими орехами. Выносил пригоршню, щедро насыпал в подставленные ладони, в ответ на «спасибо» обнажал плохие зубы и махал рукой: э, нэ за шта, приижжай! Восточный человек каждый раз спрашивал у мальчика имя. Все никак не мог запомнить, что тот – Димка. «Глупый, что ли? – думал мальчик. – Что тут запоминать? Димка – простое имя».

Руки потом были липкие, сладкие. Мальчик все съедал, сидя в теплой траве, и потом еще с наслаждением облизывал пальцы. Бабушка убила бы его за это, поэтому дома он молчал про своего нового знакомого.

- Хлеба надо дождаться...
- Потом съездим. После обеда, может.

Дима зевнул, глянул за магазин – не едет ли хлебовозка. Скучно, жарко, выются мухи... Он прихлопнул одну и вскочил:

- Короче, я прокачусь! Кто со мной?
- Не, Димон. Позже, может.
- Нафик...
- Леееень!

Приятели развалились на ступеньках, апатичные, как пригревшиеся коты, и никуда не хотели ехать. А его распирало от жажды движения, от невозможности оставаться на одном и том же месте.

- Саня, купишь мне батон и бородинского, если опоздаю!

Саня ловко поймал свернутые в трубочку купюры.

- На сиги потрачу! – крикнул он вслед.

Мальчик показал ему неприличный жест, вскочил в седло и с облегчением помчался прочь.

Ирма сварила вегетарианский борщ, размяла картофель. На второе будет пюре, к нему – паровая котлетка. Куриная! Чтобы у старика не заболел живот.

Она напевала, пока резала овощи. Он сытно поест и уснет. Его ослабила голодовка, достаточно вспомнить, как вчера он потерял сознание. Собственно, он умер бы и без нее, она лишь приблизит его уход.

Это добрый поступок. Мир избавится от мерзавца, а Гройс – от

мучений.

Шприц с лекарством сунут в дверцу холодильника. Укол. Переодеть. Посадить в кресло. Перетащить в машину.

В четыре часа трасса еще не слишком загружена. Женщина, везущая мирно спящую бабушку, ни у кого не вызовет подозрений.

Она свернет с трассы в сорока километрах от деревни, заедет в лес. Там есть места, где среди сосен встречаются глубокие воронкообразные провалы грунта. Говорят, их вымывают подпочвенные воды. Две таких ямы Ирма осмотрела накануне. Одна была ближе к дороге, зато у другой осыпались края, словно внутри сидел гигантский муравьиный лев и настраивал свою ловушку. Пяти ударов лопатой хватит, чтобы земля обрушилась и погребла под собой Гройса.

В ее сумке хранился заранее купленный баллончик с газом – средство защиты от диких зверей. Производитель уверял, что запах сохраняется до трех месяцев. Она обрызгает траву и края ямы. Ни одно дикое животное не сунется, чтобы раскопать тело. А через три месяца оно само сгниет во влажной лесной земле.

Ирма порубила зелень для салата, тщательно отмыла доску от укропного сока. Что-то мешало ей, какая-то червоточинка была в созревшем плане, таком прекрасном на вид.

Или не в нем...

Ирма отложила нож и застыла, пытаясь понять, что не так.

Старик побрит. Прикован. Он никуда не денется.

Яма готова. Ждет, разинув беззубую земляную пасть.

Что же отвлекает ее?

На секунду наступила тишина, затем за окном снова загалдели птицы, и Ирма вдруг поняла – вот же оно! В размеренную мелодию полудня врывался резкий звук и портил всю песню. Она не любила птиц и никогда не приваживала их к дому. С улицы доносились хриловатая брань, карканье – как будто целая стая ворон ругалась возле ее двери.

Ирма сняла перчатки и вышла наружу, щурясь от солнца.

Димка несся, подставляя лицо ветру и лучам, счастливый и беззаботный, как щегол. Хотелось орать, петь, кричать глупости и хохотать без повода. Хотелось быть дураком. Хорошо дураку! Ему все можно! Никто не пилит за тройки и не твердит, что нужно прополоть сорняки, не гоняет в магазин за хлебом и не запрещает ездить на озеро: дурак ведь, все равно не послушается.

Велосипед сам донес его до каменного коттеджа, но сколько Димка ни

ходил вокруг, ни насвистывал, на его призыв никто не отозвался. Может, сторож уехал? Окна открыты, ветер шевелит занавески.

– Эй! Есть кто-нибудь?

Димка еще покричал, чувствуя, как постепенно улечивается его радость. Не то чтобы ему хотелось дармовых сладостей. Но было что-то ужасно приятное в том, что незнакомый человек просто так, без всяких условий угощает тебя незнакомыми лакомствами, которых наверняка нигде не достать, кроме как в далекой горной стране. Это было маленькое волшебство, Димкина тайна.

Он пару раз пнул ногой дверь, вздохнул и взгромоздился на велосипед.

Обратно ехалось куда тяжелее. И песок стал рыхлым, и шины как будто спустили. Солнце больше не слепило глаза, и именно поэтому мальчик издали увидел стрелу, мимо которой промчался в первый раз, не заметив.

Это совершенно точно была стрела. Правда, очень странная. Ее как будто делал ребенок или совсем уж криворукий неумеха.

Димка хлопнул велосипед по рулю, сказал «тпррру, родимый!» и спешил. Любопытно-любопытненько!

Ни в одном из соседских домов нет детей. Откуда был сделан выстрел?

Он выдернул стрелу из песка и с изумленным восторгом увидел, что вокруг нее обмотана записка.

Не стая, всего три вороны – от них и исходил базарный гвалт, который мешал Ирме сосредоточиться.

– Кыш! – она замахала руками. – Кыш!

Одна мерзкая птица смылась на крышу, две других остались в траве, что-то отбирая друг у друга. Они косили на Ирму глазом, отпрыгивали, пружиня на длинных крепких ногах, но не улетали. Должно быть, нашли дохлятину, подумала она. Мышь или хомяка... Гадость какая! Трупоеды!

– А ну пошли вон!

Ирма побаивалась крупных птиц, но это вторжение переходило всякие границы.

Каркнув и гневно махнув крылом, седая ворона поднялась в воздух, держа в клюве какой-то шарик, похожий на теннисный. Но тут налетела вторая, вышибла у нее добычу, и обе, широко разевая клювы и вопя, перелетели на ближайшее дерево.

Шарик упал в траву.

Озадаченная Ирма склонилась над ним. Из засохшей массы, отдаленно напоминавшей хлебную, торчал уголок бумаги. Она сжала комок в пальцах,

он треснул, и выпала сложенная вчетверо записка.

«Одинцова держит меня здесь насильно. Позвоните в полицию. Обещаю вознаграждение. Михаил Гройс».

Ей потребовалось перечитать трижды, чтобы понять смысл.

«Держит меня здесь насильно».

Она была так уверена в беспомощности пленника, что на секунду ей в голову закралась мысль о ком-то третьем. При всей ее абсурдности Ирма готова была скорее поверить в сообщника, чем в то, что Гройс сам написал это послание. Как бы он смог? Чем? И почему оно оказалось в траве?

Открытая форточка привлекла ее взгляд. Несколько секунд Ирма стояла неподвижно, а затем в ее голове сдвинулся тектонический пласт. Одним махом ей открылась вся картина, целиком и в деталях – и припасенные куски хлеба, и хитрость, на которую пошел Гройс, чтобы она открыла форточку, и его внезапно проснувшаяся любовь к чтению... Ирму охватила такая ярость, какой она прежде не испытывала. Она доверилась ему! Она варила ему супы и мяла картошку, она позволила ему побриться и укрывала его теплым пледом, сделанным руками ее матери. И чем он отплатил за это?!

Праведное возмущение в ней было так сильно, что будь у Ирмы груды камней, старик окончил бы свою жизнь, забитый насмерть. Она двинулась к дому, вне себя от гнева, но на полпути остановилась.

Период отупения прошел. Ее мысли бежали теперь стремительно, словно помимо ее воли анализируя события последних дней.

«Шоколад», – вспомнила Ирма.

«Разлитое ведро», – вспомнила Ирма.

Она не знала, как связать два происшествия, но понимала, что все это было не просто так. Он все время лгал, лгал ей, паршивое отродье! Он притворялся слабым, он давил на ее лучшие чувства, и ведь она купилась! Позволила жалости вползти в свое сердце. Открыла свою душу милосердию – и к кому? К тому, кто не заслуживал не только доброго поступка, но даже хорошего слова.

Но зачем нужен был шоколад?

Что он еще придумал, гниль в обличье человека?

Ирма огляделась, тяжело дыша.

На дороге неподалеку от нее стоял мальчишка лет девяти в шортах и не по возрасту длинной футболке. Рядом вхолостую крутил колесами велосипед, лежавший на боку. В руках мальчишка вертел какой-то длинный блестящий предмет.

Димка краем глаза видел тетку, выскочившую из дома как полоумная. Кажется, разгоняла кур. Он не обратил на нее внимания, хотя в другое время не преминул бы все запомнить и рассказать приятелям с подобающими преувеличениями. «Бежит, глаза выпучила, матерится! А потом с нее бац – и халат свалился! А под халатом она вся голая!»

Но сейчас он был слишком поглощен стрелой. Осторожно сняв фольгу, мальчик взялся за краешек записки...

– Дай сюда!

Он вздрогнул и отскочил. Безумная тетка подлетела к нему и вцепилась в стрелу.

– Эй, эй! Вы чего?

Он растерялся, но заветную палочку не выпустил.

– Дай сюда! Это мое!

Она заорала ему прямо в лицо. Димка не выпускал стрелу не оттого, что пытался противиться этой страшной женщине, а просто от растерянности. Пальцы его сами сжались вокруг находки.

– Вы чего? Чего ругаетесь-то... – забормотал он.

– Маленький гаденьш!

Ирма коротко толкнула его в плечо, и мальчик отлетел в придорожные лопухи. Несколько секунд она стояла, потрясая в воздухе стрелой, словно готовилась проткнуть его насквозь. Затем развернулась и быстро пошла в дом.

Димка перевел дыхание, поднялся, отряхнул шорты, но на велосипед сесть не смог и медленно пошел прочь, ведя его рядом. Сердце у него колотилось, словно из грудной клетки рвался обезумевший воробей. Случившееся он не мог ни осмыслить, ни отнести к какой-либо категории. Он понял только, что больше никогда, ни за что не приедет за сладостями к славному восточному человеку, сторожащему каменный коттедж.

В записке содержалась та же просьба: спасти его от Одинцовой. За вознаграждение. Ирма разорвала ее в мелкие клочья, сжала стрелу и направилась к дому. В ней клокотала злоба, как бурлящий кипяток. С губ срывался неразборчивый шепот. В эту минуту она как никогда была близка к полной утрате самообладания.

Но подходя к двери, она краем глаза заметила в начале улицы какое-то движение. Обернулась – и увидела черный джип, медленно объезжающий ямы. Сквозь лобовое стекло смутно просматривались две фигуры.

Ирма не запаниковала, не испугалась. Сначала она перевела взгляд на старый тополь. В это время его тень с дороги переползла на кусты, куда

машине не забраться, а солнце уже палило нещадно.

Они не станут оставлять здесь свой джип. Отгонят в глубь деревни, где густые заросли акации. Под ними он не раскалится как сковородка.

Значит, у нее около десяти минут.

Она просчитывала варианты с хладнокровием опытного игрока.

Можно не пустить их. Они вернутся снова, и, вероятно, с полицией. Бог знает, что наговорил тот ублюдок в шортах, если он встретился им по дороге. А если и не вернутся, останутся следить за ее домом, и она не сможет вывести старика.

Можно убить Гройса прямо сейчас. Но если к Ирме придут с обыском, ей не отвертеться. Вдруг стрела была не единственной? Вдруг мальчишка уже показал одну записку своей полуслепой бабке, до которой к вечеру дойдет, о чем там говорилось?

Нет, Гройс должен оставаться живым. Нельзя хранить дома тело – она подумала о нем с ноткой брезгливого недовольства, как хозяйка думает о протухшем мясе, – на котором есть следы насильственной смерти.

Что же остается? Перехитрить их. Сыграть ту роль, которую она успешно исполняет всю свою жизнь. Она сильнее на этом поле. У нее все подготовлено для спектакля.

А главное – у нее есть помощник.

Ирма толкнула дверь и вошла в дом. Она никуда не торопилась. Десяти минут вполне достаточно.

Сначала в комнату влетел пес. Хозяйка отпихнула его ногой, и Чарли, обиженно скуля, отбежал в сторону.

Изумленный таким обращением с собакой Гройс поднял глаза на женщину, увидел ее лицо и понял, что всему конец. Стрелу он заметил не сразу. Ирма сжимала ее в руке, как будто собиралась вонзить ему в горло.

Однако стрела уже была неважна.

Что бы ни нашептывали ей крысы прежде, их науськивание он мог распознать. Но живых больше не осталось. Мертвые твари маршировали в ее голове, их стеклянные глазки тускло блестели, лапки механически подрагивали, из тушек сыпались опилки, и она вчитывалась в причудливую вязь, создаваемую этим парадом чучел. Ирма окончательно шагнула за ту грань, куда Гройсу доступа не было.

Он думал, что она убьет его сию минуту. Вместо этого Ирма сунула стрелу под матрас, вытащила из недр юбки ключ и отомкнула наручники. Одним движением она швырнула их под кровать, вторым сбросила старика на пол, третьим накинула на постель покрывало. Движения ее были

отточены и быстры.

– Что? – попытался спросить Гройс. – Куда ты меня...

Не оборачиваясь, она вlepила ему пощечину. Гройсу показалось, что он с размаху налетел на железный лист. Голова его мотнулась с такой силой, что клацнули зубы. В затылке вспыхнула и запылала боль.

Его проволокли по комнатке, вытащили в коридор, где он припал на хромую ногу и заорал. Вместо крика из его горла вырвалось все то же беспомощное сипение.

В центре комнаты стояла инвалидная коляска. Туда-то Ирма и усадила старика. У него все еще звенело в ушах после ее удара, и он словно в каком-то мутном тяжелом сне ощущал, как на него напяливают чужие, пахнущие сыростью и пылью шмотки, накручивают что-то на голове, вертят, кутают, мажут ему лицо какой-то дрянью, словно он уже труп, который сотрудник погребальной конторы готовит к встрече с безутешными родственниками.

На все это у Ирмы ушло не больше пяти минут. Оставив старика сидеть в кресле, она спокойно отошла к комоду, вытащила из верхнего ящика пистолет, вернулась и присела перед Гройсом на корточках.

– Сейчас сюда придут люди, – мягко сказала она. Он машинально отметил, что после всей этой суеты у нее даже не сбилось дыхание. – Ты будешь сидеть молча. Если откроешь рот, я выстрелю. Сначала в них. Это твои помощники, да?

Гройс молчал.

– Они тебя не узнают, – успокоила Ирма. – Попробуешь поднять тревогу, я убью одного и другого. Потом тебя. Мы на отшибе, выстрелы никого не привлекут. А даже если и так, тебе будет все равно.

Она заботливо поправила плед, наброшенный на его колени.

– Если все пройдет хорошо, они уйдут, и я накормлю тебя чем-нибудь вкусным. А потом разрешу поиграть с Чарли. Кекс. Кекс с черникой. Ты любишь черничный кекс?

Она вглядывалась в него с искренним интересом. Любит ли он черничный кекс? Казалось, это единственное, что беспокоит ее в эту секунду.

Рядом вертелся Чарли с резиновым мячиком в зубах. На него больше не обращали внимания, и он принял происходящее за какую-то веселую игру.

– Посмотри – видишь? – Ирма взяла Гройса за руку и приложила его пальцы к стволу. – Эта штука умеет стрелять. Она сама выстрелит. Я ничего не могу с этим поделать, поверь. – Она как будто извинялась и

искренне сожалела. – Понимаешь? Сама. Реагирует на звук голоса. Твоего голоса. А еще на гримасы, если ты вздумаешь их корчить.

Гройс молчал. Боль от затылка разлилась до висков. В желудке стояла какая-то холодная дрянь, словно его заставили съесть ведро колотого льда.

– Ты меня понял?

Он молча кивнул.

– Умница.

Ирма похлопала его по плечу:

– А теперь готовься встречать гостей, Луиза Марковна.

Снаружи постучали.

– Проходите, открыто! – донеслось до Макара с Бабкиным, и Илюшин осторожно толкнул дверь.

Высокая женщина в синем платье стояла за инвалидной коляской, в которой ссутулилась безучастная старушка в белом платке.

– Здравствуйте! А я вас издалека увидела, хотела поставить чай. Проходите, пожалуйста...

– Простите, Елена Васильевна, что мы без звонка, – сказал Илюшин, вытирая ноги. – Я, к сожалению, не знаю вашего телефона...

– Ничего-ничего! Мы с бабушкой все равно не заняты.

Бабкин сразу почувствовал себя неловко. Домишко оказался совсем небольшой и производил странное впечатление – словно Одинцова потихоньку создавала дом-музей своего имени, собирая памятные вещи. Шкаф от польского гарнитура, доверху забитый книгами – Сергей подозревал, что половина из них авторства самой Одинцовой. Настольная лампа с узнаваемым красным абажуром – у его родителей была точно такая же. На стене – ковер со сказочным сюжетом: царевна-лягушка в короне, сидящая на пробитом стрелой ядовито-зеленом листе кувшинки. Коврик был старый, вытертый и прежде, несомненно, украшал детскую. Сергей уже не удивился, увидев на одной из полок резиновую желтую уточку. Наверняка это была не абы какая уточка из магазина поддельных воспоминаний, а лично плававшая с трехлетней Еленой Одинцовой в одной ванне.

Диван пестрел подушечками с вышитыми котятками. Шесть пар выпуклых кошачьих глаз тарацились на Бабкина и Илюшина. Шесть белых хвостиков вились над розочками.

Это был стародевичий мир. В нем пахло чистотой, близкой к стерильности.

Нарушал эту безупречность лишь беспородный пес, путавшийся под

ногами.

– Здравствуй, Чарли, – сказал Макар.

– Он сегодня сам не свой, – извинилась Ирма. – Должно быть, мальчишки раздразнили.

Женщина не отходила от коляски. Одна ее рука лежала на плече старушки, вторая была скрыта под шалью, наброшенной той на плечи. Сергею показалось, Ирма поддерживает бабульку, чтобы та не упала.

– Это моя дальняя родственница, Луиза Марковна. Она давно уже не говорит и не все понимает. Но мы с ней все равно читаем вслух. – Ирма кивнула на «Пармскую обитель» возле кресла. – Когда тепло, выходим погулять. Да, бабушка?

Старушка молчала, глядя перед собой. Морщинистое лицо, провалившиеся скулы, клювообразный нос. Баба Яга, лишившаяся избушки на курьих ножках и уходящая все дальше в свой воображаемый волшебный лес. На восковом лице выделялись губы в розовой помаде. «Неужели сама до сих пор красится по привычке?»

Подбежал Чарли, ткнулся в руку старушки.

– И еще пса она очень любит, – сказала Ирма. – Бабушка, погладь Чарли.

Сухая морщинистая рука дотронулась до собачьего носа.

– Елена Васильевна, мы по поводу исчезновения Михаила Степановича Гройса, – сказал Илюшин.

– Ох! Вы все еще ищете этого бедного старика? Неужели до сих пор никаких сведений?

– Нас нанял его старый друг по фамилии Верман. До сих пор зацепок не было, но выяснился один интересный факт. Возможно, вы могли бы нам помочь.

– Если это в моих силах. – Одинцова обернулась к Бабкину. – Молодой человек... простите, как вас зовут?

– Сергей.

– Сережа, вы не могли бы поставить чайник? Луизу Марковну нельзя оставлять одну с посторонними людьми, она начнет волноваться.

– Конечно!

Бабкин прошел в кухню, такую же аккуратную и стерильную, как гостиная. Этот дом, при том, что в нем было много света, отчего-то напоминал нору. Из коридора одна дверь вела в приоткрытую кладовку, где виднелся пылесос и десятки моющих средств на полках, а вторая, по-видимому, в спальню. Бабкин не удержался и заглянул туда. Крошечная комната с громоздкой кроватью и раскидистым фикусом. Между ними

стояло ведро с крышкой. Сергей почувствовал, что краснеет. Он вовсе не хотел так близко знакомиться с бытом писательницы Одинцовой.

До него доносился ее размеренный голос. Да, по пути от Михаила Степановича она действительно зашла в кафе и там ее узнала компания, сидевшая за соседним столиком. Они оказались ее горячими поклонниками. Ее так расстроила неудачная встреча, что она поделилась переживаниями с этими приятными людьми.

– Вы запомнили их? – спрашивал Макар. – Не обменивались телефонами? Может быть, встречали кого-нибудь прежде?

Бабкин налил воды в эмалированный чайник со свистком. Плохо дело. Его дурацкая версия, похоже, близка к истине. Если только в кафе нет камер, им в жизни не найти свихнувшегося поклонника Одинцовой.

Нет, с сожалением отвечала писательница, она увидела их впервые. Шестеро или семеро, из них четверо мужчин. Возраст? От тридцати до сорока. Они посочувствовали ей, расспросили о подробностях разговора с Гройсом. У одной из женщин оказалась с собой ее книжка. Она подписала ее и ушла. Ей трудно вспомнить, что это было за кафе – она просто рассеянно бродила по городу и забрела в первое попавшееся на пути.

«Все, дело Гройса можно считать закрытым. Придурок, начитавшийся детективов, внезапно применил одну из удачных идей. Лежит теперь несчастный старик в чужом сарае, расплачиваясь за свою неудачную шутку. – Бабкин убавил огонь под чайником. – Никогда не знаешь, где тебе встретится психопат. Почему бы ему не быть пылким любителем книжек Елены Одинцовой».

Илюшин продолжал расспросы. Но в его голосе Сергей отчетливо улавливал ноты разочарования. Макар тоже все понимал.

На этот раз они проиграли.

– Что ж, спасибо, Елена Васильевна.

– Ну что вы! Мне жаль, что я ничем вам не помогла.

Макар обернулся и поймал на себе взгляд старухи. Лицо оставалось непроницаемым, но глаза, темные ясные глаза жили на этом лице, и в них светился ум. «Ужасно быть заточенным в дряхлом теле, – подумал Илюшин, принужденно улыбнувшись несчастной женщине. – Неизвестно, что хуже: оставаться при этом в сознании или постепенно терять рассудок».

– Сережа, положите, пожалуйста, мяты в заварной чайник, – попросила женщина. – Она на подоконнике, в чашке с водой.

– Сделаю, Елена Васильевна! – откликнулись из кухни.

«Они сейчас уйдут, – понял Гройс. – Заварят чай и уйдут. Пить не

станут: этот, сероглазый, не будет навязывать свое общество. Слишком хорошо воспитан».

Он чувствовал, как в лопатку ему упирается дуло пистолета. Кричи! Хрипи! Сдирай с себя проклятые маскировочные тряпки!

Но Гройс успел просчитать, что будет дальше.

Этим двоим потребуется время. Три секунды? Скорее, пять. Это если они быстро соображают.

За пять секунд она успеет перестрелять их всех. На таком расстоянии Ирма не промахнется.

Гройс никогда не считал себя хорошим человеком. Но он не мог позволить этой твари убить двух людей ради эфемерного шанса спастись.

Избавление ходило так близко, что у него сводило горло от мучительного желания захрипеть: «Братцы, да вы что, это же я, тот самый Гройс!» С Илюшиным он никогда не встречался, но Сергей Бабкин видел его раньше. А теперь скользил по нему слепым взглядом, словно старика заколдовала ведьма.

Гройс попал в свой оживший кошмар. Бежишь – и не двигаешься с места. Толкаешь открытую дверь – и упираешься в невидимую преграду.

Господи, жить-то как хочется!

В ладонь ему уткнулось что-то мокрое. Он скосил глаза и увидел радостного пса, вновь притащившего любимую игрушку: маленький резиновый мячик, весь измазанный в собачьей слюне.

– Мы, конечно, надеемся найти его, – говорил парень, приезжавший в прошлый раз. – Но с каждым днем шансов все меньше. Если вы хоть что-нибудь вспомните...

Самым трудным оказалось удержать смех. Ирму опьяняло ощущение могущества. Она уже убедилась, что ей подвластно время – за десять минут ей удалось скрыть следы и создать настоящий спектакль одного актера. Декорации, костюмы, свет...

Как грамотно она выстроила мизансцену! Как непринужденно отправила здоровяка проверить, не спрятан ли где-нибудь старик. В стеклянных дверцах шкафа ей было видно, как он заглядывает в спальню. Она бурно заплодировала ему в своих мыслях. Умница! Хороший мальчик! Давай, обнюхай все! Когда вы перешагнете порог моего дома, оба будете думать одно: возвращаться сюда не имеет смысла.

А как молниеносно она схватила и раскрутила версию, от которой ей протянули лишь кончик ниточки! Парнишка едва успел спросить, не делилась ли Ирма с кем-нибудь подробностями визита к Гройсу, а она

словно прозрела. Как замечательно они придумали! Превосходно придумали. Надо же – мстящий за нее ненормальный поклонник! Это действительно полностью объясняет, куда мог исчезнуть Гройс.

Поразительно другое – она начисто забыла, что уже однажды придумала такой способ похищения и даже использовала в своем детективе. Пришлось изобретать его заново. У какого-то автора ей встречалась история, как он написал рассказ, затем что-то заставило его заглянуть в дальний ящик стола, где автор с изумлением обнаружил написанный лет пять назад в точности такой же текст, совпадавший с новым до запятой. «Кажется, Корней Чуковский...» Ирме было приятно чувствовать, что она идет по стопам классиков.

– Спасибо вам за отзывчивость. И простите еще раз, что нагрянули без предупреждения...

Пистолет в ее руке возносил Ирму на недостижимую прежде высоту. Она может выключить из жизни каждого из них. В любую минуту! Щелк – и человека больше нет. Разве не чудо?

Резко, тревожно свистнул чайник на кухне, словно подавая сигнал к отправлению поезда. Из кухни высунулся Сергей.

– Три ложки?

– Можно четыре, – разрешила Ирма. – Надеюсь, вы выпьете со мной чаю?

– Спасибо, но нам уже пора. – Макар наклонился погладить пса.

Тот выскользнул из-под его руки, схватил мячик и вернулся к старухе.

– Елена Васильевна, а кто подсказал вам для книги идею похищения? – спросил Илюшин, чтобы заполнить паузу. – У вас был консультант?

Одинцова начала рассказывать о враче, с которым она разговорилась во время приема. Макар слушал, кивал, невнимательно наблюдая за собакой, которая носилась за мячом.

Игрушку кидала старуха. Двигалась одна лишь ее кисть, словно выше локтя руки были парализованы. Очевидно, эта забава происходила не в первый раз: пес дисциплинированно приносил мяч, вкладывая в сморщенную ладонь и замирал в ожидании. Бросок без замаха – и все повторялось.

– ...сначала я хотела использовать курареподобный препарат, но меня отговорили...

Ее монотонный голос и беготня собаки, напоминающая маятник, действовали на Макара усыпляюще. Туда-сюда. Туда-сюда. Он уже устал водить за ней глазами, но быстро перемещающийся объект притягивал его внимание.

Маятник-маятник-маятник...

Стоп.

Илюшина вдруг словно ударило. Ирма продолжала описывать, какие средства она перебирала и отвергала во время работы над книгой, но он поддакивал ей машинально, не слушая.

Точность, с которой старуха швыряла мяч, была поразительной. Он все время летел в одну точку. Отскакивал, возвращался к старухе... И вновь попадал туда же.

В ковер.

Одинцова не обращала внимание на мельтешение, потому что стука от мяча практически не было. Раз за разом резиновый шарик ударялся об корону на голове царевны-лягушки.

Макар бросил быстрый взгляд на старуху. Она была целиком поглощена своим занятием. Бросок-отскок. Бросок-отскок.

Эта древняя старуха, прикованная в инвалидному креслу, колотила в одну точку с таким упорством, словно хотела обрушить стену. «Есть у нас в дальней Померании алмазная гора, – зазвучал в ушах Илюшина голос персонажа из любимого фильма. – Час пути в высоту, час пути в ширину, час пути в глубину. На ту гору через каждые сто лет прилетает птичка и водрит на той горе клюв свой. Вот когда он всю ту гору источит, тогда первая секунда вечности пройдет».

Герой фильма бился в стену, чтобы выжить. Он подбадривал самого себя сказкой о маленькой упорной птичке.

Да что здесь происходит?

Пес носится туда-сюда. Он больше не выглядит расхлябанным дурнем. Он похож на солдата, исполняющего приказ. Приказ, отдаваемый полупарализованной старухой....

Мяч в очередной раз ударился о лягушачью корону.

Илюшин застыл.

Корона... Венец...

Диадема.

– ...вот поэтому я решила в итоге остановиться на миорелаксанте.

Мяч старухи раз за разом попадал в диадему!

Илюшин очень медленно обернулся и заставил себя уважительно улыбнуться Одинцовой. Эта улыбка далась ему с таким трудом, что он предпочел бы еще один удар ножом.

– Отличный выбор, Елена Васильевна!

«Не смотри! Не смотри на него!»

Его взгляд притягивало к старухе как магнитом. Макар продолжал

стоять, чувствуя, как губы сводит от принужденной гримасы. Но когда мячик снова пролетел мимо, наклонился и едва уловимым движением подхватил его, сунул в карман. Пес разочарованно ткнулся ему в колени.

– Я тут это... – пробурчал Бабкин, входя в комнату с подносом. – Приготовил, короче...

На подносе дымился чайник и белела изящная фарфоровая чашечка.

– Извините, что без разрешения...

– Ну что вы! Поставьте на столик, пожалуйста. Я люблю, чтобы заварился как следует.

«Что у нее там? – быстро просчитывал Макар. – Игла? Пистолет? Если пистолет, все совсем паршиво. Она начнет стрелять. Голову дам на отсечение, начнет. Первой ее целью будет Серега».

Бабкин, ни о чем не подозревая, собирал в стопку журналы, лежащие на столе.

«Как только она поймет, что я догадался, она пальнет в него».

«Уйти? Вернуться с полицией? Но где гарантия, что Гройс будет еще жив?»

«Уходить нельзя».

Илюшину показалось, что голова сейчас лопнет от напряжения. Как, черт возьми, отобрать у нее пистолет, не дав ей прикончить старика?

– Положите, пожалуйста, на полку, – любезно попросила Одинцова.

Непроницаемое белое лицо. Фальшивая улыбка на полных губах. Овечьи щеки.

Они были в одной комнате с убийцей. Как он мог не почувствовать безжалостной силы, исходящей от нее? Илюшин ни секунды не боялся, когда к его горлу был прижат нож. Но сейчас ему стало не по себе.

– Минуточку... Вот так...

Бабкин чувствовал себя как слон в посудной лавке. Все такое маленькое! Такое хрупкое! Такое старое, в конце концов! Того гляди рассыплется в прах от его неловкого движения.

И еще Макар застыл как кукла, не делая и попытки помочь. Хозяйка сама себя развлекает светской беседой, а он молчит, паршивец!

Сергей наконец сгреб журналы и двинулся к книжной полке.

И тут Илюшин заговорил.

– Не знаю, как ты, – непринужденно сказал он в спину Сергею, – но я уже зарядился кислородом для нашей ужасной городской жизни.

Бабкин не отреагировал. Аккуратно сложил стопку, однако не рассчитал: повернулся, задел локтем и верхний журнал спланировал на пол, упав под ноги неподвижной старухе.

– Ой! Сейчас приберу!

Сергей присел на корточки.

– Ничего страшного, – нетерпеливо сказала Одинцова. – Извините... Боюсь, мне скоро пора...

Следом произошло немыслимое. Инвалидная коляска вместе с сидящим в ней человеком взлетела в воздух. Всю свою силу Бабкин вложил в то, чтобы резко швырнуть ее, схватившись за нижнюю перекладину. От удара Ирму отбросило назад.

Три выстрела, один за другим, прорезали тишину. Илюшина оглушило. Он бросился к коляске, со страшным грохотом упавшей на пол, схватил старика и потащил за диван. Над его ухом залихватски свистнул хлыст, и тотчас со звоном осыпалось стекло.

– Лежать! – дико заорал Сергей.

Макар запоздало понял, что только что избежал пули. Он послушно упал на пол. В ушах у него гудело, он чувствовал себя так, будто голову сунули под колокол. Крики, снова грохот, короткий вопль Бабкина – и стало тихо.

– Серега! – позвал Илюшин и не услышал собственного голоса.

Он поднял голову, ожидая увидеть нацеленное на него пистолетное дуло. Но увидел в двух шагах от себя Бабкина, который прижимал к полу Елену Одинцову, заломив ей руку за спину.

– Макар! Пистолет возьми! Макар!

Илюшин встал, поднял оружие и помотал головой. Бабкин вздохнул и выпрямился.

– Ты что? – опешил Макар. – Держи ее!

– Не ори.

– Что?

– Она без сознания, я ее вырубил. Без сознания, говорю! Тебя что, оглушило?

Макар с силой прижал пальцы к ушам, и колокол вдруг затих.

– Господи, я чуть не...

– Ты цел? Цел?

Бабкин оцупал слабо сопротивлявшегося Илюшина с ног до головы и облегченно выдохнул.

– Вот же бешеная сука! Три пули в потолке, одна в окне. Надеюсь, на улице никого не убило. А Гройс-то как? Вот смешно будет, если у него сердчишко не выдержало всей этой пальбы.

– Мне бы твое чувство юмора, – сказал Илюшин.

Пока Бабкин связывал руки неподвижно лежащей Одинцовой, Макар

заглянул за диван и остановился, пораженный открывшейся ему картиной.

Старик, живой и невредимый, сидел, прислонившись к стене. К себе он крепко прижимал перепуганного до смерти пса.

– Здравсьте, Михаил Степанович, – сказал Илюшин. – Вы зачем собачку мучаете?

Гройс медленно стащил с головы платок, провел им по губам, стирая помаду. Затем поднял на Илюшина воспаленные глаза.

– Моя собачка, – хрипло сказал он. – Что хочу, то и делаю.

В яблонях пел соловей, откуда-то издалека доносился шум трамвая, и мужской голос на балконе третьего этажа убеждал Люсю, что она изменщица. Невидимая Люся вяло отругивалась.

Сема встал, прикрыл створку. Соловей, Люся и сердитый влюбленный пропали.

За окном стояла ночь, такая густая, что ее можно было разливать в банки из-под варенья. В нем бы плавали засахарившиеся звезды.

Михаил Гройс сидел в кресле, с бокалом коньяка в одной руке и долькой лимона на блюдечке в другой. У его ног лежал, положив голову на ботинок Гройса, криволапый черный пес.

– За вас, друзья мои! – Верман поднял свой бокал.

– За вас! – сипло повторил старик.

– За счастливое завершение дела!

Верман, Сема и Гройс чокнулись с Илюшиным и Бабкиным.

– А теперь рассказывайте, – сказал Моня. – Рассказывайте от начала до конца. Я хочу слушать это как песню, как поэму, как легенду, дьявол меня разбери, потому что это ваше лучшее дело!

– Это наше худшее дело, – буркнул Сергей. – Нас обвела вокруг пальца одна-единственная обезумевшая тетка. Если бы не случайность...

– Если бы не Миша Гройс! – поднял палец Дворкин.

– Если бы не вот этот пес! – проскрипел старик.

– Не забегайте вперед! – взмолился Верман. – Как это называется? Спойлеры! Без спойлеров, иначе я потребую деньги за сеанс обратно.

– А мне можно и с ними, – разрешил Дворкин. – Что стало с женщиной? Миша молчит и не хочет вспоминать ее, так скажите хоть вы. Как ее? Елена?

– Ирма.

– Серега ее связал, и мы вызвали полицию. – Макар наклонился и плеснул себе еще коньяка. – К тому времени, когда они приехали, она уже пришла в себя...

– Очень условно пришла!

– Да, физически все было нормально. Но она выглядела... – он запнулся, подыскивая слово, которое отражало бы состояние Одинцовой точнее, чем «сумасшедшая». – Одержимой. Да. Именно одержимой.

Бабкин поежился, вспомнив, как Одинцова, сидя на полу и уставившись перед собой, с какой-то чрезмерной, избыточно четкой артикуляцией проговаривала стихи про сову – словно девочка, выступающая на утреннике. Старая девочка в рваных колготках, стоптанных туфлях и юбке, помявшейся в борьбе за мячик. С ее губ слетали строки о том, что совы опасны только ночью, а днем к ним можно подкрасться и дотронуться до головы, но если коснуться белого пера, сам обратишься в косматую птицу с круглыми глазами и навсегда останешься в ее теле. Она читала три строфы и без паузы начинала заново. От этой механической декламации, выглядевшей так, будто ее лицевыми мышцами шевелили упрятанные под кожу шестеренки и зубцы, у него по спине побежали мурашки.

Сергей видел много психов на своем веку и считал, что не боится их. Однако в Одинцовой было что-то невыносимо жуткое. Он упрекнул себя в излишней впечатлительности и хотел уже разрядить напряжение шуткой, но, бросив короткий взгляд на Илюшина, вдруг понял, что тому тоже не по себе. Если уж Макара пробрало от вида этой бледной тетки с мертвыми глазами, значит, дело не в нем.

А вот старик смотрел на нее спокойно. Так, словно хотел запомнить ее. Вобрать в себя этот тягостный образ и унести с собой. Сначала Сергей решил, что бедный Гройс провел с Одинцовой слишком много времени. Безумие заразно, а Гройс уже стар и слаб. Возможно, мошенник тоже свихнулся и вот-вот начнет декламировать вслед за ней.

Но потом пригляделся к нему внимательнее и подумал, что если в комплекте к легкому помешательству прилагается бесстрашие, может, пусть так оно и остается. Что бы ни выдержал Гройс в плену у Елены Одинцовой, больше он ее не боялся.

– Что теперь с ней будет? – спросил Сема.

Бабкин достал сигарету и даже приоткрыл окно, но поймал взгляд Макара и передумал.

– Для начала – суд. – Он спрятал пачку в карман. – Скорее всего, признают невменяемой и отправят на принудительное лечение. Если не признают, ее ждет тюремный срок.

– Но диадемы? – заволновался Верман. – Наши диадемы не всплывут?

– Откуда же? О них никто не знает. Ясно, что тетка похитила Михаила Степановича и держала у себя.

– Ты не упомянул сторожа, – сказал Гройс. – Земля ему пухом, несчастному мужику.

– Да, точно. На границе леса нашли свежее захоронение. Михаил Степанович был свидетелем убийства. У Одинцовой нет никаких шансов ближайшие пятнадцать лет оказаться на свободе, где бы она ни провела их – на зоне или в лечебнице.

Моня стукнул кулаком по подлокотнику:

– Черт! Черт! Почему я не издатель! Блестящую рекламную кампанию на этом можно построить! Великолепную! Тиражи вырастут втрое! Впятеро!

– Вы знаете, Верман, как я ценю вас, – заметил Дворкин, – но иногда мне кажется, да простит меня ваша мама, что вы циничный ублюдок.

Моня не обиделся.

– Вы не умеете мыслить стратегически, мой бедный друг. Только представьте, как обогатилась бы читателями отечественная литература, если бы писатели последовали примеру Елены Одинцовой и дали волю своим желаниям! Кровь! Кишки! Убийства! – лицо Вермана озарилось вдохновенным восторгом. – Повсюду трупы! Тюрьмы заполнены публицистами и прозаиками! Счастливый читатель не знает, за что хвататься. Наконец-то в нем пробужден интерес к современной словесности! Интерес, начинающийся не от текста, а от личности! – Верман победоносно вскинул вверх пухлую ручку. – От гнусной, мерзкой, подлой, насквозь прогнившей личности настоящего Творца.

Наступила пауза.

– Знаете, Верман, – кротко сказал Сема, протирая очки. – Допускаю, что я не способен мыслить стратегически. Но моего чутья хватит, чтобы предсказать: если так пойдет дальше, сидеть вам с Еленой Одинцовой в соседних палатах.

Щелкнул закипевший электрический чайник на маленькой кухоньке. Верман, как ни в чем не бывало, убежал и вернулся с большим тортом. В глянцево-м озере застывшего желе плавали алые ягоды. Бабкин подумал, что это странный выбор для мужской компании, но увидев, как Гройс оживился при виде сладкого, понял, что Моня все сделал правильно.

– Почему вы сказали, что это ваше худшее расследование? – спросил Дворкин. – Миша, дайте ваше блюдо, мне не дотянуться отсюда.

– Мы делали ошибку за ошибкой, – сказал Илюшин.

– С такой самоуверенностью, что странно, как нас не пристрелили, –

буркнул Сергей.

Сема вопросительно поднял брови.

– Сначала ошиблись с Динарой Курчатовой. Поверили, что это она устроила похищение. Потом – с братом Динары, – пояснил Макар. – Парень два с лишним года жил на ее содержании и не хотел терять источник дохода. Он решил, будто мы подсланы его сестрой, которая заподозрила, что ее деньги уходят вовсе не на лечение ребенка. Для этого заманил нас черт знает куда, и если бы не Серега, все могло бы закончиться довольно грустно.

– Да не, они слабаки. – Бабкин пожал плечами. – Но Садыкову очень не хотелось расставаться с хорошей жизнью. Он все надеялся уговорить нас солгать ей. Даже денег предлагал!

– Надо было брать! – посоветовал Верман. – А девке сказали бы правду. Или не сказали бы. Я не слишком переживаю за ее судьбу.

– А третья ошибка? – спросил Дворкин.

– Ни мне, ни Сереге в голову не пришло, что Одинцова может быть похитителем. Я разговаривал с ней дважды. И оба раза у меня не зародилось и тени подозрения.

– И у меня, – мрачно кивнул Сергей.

– Истина дошла до меня только благодаря подсказке Михаила Степановича. Но даже ее я ухитрился понять неправильно!

– Какой подсказке?

Илюшин посмотрел на Гройса.

– Я кидал мячик в ковер, – усмехнулся тот. – В царевну-лягушку... Попадал в корону.

– ...и я решил, что это подсказка, – сказал Макар. – Корона означает диадему. Но Михаил Степанович ничего не знал о диадеме Турне.

– Я бил в корону, потому что она золотая, – подтвердил старик. – Чтобы Макар связал меня с ювелиром, который его нанял. Ювелиры занимаются золотом – понимаю, что цепочка сложновата, но других способов у меня не было.

– А потом в дело вмешался Серега. Который соображает гораздо быстрее меня.

– Чего там соображать, – проворчал Бабкин. – Ты бы еще мне дал команду «фас». Все же ясно было, как только ты бросил цитату. Я только опасался, что она все-таки начнет стрелять...

– ...как и вышло...

– ...и спину себе потянул. Старый уже слишком, чтобы такой вес в рывке поднимать с корточек.

– Старый, старый, – пробормотал Илюшин без всякого сочувствия и вдруг обернулся к Гройсу. – Михаил Степанович, когда становишься старым?

Бабкин от его бестактности поперхнулся чаем. Моня и Сема с одинаковым изумленным выражением, придававшим их лицам нечто комичное, уставились на Макара.

Только Гройс, казалось, не удивился и не обиделся.

– Никогда, – спокойно сказал он. – Нет никакой старости, Макар. Юность есть, а старости нет. Это все выдумки молодых.

Соловей по-прежнему пел в ветвях, Люся клялась, что невиновна, старенький трамвай громыхал по путям, развозя влюбленных и безучастных.

– Нет, я все-таки одного не понимаю, – громко сказал Верман, нарушая неловкое молчание. – Объясните же мне, Макар!

– Что именно?

– Как вам пришло в голову использовать пароль из детектива Одинцовой? Она же могла все понять! И вместо праздника мы бы имели панихиду, а я бы уже гладил траурный галстук, чтобы достойно выглядеть возле ваших могил.

Илюшин рассмеялся.

– Видите ли, Моня, мне известен один большой писательский секрет. Обещайте, что никому не скажете.

– Да чтоб я поперхнулся этим вашим секретом!

Верман подался вперед, приоткрыв рот.

– Слушайте и знайте, – сказал Илюшин. – Ни один автор, написавший больше двадцати книг, никогда не помнит собственных текстов.

Праздник удался – это признавали все, собравшиеся в доме Курчатовых. Бесконечно ели, пили, говорили цветистые тосты о мудрости, красоте и здоровье юбилярши. На маленькой сухой головке Альфии Ренатовны сияла диадема с синими сапфирами.

Василий был приветлив и немногословен. Послушно обнимал многочисленных теток и дядюшек, чьи лица к концу праздника слились в одно. Притворялся, будто помнит их детей. Помог отцу открыть шампанское, наравне с женщинами таскал блюда из кухни, а когда дело дошло до коньяка, разливал, начиная с самых старших и уважаемых членов большой семьи. Поднимал тост в честь бабушки, аплодировал тостам других, не разбирая слов, смеялся, когда смеялись все, торжественно молчал, когда наступала тишина, – оказалось, что можно существовать в

потоке, совсем не вдумываясь, что происходит вокруг.

И ни разу, ни разу не встретился взглядом с Динарой.

Она все время оставалась где-то вдалеке, свежая, с кроткой улыбкой на губах, и почтительно склонялась перед восточной родней Альфии. Борис мог бы быть доволен такой женой. Он и был доволен: поглядывал одобрительно, шутил, даже поцеловал руку.

– Васька! – хрипло позвал кто-то из дядьев. – Ты расскажи, как дела в институте! Вон красавец какой вымахал. Все девки твои, а?

– Я больше по учебе, – солгал Василий.

– Молодец! В наших пошел!

И снова пили, веселились, ссорились, мирились, и от всего этого шума он в конце концов отупел настолько, что уже не понимал, что чувствует. Внутри стояло большое горе, как ледяная вода, и поднималось все выше и выше. Он боялся, что когда она доберется до горла, то снова вырвется черным воем.

– Я его вот так держу! – донесся до него голос отца. Василий воочию представил крепкий красный кулак, которым тот потрясает в воздух. – Пока он никто. Никто и звать никак! Вот добьется чего-нибудь, встанет на ноги – тогда посмотрим!

«Я никто».

Василий поднялся, ушел на кухню. Хорошо быть никем.

Но его быстро вернули, затормошили, загомонили, и он снова погрузился в бесконечную, тягостную, гипнотизирующую суету.

Когда все закончилось, Василий хотел незаметно скрыться, но отец придержал его за локоть.

– Опять деньги у бабки клянчил? – спросил он, исподлобья глядя на давно переросшего его сына. – Еще раз услышу, доску твою об голову тебе сломаю. Понял?

Он был пьян, взбудоражен празднеством, болтовней, по-родственному обидными насмешками и даже собственной женой. Что-то странное творилось то ли с ним, то ли с Динарой. Сегодня она была так же притягательна, как в тот вечер, когда он впервые увидел ее. Он ловил взгляды мужчин и безошибочно трактовал их, и от этого душу заливала гордость – не за нее, за себя. Взвинченность его достигла пика, когда мать подняла морщинистые ладони и поправила диадему.

На миг Бориса ослепило сияние.

Это все – его! Он здесь хозяин. Пусть родня посмеивается за глаза, но улыбки гаснут, едва они вспоминают о диадеме Турне. В его власти и самая желанная женщина на этом торжестве, и старуха с сокровищем на белой

голове, и рослый рыжий парень, его сын, на которого со смущенным хихиканьем поглядывают троюродные сестры.

Правда, Василий был подозрительно молчалив весь вечер, Борису это не нравилось. Он хотел показать товар лицом – как жену, как мать в ее диадеме! Он хотел гордиться им, черт возьми! Нормальное отцовское желание.

– Ты что, болеешь? – сердито спросил он. – Бледный какой-то...

– Съел, может, что-то не то, – сказал Василий, отводя взгляд. – С утра живот прихватывало.

– Ну так выпей, я не знаю, таблеток каких. И чтобы не сидел букой, а радовался! Понял меня?

– Понял. Радоваться.

Борис сделал короткий жест, означавший: все, свободен.

Василий вошел в комнату, лег на кровать, не раздеваясь, и стал смотреть в окно.

Сначала за окном было темно. Потом ветер разогнал облака, и на небо выкатились звезды, крупные, как детские слезы.

Понемногу на дом снизошла тишина. Не слышно было ни голосов, ни храпа, ни шагов – только скрип деревьев снаружи и тревожный, нетерпеливый шелест листвы.

Узкая полоса света упала на пол из приоткрытой двери. Василий приподнялся на локте.

В его комнату проскользнула Динара.

Она была полностью одета, волосы заплетены в две косы, на плече – тяжелая сумка. Динара прислонилась спиной к двери.

Василий встал, шагнул к ней, на полпути застыл.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

– Я ухожу, – тихо сказала Динара. – К твоему отцу не вернусь.

Он стиснул зубы. Пусть! Так даже лучше. Нет сил смотреть на нее, ощущать, что она рядом. Невозможно думать, что она делит постель с его отцом, от этого в голове все взрывается, словно туда сунули блендер и взбили мозги в кровавую кашу.

– Пойдешь со мной? – добавила Динара.

Василий стоял молча.

– Пойдешь?

Он не понимал. У нее же есть диадема. Что она хочет? Снова издевается над ним? Он тупой, но не настолько, чтобы второй раз попасться в ту же ловушку.

– Вон отсюда! – два коротких слова дались ему с трудом.

Динара опустила сумку на пол и двинулась к нему. Глаза ее горели в темноте, как у кошки.

– Вася, – позвала она, когда была в шаге от него.

Он хотел толкнуть ее и сам не понимал, что его останавливает.

– Васенька...

Свет от законного фонаря упал на ее лицо, на губы, изогнутые в просительной, почти испуганной полуулыбке, от которой его словно ударили в живот.

– Динар, – забормотал он, – ты что, Динар, ты чего... Ты же не можешь, ты же не хочешь...

Потом для слов не осталось ни времени, ни дыхания, а еще чуть позже все слова потеряли смысл.

Когда начало светать, из дома выскользнули две фигуры. У одной на плече была спортивная сумка, второй нес легкий чемодан и скейтборд. Они шли быстро, взявшись за руки, и ни один не оглянулся на покинутый особняк.

Старуха, провожавшая их взглядом из окна второго этажа, удовлетворенно хмыкнула.

Молодые, молодые! Суетятся, шумят, влюбляются, теряют голову, творят глупости... Господи, как же хорошо, что все это позади. Спору нет, в старости мало приятного. Зато есть одно неоспоримое преимущество: если добрался до восьмидесяти пяти и не растерял по дороге мозги, ты твердо знаешь кратчайший путь к выбранной цели.

Вот в чем ее преимущество. Ей открыты простые пути.

Легкие, едва заметные прикосновения к реальности, ничтожные на первый взгляд изменения – и целые пласты чужих судеб сдвигаются на твоих глазах.

Альфия хрипло засмеялась. Она чувствовала себя гениальным пианистом, безошибочно извлекающим из инструмента мироздания одну лишь ей слышимую мелодию – прекрасную, яростную, древнюю, как сама жизнь.

Первое касание клавиш – всегда исчезать, когда эти двое оказываются рядом. Юность тянется к юности, не мешай им, и все случится само.

Второй мимолетный аккорд – преподнести невестке платье, которое выглядит таким сиротским, что она соблазнительна в нем как сам дьявол.

Третья нота – шепнуть сыну под конец празднества, что внук снова тянет из нее деньги – тот не удержится и наговорит мальчишке гадостей.

Четвертая – поставить камеры и в ее комнате, и в его – просто чтобы

держат обоих в сфере своего внимания.

И наконец, попрощаться с диадемой. В этой тонкой грустной ноте была своя прелесть, и Альфия насладилась ею сполна.

Динару отправили на кухню вместе с другими молодыми женщинами, и старуха спокойно зашла в ее комнату. Благодаря записям, которые она просматривала каждый вечер, ей было известно, где девочка прячет похищенное. Не пришлось обыскивать шкафы.

Альфия встала на колени, точно собиралась принести жертву – в какой-то степени так оно и есть, подумала она, вытаскивая из-под кровати спортивную сумку, в которой хранилась настоящая диадема.

Ладони ее коснулись украшения нежно, словно баюкали крошечную хрупкую птичку. Ах, как же жаль расставаться с ним... Она едва не передумала. Что может быть проще: подменить диадему, и ночью дурочка убежит с подделкой, а ей останется сокровище.

Мысль о том, что она получит взамен, остановила ее. Альфия выпрямилась и постояла, глядя сверху вниз на черную сумку – видит бог, недостойноеместилище для ее прекрасной диадемы. Затем почти презрительно задвинула ее ногой обратно под кровать.

Все решено.

Сын уверен, что после ее смерти диадема перейдет к нему. Каждый раз при мысли о том, как он обманут, на Альфию нападал счастливый смех. Так будет и впредь, все годы, что ей отпущены провидением. Она знала это и заранее наслаждалась.

Боже, до чего глупое у Борьки лицо, когда он таращится на фальшивку – фальшивку! До чего глупы они все! Столько лет вызывать зависть родни неподдельным сокровищем – и под старость посмеяться от души, выдав за драгоценность подделку. Король голый! Ждите-ждите, когда в ваши жадно подставленные ладони упадет его невесомая соболья мантия.

Прощай, гениальное произведение Антоши Рубинчика, притворявшегося Антуаном Турне. Кто смотрит на суть, когда есть ослепляющий блеск – имени ли, фальшивых ли камней?

Разве не достойное наказание сыну за грубость и алчность? За пренебрежение матерью? Жаль, если посмертной жизни не существует. Альфия хотела бы увидеть его лицо, когда он узнает, что за вещица осталась ему в наследство.

И конечно, Динара с Василием! Завтра сын проснется и обнаружит их исчезновение.

Старуха снова захихикала. Нет, они не вернутся! Они до безумия

влюблены друг в друга, эти глупые дети. Надо быть бревном, равнодушным и к жене, и к сыну, чтобы этого не замечать.

Впрочем, ее сын и есть бревно. Злой, равнодушный, черствый человек. Не знающий иных чувств, кроме опьяняющего чувства собственности.

И вот тогда-то она и скажет ему...

Альфия приподнялась в кресле и с выражением острого злорадства произнесла:

– А ведь я тебя предупреждала! Я говорила, что именно так все и будет! Но ты не слушал меня! Ты никогда меня не слушаешь!

Ха-ха-ха! Она и в самом деле предупреждала. Так, чтобы он ни за что не поверил в ее слова – но кто в такой момент станет вспоминать детали!

Что же, Боря, кто теперь посмеется? Полоумная старуха, которой вскоре предстоит менять подгузники!

Кое-что она смыслит. Дай влюбленным тридцать миллионов и жди, что получится. Подерутся, едва дело дойдет до дележа?

Нет-нет, она досмотрит этот спектакль до конца! До смерти интересно, оказался ли ее подарок ядовитым яблоком, или для двоих безмозглых детей все-таки наступил хоть и незаслуженный, но рай.

Будь она змеем-искусителем, Адам не просто откусил бы от плода, а срубил бы дерево познания и выточил из него идолище поганое. А то и еще какое непотребство.

Альфия откинулась в кресле и от души расхохоталась.

«Славный получился день рождения! – сказала она себе. – В девяносто тоже нужно будет выкинуть что-нибудь эдакое».

notes

СНОСКИ

1

Макар вспоминает дело, описанное в книге «Алмазный эндшпиль».